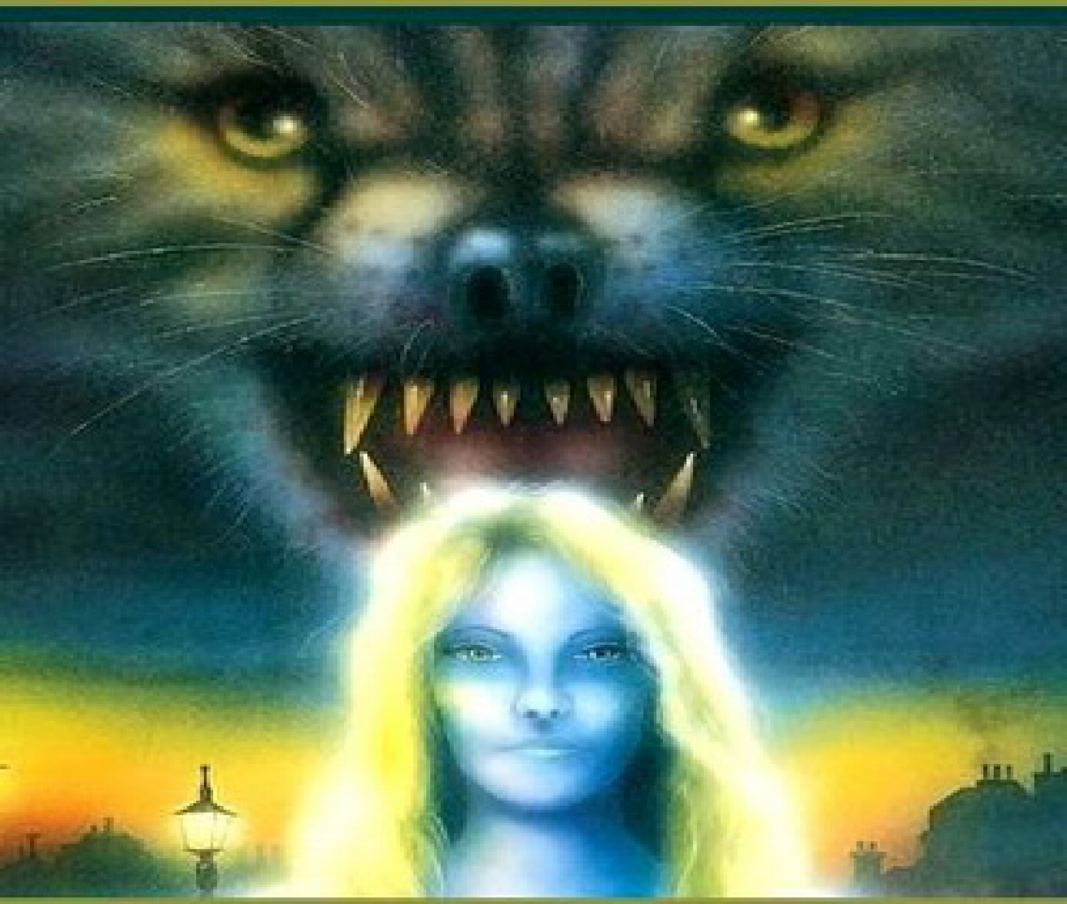
Алина Багазова



АЛИША
ТАЙНА ШКОЛЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Трилогию «Хроники Школы» следует читать строго по порядку, нумерация есть в названии книг.

Всё написанное в равной степени может быть сном, фантазией, вымыслом автора, а может и быть реальностью, существующей действительно.

Автор может поручиться за некоторые моменты, другие же просит считать лишь совпадением.

Итак, маги, астральные воины и желающие приобщиться — приятного чтения.

Бывшая ученица Школы, а ныне — «воин в запасе» Алина.

- Алина Багазова
  - ПРОЛОГ
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4
  - ГЛАВА 5
  - ГЛАВА 6
  - ГЛАВА 7
  - ГЛАВА 8
  - ГЛАВА 9
  - ГЛАВА 10
  - ГЛАВА 11
  - ГЛАВА 12
  - ГЛАВА 13
  - ГЛАВА 14
  - ГЛАВА 15
  - ГЛАВА 16
  - ГЛАВА 17
  - ГЛАВА 18
  - ГЛАВА 19
  - ГЛАВА 20
  - ГЛАВА 21
  - ГЛАВА 23
  - ГЛАВА 24
  - ЭПИЛОГ

Алина Багазова
АЛИША. ТАЙНА ШКОЛЫ

«Хотя мир в целом двигается вперед, молодежи приходится всякий раз начинать сначала»

И. Гете

Вам, первопроходцы, посвящается!

ПРОЛОГ

— Они всё-таки едут, голубчики! — нервно усмехнулась Она, переплетая пальцы под подбородком, упершись локтями в стол.

Он смотрел в окно и размышлял. Несмотря на то, что видел гораздо дальше своей собеседницы: как в физическом мире, так и в тонком — не очень понимал, что за ситуация возникает. Привыкший к ровности и стабильности жизни и сталкивающийся с мощными встрясками лишь на поле боя, там, где привык контролировать происходящее, сейчас Он погрузился в глубокие размышления, лишь вполуха улавливая Её голос.

— Ну, теперь ты понимаешь, что я права, ДЕЙСТВОВАТЬ нужно было сразу?

— Сразу у нас были связаны руки.

— Я говорю об этой реальности! — повысила голос собеседница, — и единственно верным выходом отныне считаю…

— Привести в действие твой план? — перебил Он, вскидывая голову.

— Именно.

— Стефан в курсе?

— Стефан всегда одобрял мои решения, — взмахнув рукой, запальчиво произнесла Она.

— Ты же понимаешь, Лили, что спешка сейчас опасна, тем более, подобные действия.

Это всё-таки криминал…

— Да брось ты! — рассмеялась, тряхнув волосами, — что есть в этом мире, способное помешать?

— И всё же лучше не преступать определённых границ.

— Они уже нарушены. Границы НАШЕЙ территории. И ответом на грубый шантаж должно быть нечто посильнее, мы должны ослабить врага…

Он покачал головой. Он был не согласен, однако и противостоять не собирался.

Имея выбор: помогать ей или отстраниться, всё же склонялся к первому варианту, хоть здравый разум и бастовал нещадно.

— Лили, какого врага?

— Тот, кто несёт опасность, разрушение устоев, грозит отнять то, на что не имеет прав — враг, — безапелляционно заявила собеседница, — ты со мной? Отвечай!

Действовать придётся быстро — прямо сегодня, на колебания нет времени.

Мужчина вновь задумался, взвешивая решение, встал, прошёлся по комнате, подошёл к окну, раздвинул жалюзи. Теперь

он чётко видел, что будет дальше.

ГЛАВА 1

Позвенев ключами, Вольдемар толкнул дверь и галантно посторонился, пропуская нас в полутёмную, но довольно просторную прихожую своей квартиры. Мне понравилось, как пространство переливается радужными шарами светлой энергии, и я смело шагнула вперёд, ребята — за мной. Всегда разглядываю энергетический фон, прежде чем окунуться в него, подобно кошкам, уж они-то знают толк в этом!

— Проходите, располагайтесь, можете занять комнату слева, — кивнул Воля с гостеприимной улыбкой.

Но я ощущала его огромную усталость, накопившуюся из-за внутренних переживаний и частых переездов. Легко коснулась кончиками пальцев позвоночника парня, забирая её и выпуская в пространство, тот сразу выпрямился и нежно привлёк меня к себе, чмокнул в лоб благодарно. А большего счастья мне сейчас и не нужно…

Задолго до того, как мы ещё сегодня вечером увиделись впервые, я знала, что именно он предназначен мне, тот, кого я люблю больше жизни уже не одну жизнь.

Воля не знает об этом. Пока. Но я ему расскажу, много о чём ему поведаю, только позже. Едва мы встретились глазами — дух перехватило, нахлынуло и захлестнуло нежностью, я направила малую частичку этого потока ему, чтоб не захлебнуться — и он «увидел» меня, он сразу что-то почувствовал, почти вспомнил, как любил меня тогда… Ребята — Лета с Серёжей — считают меня странной и, кажется, легкомысленной, слишком быстро произошло наше с Волей сближение, они просто остолбенели, глядя, как любимый нежно целует меня в поезде. Но ведь мы ТАК ДАВНО не виделись, целую жизнь…

В Москву прибыли глубокой ночью, около половины двенадцатого. Пока добирались на такси до квартиры Вольдемара, в тёплом салоне автомобиля, всех одолела дремота, мы практически не разговаривали. Воленька обмолвился только, что назначенная встреча состоится лишь около полудня, а до тех пор у нас будет ещё время пообщаться и ещё раз всё обсудить. От машины до подъезда, однако, проснулись, передвигаясь вприпрыжку, подбадриваемые щипучим морозом Быстренько разложили вещи. Вилка переживала — как же я без сменной одежды, но она не могла знать, что у любимого в шкафу много девичьих тряпок моего размера, оставшихся от уехавшей пару лет назад в Италию сестры, которые прекрасно подойдут мне, так что не было смысла тащить что-то ещё с собой. А концертное

подвезёт, если потребуется, Паша — мой молчаливый друг и помощник — я пока не решила, буду ли тут выступать. Но, по всей видимости, буду…

Дело в том, что с трёх лет (по словам воспитателей, выросла в детском доме) я вдруг начала активно… пророчествовать. Однажды во время прогулки ушла куда-то, потерялась и искали маленькую Алишу повсюду почти до глубокой ночи, но вернулась я сама, так же незаметно, как и ушла, отыскали меня спящей в своей кроватке, куда не укладывали точно. На все расспросы малышка недоумённо пожимала плечами — до трёх лет я не говорила совсем. А потом вдруг начала болтать чётко и уверенно, тщательно выговаривая все звуки. И то, что я говорила, повергало воспитателей в шок и недоумение. А когда мной сказанное стало сбываться — началось нечто невообразимое. Ребёнка стали тормошить и допрашивать ежедневно, пытаясь разузнать о разных личных ситуациях и событиях. Широкой огласке мои способности предавать не стали, переживая, как бы девочку у них не забрали заинтересованные лица. И в десять лет в интересах своего психического здоровья пришлось прикинуться, что дар постепенно покинул меня, и я больше ничего не могу предсказать и увидеть. Сначала правильно, а потом и вообще. Благодаря чему, подростка, наконец, оставили в покое.

Я же ни только не прекратила видеть, но напротив — мои видения приобрели иной характер. Теперь люди вокруг больше не вызывали своей неприкрытой сутью столько ярких эмоций, теперь меня закрутило в вихре иных реальностей, других миров, неземных существ, с которыми я могла отныне довольно легко и спокойно общаться, что и делала с удовольствием. Мне пришлось некоторое время привыкать и учиться различать среди них реальных людей и невидимых другим, дабы не попадать впросак, разговаривая вслух с пустотой, как выглядело порой это со стороны.

Я видела прошлое людей, как на ладони, видела яркие и самые вероятные варианты развития будущего, но никогда не говорила об этом вслух. Во-первых, поняла, что людям вовсе не нужно этого, зная будущее они не стремились что-то поправить в настоящем, а обречённо и покорно принимали грядущее. Во-вторых, это отдавалось болью в моей душе — вопреки чудесным способностям, совершенно ничего не знала о себе самой, о своём прошлом, о родителях и обстоятельствах вынужденного сиротства, и, как не пыталась, не могла узнать. Уже позже, разговаривая с различными сущностями, с ангелами, получила ответ, что пока не следует мучаться этим вопросом. Всему своё время.

И я стала просто жить! Писать стихи, путешествовать по множеству великолепных миров во сне и наяву, попросту покидая тело, изучать свой мир и людей вокруг.

Потом родилась первая песенка… Я спела её на утреннике для малышей нашего детского дома — и мрачноватая атмосфера заведения словно засияла. Стены наполнились детским звонким смехом, улыбками и настоящим домашним теплом. Словно сами воспитатели вдруг по-новому взглянули на свою работу и на своих воспитанников. Потом эту песенку пели много лет на утренниках и просто мурлыкали под нос все, кому не лень. А я больше не писала, не знаю почему, возможно меня просто пугало возникающее в таких случаях пристальное внимание к своей персоне.

Когда пришло время покидать стены, бывшие мне домом в полном смысле слова, мы совместно с другом, лучшим другом, выросшим со мной вместе и считающимся самым настоящим, родным братом — Пашей, купили квартиру на двоих. Государство выделило нам комнаты в коммуналке, но мы продали их и купили двушку. Учились заочно, работали, всё как у всех, кто лишён был с детства родительского тыла. Изредка я писала стихи, звучащие в голове с музыкой, как песни, но никому не показывала их. Стеснялась, потому что, сравнивая с тематикой современных песен, ощущала их бессмысленность и наивность. Лишь изредка напевала тихонько в ванной, когда становилось в жизни трудно, и настроение моментально поднималось, верилось в лучшее.

После 16 лет резко прекратились контакты с сущностями нечеловеческой природы, я очень быстро забыла детство, теперь всё казалось невероятным сказочным сном.

Вновь начала видеть суть людей, с безмерным интересом и жаждой постигнуть, читала их, как книги, изредка ненавязчиво подсказывала иным. В голове постоянно всплывали будто подсказки, нашёптанные кем-то — что значит то или иное явление, видение и прочее. Я училась заново осваиваться в этом мире, теперь воспринимаемом мной в нереальных красках и ракурсах.

Время от времени встречались совершенно невероятные, потрясающие люди, сияющие так, что свет их ослеплял, но я ни разу не решилась подойти, заговорить, хотя душа моя тянулась истомлённо к ним… Настойчиво стала искать ответы на свои безмолвные вопросы — и это не составляло труда: они загорались в голове подобно озарениям. Я стала читать литературу о том, что приходило мне чудесным образом в голову, и нашла подтверждения самым необычным, самым изумительным

знаниям, посещающим меня. Начав осмысливать, поняла однажды, что даже среди обычных людей живут воплощённые те самые ангельские сущности, которые приходили ко мне в детстве. Не просто так, а со светлой, прекрасной миссией. И я стала просто улыбаться им при встрече. А они улыбались в ответ, таким образом обменивались сиянием душ, разговаривали без слов, соприкасались незримо.

А однажды на улице Санкт-Петербурга мне встретился Серёжка. И мгновенно я прочла его жизнь, как открытую книгу. И пришло понимание — для чего это нужно было: в тот момент я подошла к главной миссии всей своей жизни.

И я сделала это. Просто подошла и, попросив выслушать, рассказала всё-всё. Он слушал и ни разу не перебил, не рассмеялся, несмотря на то, что говорила вещи, от которых обычные люди просто бы шарахнулись. Но суть в том, что Серёжка не был обычным человеком, как и я. Впервые соприкоснулись наши руки и я поняла, ЧТО значит найти по-настоящему родственную душу, не в том обыденном смысле, в котором привыкли употреблять это слово люди. Не бытовое понимание, а понимание без слов, без мыслей в голове, просто ОЩУЩЕНИЕ. Ближе, чем любимый, чем брат…

Позже мы встретились у него дома и говорили снова и снова. Я рассказала Серёже всё, что видела о нём, стараясь как можно более полно помочь, направить в том, что являлось его предназначением. Говорили так же и обо мне, но моя жизнь казалась мне такой неважной в сравнении с его Путём…

Правда потом она круто поменялась, когда с подачи Паши, Макса и других наших друзей я начала вдруг петь и даже завораживать людей своими песнями. Моё творчество вдохновило Серёженьку двигаться дальше без сомнений и колебаний. И впереди у него ещё долгий, но прекрасный путь. Путь рядом с любимой, они ведь с Летой тоже созданы друг для друга…

— Алишик, — Воля бесшумно подошёл сзади и обнял за плечи, а я поймала себя на том, что стою у окна и всматриваюсь в мистически освещённую несколькими тусклыми фонарями тьму дворика, — не хочешь перекусить перед сном? Стол накрыт…

— С удовольствием.

Я повернулась к нему, и вдруг неожиданный эмоциональный порыв бросил меня к Вольке на грудь, обняла и прижалась. Сердце гулко колотилось. Скоро, совсем скоро — НЕТ! — новая разлука, страшная, опасная. Мы скоро расстанемся! И в то же время я ощутила, что не нужно говорить об этом Воле, поскольку я не знаю, отчего это может произойти и как возможно избежать такой ситуации. Следовательно, она почти неминуема, а всё

необходимое для нашего же блага должно происходить своим чередом.

На кухне Вилка с Серёжкой перешучивались в ожидании нас, на столе дымился чай с бутербродами и булочки с маслом — наскоро приготовленный ужин. Вилка вдруг посмотрела на меня испуганно, и я поняла, что не успела убрать с лица выражение печали и тоски. Улыбнулась ей ободряюще и получила ответную улыбку облегчения.

Всё хорошо, подружка, всё будет отлично…

Одновременно с Волькой я потянулась к бутерброду с колбасой. Я не люблю мясо и почти не ем его, но в этом вопросе совсем не так принципиальна, как, например, Серёжка. Просто оно утяжеляет и мешает в «полётах», однако сейчас возникла острая потребность заземлиться, чтоб понять, что происходит вокруг нас. А что-то явно происходило, не понять пока что, но сгущалось и окутывало, не очень приятное предчувствие. Возможно, ребята это тоже ощущали, но темой разговора сейчас было лишь одно: завтра мы увидимся с Учителем и узнаем правду. Я плохо понимала, о чём речь, но не хотела вникать в подробности, меня более беспокоила мысль о том, что в Москве, пожалуй, нам придётся неплохо задержаться, а потому завтра же следует позвонить Паше и обговорить мою возможность выступать в местных клубах (ранее поступало уже несколько предложений из этого города), договориться о костюмах и прочем. Но это завтра, а пока у меня есть ночь. Всего одна ночь, чтоб побыть с моим любимым, прежде чем жизнь, возможно, вновь разлучит нас.

И эта ночь должна укрепить связь между нами, ту самую, что поможет обоим впоследствие пережить разлуку, а мне — в случае необходимости почувствовать Волю и разыскать его.

— Так, давайте не будем засиживаться, — проговорил Вольдемар, едва мы доели, — завтра рано вставать, встреча со Стефаном назначена на десять утра, добираться до места около часа. Объявляю общий отбой!

Мы дружненько поднялись и, сонно зевая, побрели по комнатам (кроме тех, в которых мы расположились, в квартире была ещё одна — спальня родителей Вольдемара, но она стояла закрытой). Я успела только парой дежурных слов перебросится с Сергеем, стараясь ничем не выдать тревоги, и, похоже, это получилось.

Едва дверь за нами с Волей закрылась, он обнял сзади и склонил голову на моё плечо — Ложись на кровать, я переночую в кресле, — прошептал на ухо, щекоча прерывистым дыханием.

Глупенький… Он ведь чувствует то же самое, только не

отдаёт себе отчёта в том, что сейчас желания истинны и правомерны, как никогда. Мы заслужили эту ночь…

— Нет, — покачала головой, — мы будем спать вместе, в объятьях друг друга, я хочу быть с тобой сегодня ночью!

По телу любимого пробежала дрожь, моё моментально отозвалось. Как же давно мы не превращались в одно целое! Сколько же времени не сгорали, охваченные пламенем любовной горячки!

Лихорадочные движения, голодные, истосковавшиеся нежные руки и губы — всё это слилось в единую мелодию, музыку, под которую кружились наши души в порыве обоюдной страсти. И тела кружились по комнате, пока не была скинута последняя одежда, а потом прохладная нега одеяла приняла нас в объятия, окутала, сливала наши дыхания в одно…

Мы уснули глубоко за полночь, переплетясь руками и ногами, окунувшись в один сон на двоих. Сегодня я никуда не полетела — осталась с Ним душой, духом и телом.

Только с Ним.

Я проснулась, как от толчка. Воля безмятежно спал рядом. Что разбудило меня в час, когда только подкрадывался рассвет? В эту же секунду в ответ на вопрос прозвучал приглушённый дверью нашей комнаты громкий стук во входную дверь.

— Воль… Воленька! — я потрясла милого за плечо, — проснись. Кто-то стучится.

Спросонья Вольдемар не мог сначала понять, зачем я его разбудила, но настойчиво повторившийся стук заставил, чертыхнувшись, встать и накинуть халат. Мерно тикающие на стене часы показывали половину седьмого.

— Спи, Солнышко, — нежно проговорил Воля, глядя, что я села на постели, сжав одеяло в руках, — это соседка. Бабулька старенькая, иногда спозаранку заходит, когда ей нездоровится, сделаю ей укол и вернусь, не выходи, а то от любопытства меня замучает. Приду и можно будет ещё часик поспать.

Но моё сердце гулко забилось, словно возражая его словам, однако прилегла. Зевая и шаркая тапками, Вольдемар прибавил прыти, поскольку в дверь уже тарабанили и он, вероятно, не хотел разбудить ребят в соседней комнате.

Я лежала и прислушивалась изо всех сил. Отчаянно хотелось выйти вслед за ним, или, покинув тело, понаблюдать со стороны, но это было неэтично и просто некрасиво — следить за каждым шагом, а мои тревоги навеяны всего лишь предчувствием, посетившим вчера.

В прихожей зазвенели ключи, скрипнула дверь, и раздались приглушённые голоса:

Волькин и чей-то ещё, непонятного пола. Я прикрыла глаза, пытаясь сосредоточиться и понять, почему сердце так рвётся из груди, но, незаметно для себя, вдруг уснула…

ГЛАВА 2

Как же славно просыпаться не спозаранку, а когда солнечные, по-зимнему скупые, лучики протиснулись сквозь паутинку занавесок и игриво пощекотали щёку.

Я открыла глаза и, потянувшись, мысленно поприветствовала новый день. Редкий день, когда нет с утра концерта или записи. Ох, я же не в Петербурге!

Села в кровати, вспоминая Москву, наш приезд, нежную, счастливую ночь и… Мой полный нежности взгляд замер на пустой половине кровати. Где Воля?

И тут я вспомнила визит соседки ранним утром, Волька пошёл открывать… Где же он?

Не ложился больше? Нехорошие мысли поползли в голову, обжигая мурашками по телу.

Я глянула на часы. Господи! Половина десятого!

Я вскочила, путаясь в одеяле, схватила его, быстро завернувшись, не теряя времени на поиски одежды и выбежала в коридор.

— Воля! Воленька! — позвала негромко. Дверь в комнату ребят была заперта, они безмятежно спали, Вольдемар обещал разбудить нас всех.

В ответ мне глухая тишина. В кухне, ванной любимого не было. Я вмиг похолодела с макушки до пят.

— Так, спокойно, Алиш, успокоилась, тихо…

Осторожно присела на табуретку, уняв бурно колотящееся сердце, попыталась сосредоточиться, выбросив мысли из головы. Сейчас настроюсь на Волю и найду его в момент. А в следующий момент рассеянно блуждающий взгляд вернулся в прихожую.

Ледяная струйка сквозняка проникала через щель приоткрытой двери, неприятно обжигала ноги и шевелила волосы на голове…а я только сейчас ощутила.

Медленно встала и подошла. Дверь действительно была открыта, с площадки тянуло холодом. Сквозь сердце, стучащее в висках, протянула руку, чтоб прикрыть, и увидела нечто, заставившее распахнуть её шире. На площадке, прямо около двери, сиротливо лежал тапок Вольки.

— Алишик, что происходит?

Я почти не вздрогнула, хотя нервы были натянуты подобно струне. За спиной стоял Серёжа и сонно потирал глаза, глядя с лёгким недоумением — Времени-то сколько… А Волька где?

— Серёж, его нет, — спокойно сказала я.

— Вышел? Не простудись, раздетая… — Сергей побрёл в

ванную, я, высунувшись в подъезд, наклонилась, подобрала тапок, внимательно окинув лестничную площадку взглядом, и закрыла дверь, — разве нам не к десяти на встречу?

Это он крикнул уже из ванной комнаты.

— Да, — кивнула я едва слышно, — к десяти. Но встреча откладывается.

— Как это? — он остановился в дверях.

Из спальни выглянула Виолетта.

— Ой, мы, кажется, проспали? — воскликнула она и осеклась, увидев меня в одеяле и с тапком в руках.

— Волька пропал… — сказала я, прислонившись к стене, выронив находку, закрыв глаза.

Вокруг меня тут же поднялась суматоха. Сергей, обняв за плечи, отвел в кухню, усадил на табурет, Лета сбегала, принесла халатик, помогла одеться, пока парень отвернулся.

— Что случилось? — они пытливо, в четыре глаза, уставились мне в лицо.

А меня мутило, никак не могла нащупать связь с Воленькой, звала его мысленно, но он молчал, словно без сознания или…его не было в живых. Я не понимала, что происходит, почему не получается настроиться на любимого, ведь сейчас мы были как никогда близки. Мешало присутствие ребят, их волнение, тревога и непонимание ситуации. Пришлось начать с необходимых действий.

— Рано утром в дверь постучали…

И я рассказала, что произошло. Ребята сидели потрясённые и удручённые.

— Что могло произойти? — тряхнула Лета головой, — надо сходить к соседке!

Она уже шагнула к двери, но я остановила:

— Не надо, соседка тут не причём, это была не она.

— А кто? — нахмурился Сергей, — Алик, ты знаешь что-то?

— Знаю, что это не она. И больше ничего пока. Серёж, мне нужно побыть немного одной, ладно? Я сейчас посижу в комнате, сосредоточусь и смогу узнать гораздо больше. А вы пока побудьте здесь, чем-нибудь позавтракайте… И никаких сильных эмоций, договорились? Не мешайте, в общем.

— Хорошо, конечно, давай, иди, — Серёжка буквально выпихнул меня из кухни.

По пути в комнату я подобрала тапок, сжала в руках и так уселась на кровати, закрыла глаза.

Сразу нахлынула волна горячей страсти, нежного волнения, захлестнула с головой — последние бурные эмоции, проявленные в этом помещении. Я постаралась не поддаваться, закусив губу,

абстрагировалась от отпечатков и снова мысленно позвала Вольку. Тишина. Я его даже не ощущала. Болью кольнуло в сердце и на миг стало страшно искать дальше, углубляться, страх УЗНАТЬ, что случилось. Хотя всё-таки интуиция подсказывала мне, что любимый жив, но лишь она. Никаких других субъективных доказательств. Тогда я начала настраиваться на информационный отпечаток, хранящийся на тапке. И сразу увидела.

Вольдемар открывает дверь. За порогом в слабоосвещённом подъезде виднеется силуэт, чьи-то ноги. Это явно мужские ноги: поношенные вытертые джинсы, кроссовки на меху, край тёплой чёрной куртки, фрагмент шарфа, женщины не носят такие. Тем более — старушки-соседки. Итак, с утра к Вольке приходил мужчина.

Некоторое время он маячит на расстоянии двух-трёх шагов, потом Волька зачем-то выходит к нему, за порог, прикрывая дверь в квартиру. Потом туман.

Я вцепилась в тапок изо всех сил, погрузилась насколько могла глубоко в его информационное поле. Так…Воля в подъезде, совершенно спокойный разговор, смысла которого не понимаю. Мужчина внезапно делает в его сторону резкий шаг, хватает Воленьку за руки…а потом… что потом? Снова всё меркнет.

В течение следующих нескольких минут я пыталась вновь и вновь прочесть хоть что-то ещё, но тщетно. Единственное, что мне удалось, так это уловить, что, кажется, Волю ударили чем-то по голове, прежде чем схватить за руки. Но и то спорно и невнятно.

Что произошло потом? Куда он делся? Кто был тот мужчина? Вопросов появилось больше, чем отыскалось ответов. Надо теперь выйти в подъезд и попробовать настроиться там.

Я поднялась и прошествовала до входной двери, знаком показав испуганно выглядывающим из кухни ребятам, чтоб оставались на месте. Вышла прямо в халате на площадку, остановилась, прижавшись к дверному косяку.

— Воленька, ну ты где? — прошептала отчаянно, — что здесь случилось, помоги мне найти тебя, отзовись!..

Хлопнула дверь этажом выше, помешав сосредоточиться, кто-то начал спускаться вниз. Пришлось вернуться в квартиру. Сейчас как раз такой час, что все разбредаются на работу, надо немного выждать, толку всё равно не будет от постоянных помех. Прошла на кухню, села. Виолетта пододвинула мне чашку с чаем, Серёжа терпеливо молчал, Лета первая спросила:

— Ну что, что, Алиш?

— Утром к Воле пришёл мужчина, — отхлебнула чаю, — вызвал его на площадку. Они почти не разговаривали, всё

произошло очень быстро…

— Что произошло? — не выдержал Сергей.

— Его похитили.

— Ну, как можно так просто похитить человека? — подскочила Лета, — из собственной квартиры? Да и кому понадобилось это? Волька же не олигарх какой-то, обычный парень…

— Постой, он говорил, что он программист, — вспомнил Серёжа, — может с работой связано что-то?..

— Нет, — безапелляционно отрезала я, — не с работой. Он не знал этого человека, я уверена.

— А как же встреча со Стефаном? — выдохнула Лета, — он же будет нас ждать! И только Волька знал, где она должна состояться!

— Боюсь, нам не попасть на эту встречу, — покачал головой Сергей, — вот это поворот…

Они вдвоём уставились на меня, выжидающе, с надеждой.

— Ребята, у вас есть возможность задержаться в Москве? — старательно сохраняя самообладание спросила я, — остаюсь здесь, пока Воля не найдётся.

— А как же… твои концерты? Подожди, Алишик, если для тебя это непросто — езжай назад. Я могу остаться совершенно точно, мы с Вилкой, правда? — они с Летой переглянулись, кивая, — буду руководить работой по интернету и…

— Ты не сможешь найти Волю, — я покачала головой, — только я.

— Постойте! — вскочила Лета возбуждённо, — о чём мы тут все говорим? Если Вольку похитили, надо срочно заявлять в милицию! Мы можем только гадать — с какой целью и кому он мешал, но время-то идёт. А вдруг всё гораздо серьёзнее.

— Летик, успокойся, — Серёжа потянул её за руку, девочка тряхнула волосами, но села, — Алиша знает, о чём говорит.

— Мне нужно только немного времени, совсем чуть-чуть…

Я встала и прошлась по кухне. Реальность вокруг вдруг закружилась, пошла разноцветными пятнами, пол поплыл под ногами. Остановилась возле раковины, открыла кран и умылась прямо из-под него. Стало легче. Что-то накатывало снаружи, и в следующий миг я поняла — что: Воленька. Он звал меня!

— Алишик, тебе плохо? — донесся, словно издалека голос Серёжки.

Я, сжав зубы, покачала головой, закрыла воду и выдохнула:

— Пожалуйста…Помоги дойти до кровати.

С двух сторон ребята подхватили под руки и буквально дотащили до комнаты.

— Я…сейчас буду с ним говорить… вы только не беспокойте. И не волнуйтесь…ладно?

— Алик, конечно, всё понятно, давай, мы не будем мешать, — забормотал Серёжка, они с Летой попятились, прикрыв дверь.

Я упала спиной на кровать, раскинув руки, закрыла глаза. Моментально всё вокруг закружилось, завертелось, гул в ушах нарастал. Тело налилось свинцом, а потом я резко потеряла ощущение его. Но покидать сейчас было рано, я прошептала, чтоб удержаться:

— Воленька, ты где? Я слышу, говори!

— Алишик… — донёсся еле слышный выдох, похожий на шелест, любимый голос, — не вижу тебя…

— Ты слышишь меня? — сердце быстро-быстро заколотилось, нельзя терять времени, — где ты?!

— Слышу, но не могу понять. Здесь так темно… — голос слабел.

— Подожди! Не уходи! Скажи, что произошло, как тебя найти?

— Не ищи, я сам…не пропаду… Аленький, я тебя позову, когда разберусь! Прорвёмся!

Мне показалось, что в последней фразе прозвучала улыбка. Задорная, лукавая, отчаянная. Воля оставался собой в любых, даже самых непонятных и странных обстоятельствах. Казалось, умри он — всё равно, и с того света попытается прорваться, разобраться в ситуации и повернуть её в свою пользу. Своеобразный кураж первопроходца с абсолютным отсутствием страха.

Было тут ещё кое-что, чему я пока не открылась: некая тайна, соединяющая троицу друзей. И сейчас не была уверена, что имею право получать информацию через свои источники. Но ребят расспрашивать не хотелось тоже. Они и без того подавлены, сорвалась столь важная для них встреча с неким Стефаном…

Едва я в голове произнесла это имя, как перед внутренним взором возникло лицо мужчины средних лет. Крупноватые, даже грубоватые черты лица, не лишённые, впрочем, обаяния. Тёмные волосы с лёгкой проседью. А взгляд… Было в нём что-то, что укололо в самое сердце — этот человек явно не прост. Более того, у него недюжинные сверхъестественные способности. Какие образом он связан с ребятами?

Ладно Серёжка, с ним понятно… Но у меня стойкое ощущение, что этот мужчина более связан с Летиком, нежели с моим другом.

В потоке мыслей, исподволь всплывала информация, и чем дальше — тем больше я холодела. Стефан… непростой и в чём-то

опасный человек. Связан не только с Летой, но и с Вольдемаром, и связь эта какая-то… нездоровая, построенная на обоюдной агрессии и неприятии. Такие связи между людьми и толкают на страшные преступления, перед которыми уже даже разум не властен над человеком. Зачем это нужно было Воле? Может быть, таким образом, такими событиями сама жизнь его огородила от сегодняшней встречи?

Я открыла глаза. Несмотря на то, что Воля запретил его искать (вероятно, он не в опасности, хотя сердце мне настойчиво говорит об обратном), я всё же должна сделать это. И немедленно попробую… Московский астрал, держись, выхожу на «прогулку»!

Вновь зажмурилась, расслабилась каждой клеточкой, привычно, с лёгким щелчком, покинула тело, браво уже даже миновав стадию вибраций!

Подошла к окну, взглянула сквозь чрезмерно толстое для этого плана стекло и легко проскользнула сквозь, выпорхнула на свежий, хрустальный, воздух. Обожаю летать! Всегда, как-то инстинктивно, распахиваю руки, словно превращаясь в птицу, парю в пространстве… Раньше мне здорово мешали провода, до тех пор, пока не адаптировалась к новому состоянию и отучилась реагировать на них, как на помеху. Физическому телу они могли бы стать таковой, и всё моё существо аналогично реагировало, привыкнув за много лет и не желая устоявшиеся законы отвергать. Но теперь с лёгкостью пропускала такие вещи сквозь себя, совершенно ничего при этом не ощущая.

Пару минут я просто и без эмоций летела вперёд, влекомая импульсом самого полёта, усилием воли меняя траекторию и скорость, на уровне примерно третьего этажа, наслаждаясь уличными пейзажами, разглядывая людей. Любимый маршрут — двигаться над почти пустынной трассой где-нибудь за городом — здесь был невозможен, а вид сверху на город, забитый машинами, стоящими в пробках, вызывал удручённое состояние духа. Душа, глядя на всё это загазованное скопище людей и металла, запертых в клетке обстоятельств, от них не зависящих, с особой силой просила свободы. И я резко взмыла вверх, свернула вправо и, повинуясь чутью, направилась в более спокойный район.

Помимо людей, шагающих по улицам и едущих в транспорте, я видела и таких же астральных путешественников. Они внешне отличались, конечно же, так же, примерно, как на вид облако с очертаниями горной гряды отличается от настоящей горы. Некая невесомость сквозит в силуэтах покинувших тела, не говоря уж о едва уловимых взглядом нитях соединяющих их в пространстве…

Они мелькают то тут, то там. В астрале почти никто не ходит ногами по земле, если только не ставит целью сопровождать кого-

то из людей. Изголодавшись по полётам, тут попросту не хочется опускаться вниз. А сколько народу восседает на крышах! Просто птицы в человеческих обликах! Едва сдержала улыбку, вспомнив, как сама вначале находила наиболее высокое здание и часами сидела там, глядя на ночной город у ног. Днём не удавалось выкроить много времени на это. Потом только я поняла всю прелесть ночных перелётов в страны других часовых поясов, там в это время день и сколько всего можно увидеть! Я в астральном теле посещала крупнейшие музеи мира, выставки, различные мероприятия (была даже на бразильском карнавале однажды — если бы знали люди, сколько «астральщиков» там тусуется в это время), концерты разных звёзд мировой величины (плакала от счастья, впервые попав на выступление любимой Лары Фабиан в концертном зале где-то в Нью-Йорке…невероятная, неземная акустика!). В астрале возможен доступ туда, куда не можешь попасть по каким-то причинам физически, и это прекрасно, за пару лет я «облетела» весь мир, побывала в самых разных странах, опускалась в океанские глубины и поднималась на пики гор. Утолив сполна жажду путешествий, обретя множество любимых местечек по всему земному шару, я всё же окончательно вернулась в Петербург и редко отныне покидала его в тонком теле.

И сколько же на самом деле людей, что овладевают умением отрываться от физического плана! Кому-то хочется свободы внутренней и внешней, кому-то это просто жизненно необходимо. Был у меня в астрале друг — инвалид с детства — неподвижный, ограниченный физически, полупарализованный. Не имея доступа даже просто на улицу, сидел у окна и днями дремал, в то время как летал со мной в тонком теле над крышам ночного Лос-Анджелеса или дневной Прагой. Он был замечательным собеседником, несмотря на то, что в физическом мире не разговаривал совершенно и не учился ничему — интеллектуальный потенциал в мальчике был невероятный. Он умер однажды, в полёте. Просто, в какой-то момент тонко звякнув, лопнула серебристая нить, и Андрей устремился ввысь, растеряно, а потом радостно глядя на меня. Я же замерла, не двигаясь, провожая глазами друга, пока он не исчез из поля видимости, и больше мы не виделись. Я никогда не посещала миров ушедших с земного плана, не ощущаю потребности в этом.

С тех пор летаю одна. И наблюдаю…

Вон там, на балконных перилах, сидят две девочки, переговариваются о чём-то, беспечно болтая ногами над бездной. Даже соскользнуть в неё кажется им милой игрушкой, безделицей, наскучившим развлечением. И, на самом деле, для

неокрепшей психики подростка это бывает опасно. Когда перестают различать границы возможного в физическом мире или попросту делают выбор в пользу этого, ощущая его настолько же реальным — и шагают с крыш. Просто так, ни от чего, а просто потому, что здесь им лучше. Они думают, что останутся ЗДЕСЬ…

А вон там, сбоку, из окна вынырнула фигурка девушки, сначала робко, а потом с радостным визгом взмыла вверх, скользя вдоль стены, вдоль безликих стеклянных квадратов.

— ПОЛУЧИЛОСЬ!!! Ура! Я вышла! Я летаю!!!!

Сколько счастья в голосе! Я даже позавидовала невольно восторгу первооткрывателя, ей всё ещё предстоит… Только вот чем всё закончится? Если у человека нет цели в жизни, он всё больше начнёт тянуться в этот мир, терять связь с телом, будет расти желание в него не возвращаться. А однажды сделает главный выбор. Мало кто гармонично совмещает жизнь вне тела с жизнью в нём, свободу с ограничениями.

А вон там молодой парень, изображая канатоходца, идёт по проводам прямо над проспектом. Улыбается загадочно, глядя вдаль и не глядя под ноги. Да и не нужно ему этого, он ведь почти не касается металлических нитей, парит над ними, играя в то, что идёт. А какая глубокая, бездонная грусть внутри, всепоглощающее одиночество! Дошёл до противоположной крыши, легко спрыгнул на карниз и завернул за угол, так и не заметив, что я за ним наблюдаю.

А вон там, внизу, парень с девушкой танцуют под музыку, льющуюся из музыкального магазина, дурачатся, обнимаются, целуются, кружатся, не обращая внимания на толпу вокруг, растворяясь друг в друге, наслаждаясь. Что ж, кому-то только тут возможно быть вдвоём и любить друг друга открыто, свободно… Вздохнула: сколько же запретов ставят люди сами себе и потом от них же и страдают.

Конечно, не всё так радужно в астрале, как может показаться, есть тут «хулиганы», подглядывающие в окна, за закрытые двери, становясь свидетелями личной, интимной жизни других. Это неэтично, а этика пребывания здесь существует, и такие люди быстро теряют навыки выхода из тела, они просто настолько «отяжеляются» по вибрациям потакая низменным желаниям, что не в силах преодолеть «плен тела», что ж за хулиганство надо платить. Есть здесь и более… мерзкие субъекты, живущие вопреки всем мыслимым нравственным ценностям и здесь они являются вампирами, но я не пересекаюсь с ними, находясь в разных «вибрационных» плоскостях.

Задумавшись, совершенно забыла о цели выхода. Тотчас спохватившись, огляделась, выбрала уютное местечко — на

открытой террасе кафе, на втором этаже, которая зимой безлюдна и прикрыта рекламным щитом сотового оператора — и опустилась там на ноги. Подошла к перилам и уставилась на открывающийся перед взором вид на Москву-реку, задумалась.

Воля находится без сознания — это факт. Тело его здесь, в пределах города, его предстоит найти, тогда парень спасён. Но как это сделать?

Поддерживать физическое состояние человека «в отключке» возможно лишь в определённых условиях, значит место, где он находится, связано, скорее всего, с медициной. Логично предположить, что он «прячется» в больнице. По крайней мере, начать поиски лучше с них. Сколько в Москве больниц, клиник, всяческих стационарных медицинских учреждений? Думаю, немало…

Закрыла глаза, быстро набросала перед внутренним зрением карту со светящимися красными точками учреждений. Многовато.

Теперь пошлём в пространство запрос на предмет людей, находящихся там в данный момент без сознания, примерно Волькиного типажа. Ого! Тоже немало. Что ж, попробуем наобум в первую попавшуюся, самую близкую от меня, слетать. Хотя интуиция и категорически отрицает успешность сего мероприятия — но чем не шутит чёрт, в чьём бы ни представал обличьи… А вдруг?

Сделала глубокий вдох, выдох — и «шагнула» по первому адресу.

Больница где-то на западе Москвы, абсолютно непрезентабельное снаружи, одно из нескольких, разбросанных в непосредственной близости друг от друга, здание, серое, хмурое, тусклые, мутные «глаза» окон. Потёртая табличка: «Отделение общей терапии». Внутрь попадать резко расхотелось. В другое время я полностью доверяю своим ощущениям, но сейчас почти нет пути назад. По привычке, машинально, двинулась к дверям (хотя могла бы попросту сквозь стенку), проникла внутрь и попала в вестибюль, уставленный ещё советскими кадками с пальмами, увидела пост, на котором дремала за двухтумбовым столом пышнотелая густо накрашенная медсестра. Тишина. Сонный тихий час, не иначе, хотя негромкое бормотание из ближайшей по коридору палаты всё же доносится.

— Эй, ты! — вдруг резкий возглас, я быстро обернулась, глянула на медсестру, та всё так же безмятежно погружена в мир Морфея.

— Ты, ты, слышишь, а? — на краю кадки сидит мальчишка лет восьми, лукаво, с хитрецой, смотрит прямо на меня. Похоже, мы с ним существуем в одной реальности.

— Привет. А ты что здесь делаешь?

— Лежал я тут, — беззаботно качнул головой мальчик, — потом полетел.

Я похолодела.

— Ага, умер! — радостно объявил он, читая мысли.

— Давно? — единственное, что нашлась сказать.

— С месяц.

— А почему ты… остался здесь?

— Нравится мне тут. Где же ещё? — он почесал нос, — родаки трупешник забрали и вздохнули с облегчением, помытарились они со мной по больничкам, с трёх лет кочуем, дома меньше бывал. Измучал всех.

— А что с тобой такое было?

— Прививку сделали… Коревую. И всё. Доктор говорил — осложнения пошли, поствакцинальные, организм полностью дал сбой по всем жизненно важным органам, — вдруг по взрослому заговорил ребёнок, — стал инвалидом. И началось… меня, кстати, Стёпкой зовут. А ты кто? Тоже концы отдала? И из какой палаты?

— Да нет, я не отсюда, прилетела…

— А! За кем-то да? Тут постоянно встречают новых откинувшихся. Только за мной никого не было, все мои родные живы ещё, тут я не нужен никому…

— Такого не может быть! — воскликнула я поражённо, — Стёпа, ты всё это время был здесь?

— Ага, жду вот… За порог ни-ни, а то вдруг…а меня нету, — мальчик сник, а потом вдруг оживился, — ой, а ты не за мной случайно? Я Степан Антонович Колесников из 38-ой палаты, 1999 года рождения…

— Стоп-стоп-стоп, — прервала, — я тут вообще-то по другому делу. Но постараюсь тебе помочь.

Мальчишка недоверчиво посмотрел на меня.

— По какому делу? — угрюмо ссутулился.

— Ищу одного человека, живого, но без сознания. В коме, например, тут есть такие, ты не в курсе?

— Конечно, в курсе, — пожал плечами, — за месяц выучил тут каждый сантиметр…Интересно же и скучно, вот и брожу, заглядываю везде… Ой, нет, я не подглядываю, не пугаю, я не такой, как ОНИ.

— Они?

— Ну, другие… кто тут умер и остался, старые. Тут же недели не проходит без трёх-четырёх покойников, в основном старики — инфаркт, инсульт, диабет…дети бывают, но редко. Кто-то улетает сразу, за кем-то приходят, а некоторые остаются. Как я.

Он совсем упал духом.

— И они пугают?

— Да. Не меня, я им побоку, а живых. Особенно тех, кому и так плохо, кто в бреду или совсем тяжёлый. Такие их видят и очень боятся. Я сам видел много раз при жизни, даже привык, — он усмехнулся, — да тут их полная больница!

Я просто оцепенела от услышанного.

— Пошли, — поманил меня мальчик за собой, спрыгивая на ноги, — сама посмотришь.

ГЛАВА 3

Он мягко заскользил по полу, даже не пытаясь взлететь. Я и сама ощутила, как давит здесь атмосфера, захотелось тоже опуститься на ноги, тяжело висеть в воздухе. Встала и поспешила следом. Едва свернули в боковой коридор, как от стены напротив отделилась тёмная тень и шагнула к нам, колыхаясь подобно подводным водорослям, в ней угадывались очертания женского лица.

— Кто такая?.. — проскрипела неприятно она, — вроде не живая. Новенькая преставилась?

— Старенькая! — отмахнулся мальчишка, — Петровна, отстань, она снаружи, в гости пришла.

Я поёжилась. Тень застыла на миг и пошла рябью, втянулась обратно в стену.

— Не страшно? — обернулся на пути Степан, — и она ещё не самая неприятная. Тут есть одна… инсультница, на сумасшедшую похожа и воет так же. По ночам её многие больные слышат. И я тоже… слышал…

— А дети такие есть? — обмирая, я проводила взглядом ползущего по полу полупризрачного старика, не обратившего на нас внимания и бормочущего безостановочно: «Где мои костыли, найдите мои костыли…»

— Есть один… Из 29-ой палаты. Умер лет пять назад и всё равно каждую ночь возвращается в палату. Что его сюда тянет — не пойму? Помладше меня года на три.

А в 18-ой лицо из стены глядит, неприятное, но не страшное, чего его так все боятся, оно ж молчит? Ещё…

— Хватит, — прервала я, чувствуя, как нервы сдают, — Стёпочка, покажи-ка мне, где здесь бессознательные больные.

— Ну, сейчас-то нету, — улыбнулся мальчик, остановившись, — Петьку привезли утром рано, но он уже пришёл в себя. Периодически отрубался, так с ним медсестра сидит и капельницы всякие. Раз с реанимации перевели, значит не так всё страшно.

— Нет, мне нужны именно больные, которые постоянно «в отключке»!

— В коме что ль? Да нет тут коматозных, — пожал Стёпа плечами, — они в реанимации, кто ж тут следить-то будет за тяжёлыми? Сюда перевозят уже стабильных. Только я бы туда не пошёл. Там ещё хуже… с этим делом…

— С призраками?

— Ну да.

Теперь поёжился он, а я не стала выспрашивать подробностей.

— Лучше уж тут подожди, придёт в себя твой родственник — его сюда и перевезут. А не придёт — увидитесь по-любому.

— Всё, Стёп, я пойду…

Я ощутила вдруг, что чем больше нахожусь тут, тем сильнее давит на меня сила тяжести, ноги подкашиваются, движения замедляются, словно пространство стало вязким. Подумалось, что чуть-чуть — и я стану такой же дряхлой и беспомощной, бессильной, как призрак того старика. Надо уходить.

Страшное всё-таки это место, больница. Место боли, страданий, место умирания.

Разве может выздороветь, поправиться человек в месте с подобным названием?

Уместнее было бы назвать «здравницей», энергетика бы совсем иной была. «Как вы лодку назовёте, так она и поплывёт…» А при таком подходе столько и пленённых болью, мучениями, последними бессознательными минутами людей, которые даже после смерти не находят отсюда выхода. Похоже, не видит его и этот мальчик, так свыкнувшийся с данным местом, слившийся с этими стенами.

Раньше я не видела воочию столь давно умерших, они всегда покидали пространство этого мира почти сразу. А тут… Испытала настоящее потрясение.

Надо уходить!!

— А как же я? Ты обещала помочь! — вдруг с отчаяньем в голосе и нескрываемой обидой воскликнул Стёпа, — не оставляй меня здесь, не хочу, я устал! Сама бы побыла здесь неделю, посмотрел бы на тебя…

— Не кричи, Стёп, если я обещала, значит помогу. Но только тебе, понимаешь? Ты ещё хочешь уйти отсюда, а они — уже нет, не понимают, не осознают происходящего.

— Да, да, — закивал ребёнок, с мольбой и надеждой глядя прямо в глаза, — уведи отсюда, пожалуйста, спаси!

— Пойдём! — взяла его за руку и быстрым шагом пошла по коридору, увлекая за собой.

А сзади внезапно начало твориться нечто невообразимое. Тысячи неожиданно пронзительных, визгливых голосов, звуков, стонов, криков, завываний разорвали сонное пространство коридора. Они орали вслед, угрожали, приказывали остановиться, остаться здесь. Всё это напоминало кошмарный сон, я бежала, не оглядываясь. Так хотелось взлететь под потолок, ринуться со всей скоростью полёта, на которую не способны самые быстрые ноги, но не удавалось. Неумолимо тянуло вниз, к

земле. А впереди вырос, встал с пола мёртвый старик, безмолвно преградил дорогу, лицо исказилось гримасой яростного неудовольствия.

Сама себе поражаясь, спонтанно ударила его наотмашь лучом энергии из ладони, тем лучом, который способен исторгать лишь живой человек своей жизненной силой, находясь здесь, но не теряя связи с телом. Сзади вскрикнул Стёпочка, крепче сжав мою руку.

Мы выскочили в вестибюль, где сонная медсестра уже приподнималась, зевая и не подозревая, что происходит сейчас вблизи неё, на другом плане. У женщины сейчас просто закружилась голова и мысль о том, что надо бы ложиться пораньше, а не под самое утро, укоренилась в мозгу. Медсестру позвали из какой-то палаты, очень срочно, кому-то внезапно стало плохо. И, кажется, не одному больному. То, что творится сейчас в месте, ставшем эпицентром «бури», повлечёт за собой многие жертвы. Но мальчика я спасу!

Мы пронеслись сквозь входную дверь легко, больше никто не пытался нам помешать.

И тут же гора, тянувшая к земле, словно испарилась с плеч. Я подпрыгнула и повисла в воздухе, душа ликовала. Стёпка парил рядом и заливисто хохотал.

— Вау! Ух ты! Я правда летаю! По-настоящему! Я могу летать!

Он отпустил мою руку и рванулся вверх, до самой крыши, потом круто вниз, изобразив в воздухе мёртвую петлю.

— Стёп, почему ты раньше не сделал этого? — крикнула я вслед, щурясь от яркого солнца, наблюдая счастливый свободный полёт.

— Я не знаю! — довольно отозвался он, пролетая на миг завис рядом, — сначала боялся разминуться с теми, кто придёт за мной, а потом… потом забыл, уже не хотел, казалось — там безопаснее…

И снова умчался. Я поднялась в воздух и плавно полетела вперёд. Скоро Стёпа нагнал меня, двигался рядом.

— Спасибо, — застенчиво сказал он, — я теперь понял, что ошибался.

— Ты не знал, — пожала плечами.

— Больше туда не вернусь, — полувопросительно-полуутвердительно произнёс мальчик.

— Конечно, нет. Ты пойдёшь дальше, — улыбнулась я и показала пальцем в небо.

А оттуда спускалась сияющая призрачная фигура, протягивая руки к мальчику. В отличие от больничных «пленников» от неё

исходило умиротворение, покой и тихое счастье.

— Это… это же моя прабабушка… — прошептал Стёпка потрясённо, — она умерла раньше, чем я родился.

— Ну, вот видишь, а ты говорил, что тебя встречать некому, — рассмеялась я.

Но ребёнок уже не слышал, он весь устремился туда, где ждала его родная душа.

Вместе они воспарили, отдаляясь всё больше и больше, превращаясь в маленькие сияющие облачка.

— Да и сам бы ты нашёл дорогу. Отсюда, — пробормотала я, опускаясь на землю.

Впервые мне захотелось по-человечески просто присесть куда-нибудь, перевести дух. События последнего часа своей дикостью попросту выбили из душевной гармонии и равновесия. Добрела до ближайшей скамейки, опустилась.

Не представляла, что существуют такие страшные места там, где есть живые.

Поверить трудно…

Неужели так дела обстоят в каждой больнице?

Машинально закрыла глаза, сверилась с «картой». Это здание больше не мерцало на ней, то тухли, то вспыхивали новые: люди то теряли сознание, то вновь приходили в себя.

Искать по реанимациям? С чем я столкнусь? Смогу ли уйти потом оттуда?

Страшно это всё.

Нет, гиблое дело — искать в подобных местах, тыча пальцем в небо, найду ли прежде чем иссякнут последние силы? Пожалуй, стоит не совершать опрометчивых поступков, а сначала действительно пообщаться с Воленькой, а там будет видно.

Но вот всё то, что я увидела и узнала сегодня, буду держать в себе и никому, ни за что… особенно Вольдемару. Он ведь просил, а я не послушалась.

Пора возвращаться в тело.

От волнения и усталости возвращение произошло мгновенно и не очень приятно.

Потом ещё минут пять лежала с бешено колотящимся сердцем, мушками перед глазами и страшной слабостью — приходя в себя.

Наконец, овладев собой, восстановившись, поднялась и спокойно вышла к ребятам.

Они всё так же сидели на кухне, но теперь перед ноутбуком, увлечённо что-то обсуждая на экране. Однако, по их взглядам, вперившимся в меня, я поняла, они напряжены и очень ждут новостей.

— С Волькой всё более или менее… — я потёрла шею, откидывая волосы, — просил не беспокоиться. Хочет сам разобраться.

— В чём? Где он? Не сказал? — Лета дала волю волнению. Похоже они действительно близкие друзья.

— Он сейчас не в теле…

— Что?!!

— В смысле… — я подбирала слова, — как бы… без сознания.

— И это называется в безопасности? — Лета закипала от ощущения собственной беспомощности.

— Летик, я и не говорила о безопасности. Но сейчас, похоже, он в силах контролировать ситуацию.

— Не сказал, кто его? — осторожно поинтересовался Сергей.

— Не было времени, он ещё не адаптировался в новом состоянии. Ночью найду его сама и утром сообщу новости из первых рук. Если он придёт к тому времени в сознание — ещё лучше, найду место его пребывания.

— А может не прийти? — ойкнула Лета, — как такое возможно?

— Всё возможно. Изменённых состояний сознания много, если человек под гипнозом — это тоже своеобразный вариант…

Я присела за стол. Лета задумалась, Сергей смотрел на экран, но будто сквозь него.

— Что нам делать? — тихо спросила Лета, не сводя с меня глаз.

— Тебе — будет неплохо, если позвонишь маме. Она сейчас как раз о тебе думает, — сказала я первое, что пришло в голову, всегда именно так и поступаю. Лета порывисто вскочила и бросилась к телефону.

— Не забудь, код Питера — 812, - крикнул вслед Сергей, на что Лета отозвалась уже из комнаты, — я с мобильника!

— Как её мама? — шёпотом поинтересовался парень.

— Теперь уже совсем хорошо, — кивнула и только сейчас поняла, что сижу совершенно неодетая, растрёпанная и надо бы посетить душ, — пойду-ка, поищу полотенца и что-нибудь из одежды. Не переживай, прорвёмся!

Подмигнула ему и вышла.

В ванной я разрыдалась.

Абсолютно каждая мелочь: на умывальнике, на полочках — всё напоминало мне о Воленьке. Оглушил родной запах, я, не глядя, протянула руку и взяла с полки его одеколон, поднесла к носу на миг, потом вздохнула и прижала к груди. Слёзы текли сами собой.

Господи, мы едва нашли друг друга в этой жизни, как тут же снова потеряли. И я не могла быть уверена, что скоро обретём опять. Слишком всё зыбко и непросто.

Слишком всё серьёзно и реальность сейчас, подобно маятнику, раскачивается в самые разные стороны, исход происшествия может быть абсолютно любой, всё зависит от нас и ещё от кого-то.

Многое решится сегодня ночью, я найду его, чего бы мне это не стоило. Я подниму, если потребуется, бурю на любом плане, но отыщу любимого. Я не могу его потерять…

Подняла глаза, и взгляд упёрся в зеркало. На меня широко расширившимися глазами смотрела взъерошенная девчонка с копной рыжих вьющихся кудрей, немного растерянная, но решительная. Улыбнулась сама себе и стало сразу легче. «Чего раскисла, Алька? Ты выросла в детдоме, привыкла рассчитывать только на себя и верить себе, верить своим чувствам и той незримой поддержке существ, окружающих тебя, которых люди называют либо ангелами, либо учителями, либо наставниками.

Они и сейчас рядом… Всё будет хорошо».

От этой мысли мне действительно стало легко на душе и спокойно. Хотя я уже не могла видеть чудесных сущностей, как в детстве, но я могла ощущать их, а когда время от времени покидала тело — видела их образы и слышала голоса. Они всегда заботились обо мне и не давали пасть духом. Почему же я сейчас поддалась слабости? Это всё моё растерянное, напуганное сердечко.

Всё будет хорошо!

Поставила одеколон обратно и, открутив краны, полезла под душ. Вода для меня — источник новых сил, она смывает не только снаружи, но и как бы вымывает изнутри печали, тоску и уныние. Вот и сейчас происходило то же самое.

А ещё водопровод в каждом отдельно взятом доме обладает некой индивидуальностью.

Любой источник воды — своеобразный слепок пространства вокруг него. Здесь, в этом душе, купалось до меня множество людей не одного поколения. Завертелись, закружились образы, но скорее не видимые, а на уровне ощущений…

Я цепко вычленила из них Волькин и, закрыв глаза, поплыла по образам и воспоминаниям, оставшимся здесь.

Я смотрела и узнавала всё о любимом, видела его совсем крошкой, потом — как он рос, детство, юность, ловила его мысли, чувства и переживания, первые неудачи и победы, первую любовь и разочарование, узнавала, что дорого ему, а что неприятно, что свято, а что он презирает. Всё больше погружаясь в память,

которую хранили эти стены, и позволяла извлечь своей энергией вода, я всё меньше ощущала собственное тело, плыла, покачиваясь, на волнах эмоций, блаженно улыбаясь.

Негромкий стук в дверь — и я вздрогнула, открыла глаза, покачнулась, едва не поскользнувшись, вода обжигала, прибавила холодной.

— Алиш, ты как? — раздался робкий голосок Леты, — уже почти час ни звука… Всё хорошо?

Я ощутила её тревогу, озабоченность. Кажется, нервы напряжены не у меня одной, ребятам теперь везде мерещатся опасности и неприятности.

— Да, Летик, уже выхожу! — крикнула в ответ, быстро закручивая воду и дотягиваясь до полотенца.

Вытерлась, оделась, причесала мокрые кудряшки и, подумав секунду, сунула Волин одеколон в карман. Положу под подушку, я так сентиментальна…

Ребята ждали на кухне, видимо, готовился «военный совет».

— Садись, Алишик, — улыбнулся Сергей, — я думаю, не стоит тянуть и надо решить прямо сейчас, что делать дальше каждому из нас.

Мы с Летой кивнули с готовностью. Как же важно и легко, когда командование берёт на себя мужчина…

— Я так понимаю, что все мы остаёмся тут? — полувопросительно наклонил он голову и, получив утвердительные кивки, продолжил, — замечательно. Итак, милицию решено не вмешивать, разбираться будем своими силами, точнее, силой Алиши, поскольку наше рвение может оказаться совсем бесполезным без её «видения».

Я улыбнулась, подтверждая.

— Тогда, чтоб не терять времени в ожидании, я займусь газетой, теперь всё предстоит делать на расстоянии, настрою сегодня интернет.

— Да, сосредоточься на этом, — поддержала Вилка, — я же займусь, если позволите, домашним хозяйством, всё равно лентяйничаю.

Она наигранно шутливо пожала плечами, но внутри всё ещё была, как струна.

— А я… — начала было, но ребята дружно меня перебили:

— А ты ищи Вольку!

— Да, конечно… — смутилась, не сдержав улыбки, — этим и займусь. И на концерты ещё время останется.

— Алиш, — робко произнесла Вилка, — если ты беспокоишься о деньгах… то они есть, можешь не выступать здесь…

— Я ведь не из-за этого пою, — задумалась, как объяснить, — Вилочка, не могу не петь. Это даёт мне силы и жизнь, как дыхание.

— Прости, я поняла… — она опустила голову, — не подумала о том, как много и ты этим самым даёшь людям.

— Милая, — я дотронулась до её руки, — ты беспокоилась за меня. Спасибо! Этому городу сейчас, как никогда, нужен свежий глоток энергии. Поверь мне, именно сейчас…

— А Москва не выпьет тебя залпом? — встревожился Сергей, — это город-вампир.

— Я не уверена, что придусь ей по вкусу, — хихикнула, суша волосы руками, — пусть попробует.

— Постойте, — вдруг спохватилась Вилка, — а как же… эта квартира? Волька жил один? А если нагрянут родственники или знакомые, как мы объясним?

— Не нагрянут, — спокойно проговорила я, — они все сейчас очень далеко. И звонить не будут, это гарантирую.

— Тебе — верю… — девушка облегчённо опустилась на стул.

— Есть другая задача… — я задумалась, — мы же совершенно не знаем города.

— Не будем разбредаться, — кивнул Сергей, — далеко.

— Надеюсь, поблизости есть компьютерный магазин…

— Зачем?

— Виолетте нужен отдельный компьютер, — пояснила.

Но они оба недоумённо посмотрели на меня.

— Ой… — я спрятала лицо в ладонях, а потом открыла и рассмеялась, — снова забегаю вперёд и, кажется, испортила сюрприз!

— Ты о чём? — криво улыбнулся Серёжка.

— У Летика день рожденья скоро, забыл? — я лукаво прищурилась, — хочу сделать подарок. То, что ей сейчас больше всего нужно.

— Компьютер? — Вилка растерялась, — для чего мне отдельный комп?

— Ты разве никогда не хотела?

— Ну… некоторое время назад я подумала было купить… Тогда у меня мелькнула мысль, что… что…

— Что?

— Да глупости совсем! — отмахнулась девушка.

— Совсем и не глупости! Серёж, Виолеттее надо писать!

— Согласен, у неё отличные способности и…

— Да не статьи, Серёж. У Летки дар, понимаешь? Талант. Ей книги писать надо!

— Ну, ты скажешь тоже… — Вилка покраснела.

— И что ж мне с вами делать, ребят… — наигранно вздохнув, посетовала я, — все фишки раскрыла, а они не верят! Если бы я сомневалась так в прошлом время, сама бы не пела сейчас. Каждому своё, Лета, я тебе твоё предназначение, можно сказать, на блюдечке преподнесла, а ты кокетничаешь. Хватай скорее!

— Да я тебе верю, Алиш! — воскликнула Вилка, — просто как-то это…неожиданно.

— Хочешь сказать, не обдумывала в голове сюжет будущей книги? — подмигнула.

— Было дело, — она рассмеялась, — но постой, это же очень дорогая покупка…

— И чего? Сейчас в моде — дарить ноутбуки, — я тряхнула головой, — не бери в голову, я всегда дарю друзьям только нужные им вещи.

— Не сомневаюсь, — усмехнулся Сергей, — лучше тебя никто не угадает, что именно человеку нужно.

— Ну, вот и супер! Осталось научиться держать язык за зубами.

Мы рассмеялись.

— А теперь давайте-ка, освобождайте кухню, я готовить буду, — скомандовала Вилка с энтузиазмом, — мне тут ещё разобраться нужно, где что лежит. Серёжка, иди к своему рабочему месту и поскорее разгребайся с делами…

— А я, если вы не против, пробегусь по окрестностям? На манер собачки-ищейки, — я почти уже высушила волосы и глянула в окно: погодка радовала солнечным светом и совсем весенним теплом.

— Не забудь мобильник, будем на связи, — кивнул деловито Сергей, — не хватало ещё тебя потерять.

Я весело мотнула головой. Сейчас вот смотрю на ребят — и кажется, что мы целую жизнь вместе прожили, что-то бесконечно родное связывает нас. И вижу, что дальше будет ещё лучше, ближе, яснее. Мы, даже в далёкой от дома, чужой Москве не пропадём!

ГЛАВА 4

Солнышко припекало уже довольно крепко, остатки снега таяли на глазах, люди стремительно разоблачались от одежды, снимали шапки и ловили бледными, за зиму истощёнными нехваткой солнечного света и тепла лицами горячие лучи. Девушки, словно сговорившись, щеголяли в мини таких коротких, насколько было возможно, мужчины медленно сходили с ума, шалея от соблазнов.

Я шла по улице неторопливо, крутя головой по сторонам, наслаждаясь незнакомыми видами, совершено не боясь заблудиться — уйди я хоть непозволительно далеко, ноги сами приведут обратно. Рассматривая дома, людей, небо над головой, вдыхала на редкость свежий, не по-летнему чистый, воздух и ни о чём не думала, отпустив мысли из головы. С самого начала обозначила маршрут: компьютерный магазин! И позволила себе двигаться по воле провидения, потому что точно знала, что туда и приду. Причём не в самый близкий, а в самый лучший и подходящий мне магазин.

Пару раз я садилась на автобусы, обходя метро стороной, пересадки меня забавляли, но так было нужно, прогулка приносила удовольствие.

Потом некоторое время шла пешком по многолюдному проспекту и вглядывалась в людей, читала их состояния, ауры. Сколько же много, ещё до обеда погруженных в хмурое и озабоченное состояние, усталых, едва вставших с постели… Москва-Москва, как же ты беспощадна к своим жителям! Надеюсь за то время, что пробуду здесь, хоть нескольким десяткам людей раскрашу жизнь и очищу душу… Я весело озорно тряхнула волосами, засмеялась сама себе, покружилась, переходя огромную замёрзшую лужу по узкому бордюру, и снова перешла на размеренный шаг.

Вон там в таком же неторопливом ритме прогуливаются старичок со старушкой под ручку, кормят семечками взъерошенных воробьёв и голубей и о чём-то беседуют. Им спешить некуда, сумасшедший темп города не властен над пожилой парой, они как будто вне этой реальности и совсем не старческие, счастливые и умиротворённые, улыбки застыли на лицах, изборождённых морщинами. Улыбнулась им и ощутила, как тепло улыбки вернулось стократ, словно отразившись от мощного увеличителя, старушка даже помахала мне. Я потом цепко отыскала взглядом ссутулившегося молодого парня, бредущего безучастно со скейтом под мышкой, переваривающего

в голове серые, безрадостные мысли, и переслала ему полученную улыбку счастья.

Тот, зацепив её краем глаза, вдруг тряхнул головой и кинул скейт на землю. В мгновение ока, запрыгнул на него и, выделав в воздухе сложный пируэт, словно сросшись с доской, виртуозно перемахнул через бордюр, миновав лужу, приземлился на другой стороне, проехался ещё немного, соскочил, поймал подмышкой скейт и, уже сияющей улыбкой поприветствовав меня, забыв моментально о невзгодах, бодро пошагал дальше. Я поймала сияние и заозиралась в поисках следующего получателя.

Прямо навстречу шёл деловой, представительный мужчина лет сорока, с кейсом в руках, но бесконечно напряжённым лицом, погружённый в себя, движения выдавали крайнюю степень нервозности. Я как-то легко и нечаянно поймала его мысли: где-то потерял портмоне, с документами и ключами, ругал себя, что поехал на метро, считал, что вытащили там. Поравнявшись, шагнула вбок, приблизившись вплотную и проговорила негромко:

— Кафетерий «Солнечный зайчик» у станции метро, — потом, не оглядываясь, пошла дальше, зная, что будет дальше.

— А? — мужчина на миг замер, глядя недоверчиво мне вслед, а потом вдруг, словно что-то прояснилось в голове, опрометью кинулся назад, потом остановился, — девушка!

Я лишь оглянулась на ходу, подарив ему эстафетную улыбку, и продолжила путь, а он попрыгал по проталинам обратно к тому месту, где останавливался покурить и выронил заветную пропажу. Она его дождётся.

На ближайшей остановке я уже через полминуты села в маршрутное такси и, завернув за угол, чудесным образом увидела в окошко того самого мужчину, поднимающего с подтаявшего снега коричневый прямоугольничек, оттряхивающего его. Он, ощутив взгляд, поднял глаза и, натолкнувшись на мои, благодарно улыбнулся, размахивая находкой. Теперь настроение у человека будет прекрасным, о чуде не забудет до конца рабочего дня, чем поспособствует хорошему состоянию духа и у коллег по работе. Особенно — подчинённых.

Полученная от него улыбка прекратила своё блуждание, осветив салон маршрутки и мерно распределившись в сердцах пассажиров. Даже водитель принялся насвистывать весёлую песенку и переключил радио на более зажигательную волну.

Не так уж всё безнадёжно, души людей тянутся к радости, несмотря на серые будни.

Значит, нужно щедро делиться этой радостью направо и налево. Улыбка не стоит ничего, но даёт СТОЛЬКО! И возвращается, а вернувшись, пройдя через тебя снова и снова —

словно омывает душу и исцеляет её. Я снова разулыбалась в пространство.

Наконец, путь завершился, такси тормознуло, и прямо у остановки я увидела забавную вывеску «Твой друг — ноутбук». Мне сюда, поняла незамедлительно.

Похоже, магазин открылся не так давно, молодые, словно слегка напуганные, но бесконечно деятельные и готовые услужить в мгновение ока, продавцы, сновали по залу. Ко мне тотчас же порхнула девушка и прощебетала:

— Здравствуйте, добро пожаловать в наш магазин! Я могу вам чем-нибудь помочь?

На бейджике крупно обозначалось: Арина.

— Да, Ариночка, мне нужен ноутбук для начинающей писательницы, — улыбнулась тепло, глаза девушки загорелись:

— Проходите, пожалуйста, сейчас подберём. Итак, цель — набор текста, так? Какие ещё запросы буду к компьютеру и какую марку производителя вы предпочитаете?

Давайте уточним, в какую сумму вы хотите уложиться?

— Постойте, — прервала я поток, — сейчас подумаем. Можете показать, что есть на витрине?

— Конечно, вот сюда.

Арина провела меня вглубь магазина к огромному стеклянному сооружению до потолка, на полках-подставках которого за стеклом стояли различные модели ноутбуков всяческих цветов.

Я не стала рассматривать их пристально и со всех сторон, получая информацию, а просто закрыла глаза и вызвала перед внутренним взором картинку. Среди богатого выбора, «засиял» один — на самой крайней подставке, «потянулся» ко мне. Всё заняло какую-то долю секунд. Я открыла глаза и ткнула пальцем:

— Вот этот, упакуйте, пожалуйста.

— К-как? — растерялась продавщица, — вы даже не выслушаете характеристику? Это Асер, бизнес-модель и…

— Спасибо, не надо. Я его беру.

— Но…вы не спросили о цене.

— В кассе спрошу, оформите, пожалуйста!

Наверное, у бедной растерянно недоумевающей, но счастливо улыбающейся девушки не было лучшего покупателя, чем я. Покупку оформили в три минуты, упаковали, выдали чек (цена оказалась немаленькой, но это того стоило, моё видение ни разу не обманывало и всегда показывало наилучший вариант) и предложили заполнить какую-то лотерейную анкету. Заполнила на имя Виолетты, это ведь ей предназначался подарок.

Путь обратно сократился значительно, потому что я попросту

спустилась в метро и поднялась на поверхность в двух кварталах от дома. Сразу же зазвонил мобильник.

— Алишик, ты где? — голос Сергея звучал встревоженно.

— Подхожу к дому, сейчас буду, — весело ответила, ощущая его озабоченность, — Серёж, расслабься, всё хорошо.

— Только что на городской телефон позвонили… — затараторил Сергей, я закрыла глаза на миг:

— Приказали, чтоб мы уехали?

— Да.

— Не обращай внимания, — однако сердечко моё тревожно забилось. Это было явно связано с Волькой и похищением. Но как — пока не могла понять.

— Будь осторожна, — невпопад попросил парень.

— Мне ничего не угрожает, тебе и Вилке тоже, — спокойно ответила я, — мы в безопасности. Чего нельзя сказать о Вольдемаре. Сейчас приду и поговорим, ладно?

Отсоединилась и прибавила шагу. Голова снова немного закружилась от мысли о любимом: где он, как он?

Я так задумалась, что ненароком налетела на мужчину, замотанного в пушистый шарф, с хвостом длинных волос, которые опять напомнили о Воле.

— Простите, пожалуйста, — пробормотала, виновато улыбнувшись, вроде сильно не задела.

— Ничего страшного, — хрипло ответил мужчина, подхватив и придерживая под локоть, от него пахло дорогим табаком. А глаза… Боже мой, глаза затягивали, как омут.

Я сразу узнала «своего». Такие глаза бывают у людей, имеющих отношение к иной стороне жизни, называемой обывателями эзотерической. Глаза человека практикующего, идущего, ищущего, знающего немало.

Он замер тоже на миг, но потом во взгляде промелькнуло выражение напускного безразличия и дежурная улыбка растянула губы.

— Я вас не зашиб? — наклонил он голову, но вопрос скорее был задан из вежливости, нежели из реальной озабоченности.

— Цела и невредима, — заверила и высвободила аккуратно локоть.

Потом неопределённо махнула-качнула головой и неторопливо тронулась дальше.

Спиной ощущала взгляд и чувствовала, что мужчина заинтересован встречей, однако мыслей уловить не могла. И не мудрено, он тщательно скрывал их, весьма опытно и профессионально.

Лишь одно слово чётко отпечаталась у меня перед

внутренним взором: «Мирабелла».

Кто такая, что за имя… кем приходится этому человеку? Впрочем, неважно. Если углублюсь — забью голову ненужной информацией и потрачу душевное состояние на то, что мне никогда не пригодится. Я так и не оглянулась, почти дойдя до угла. А там взгляд случайно упал на противоположную сторону улицы, огромное двухэтажное здание с большими, сияющими отражёнными солнечными лучами, окнами и витиеватая вывеска над входом: «Психологический реабилитационный центр «Долина радости».

Похоже, элитная клиника для душевнобольных людей с большим состоянием. Около здания огромные, ухоженные даже в это время года, клумбы с сезонными растениями и большая автостоянка. В голове сформировалась мысль: «Вот-вот, ещё немного — и мне туда». Усмехнулась: знали бы друзья, чем я занимаюсь по ночам, и что мерещится днём — порекомендовали бы обратиться непременно. Если не смогу разыскать Волю и, в конце концов, сойду с ума от переживаний, сдамся добровольно. Без него теперь мне нет спокойствия, пока не верну живым и невредимым. Да и потом… не просто так жизнь дала нам шанс снова встретиться в этой жизни и соединиться… Без него я вдруг сразу как-то потерялась, всё стало не таким цветным и существенным.

А потом всё же оглянулась. Мужчина в шарфе исчез. И слава Богу.

Виолетта прямо с порога кинулась на шею, Сергей вёл себя более сдержанно, но я ощутила панику в душах обоих.

— Мы так разволновались! Тебя почти три часа не было!

— Что ещё сказал звонивший? — поинтересовалась я, снимая куртку.

— Пока мы не покинем город, Волька не вернётся… — чуть не плача передала Лета, — это, значит, звонил похититель. Не понимаю, его что, из-за нашего приезда украли?..

— Мы останемся здесь, — твёрдо отчеканила я, — если не найду Вольку в ближайшее время — его никто никогда не найдёт.

— Боже… — Лета отступила на шаг, закрыв рукой рот, она даже побледнела. Сергей шагнул и приобнял подругу за плечи.

— Ты уверена, Алиш? — тихо спросил он.

— Да. Вы можете вернуться домой, если сомневаетесь, но Воле это не поможет. Я же переверну этот город здесь и на астральном плане, но верну его, чего бы мне это не стоило. Так как вы решили?

— Конечно, мы остаёмся, — кивнул Серёжа, — мы тебя не бросим одну.

— Спасибо, — у меня не осталось сил больше ни на одно слово, молча прошла в комнату, сунула пакет с покупкой под кровать и присела на край.

Ещё в подъезде я ощутила гнетущую ауру, след человека, причастного к исчезновению Вольдемара: он возвращался туда снова, совсем недавно. Что ему было нужно? Я не могла понять. Мало того, совершенно не получалось по этому следу составить «фоторобот» похитителя. Такое ощущение, словно натыкалась на стенку, едва старалась получить информацию. Значило ли это, что иду не тем путём или что-то иное?

Ничего, ночью, когда все уснут, и пространство над городом станет информационно поспокойнее, я покину тело и полечу на поиски любимого. Я слышала его голос, а в астральном пространстве он легко сможет протянуть мне руку. Найдя его там, найду и тело. Осталось немного, потерпи, Воленька!

В кармане брюк зазвонил мобильный телефон.

— Да, Пашунь, — я постаралась, чтоб голос звучал естественно и расслабленно.

— Алишка, чего молчишь? Договаривались же, что после обеда отзвонишься. Когда возвращаешься?

Я вздохнула. Сейчас предстоит непростой разговор. Набрала в грудь побольше воздуха.

— Паша, возникли кое-какие непредвиденные обстоятельства, и мне придётся в Москве задержаться на некоторое время.

— На некоторое время — это насколько? — Павел напрягся.

— Думаю, не меньше, чем на две недели. Пашунь, пожалуйста, не переживай, со мной всё в порядке, я с Серёжей.

— Да я и не переживаю, — как будто улыбнулся он, — в вашей парочке скорей Серёге впору уповать на тебя в трудные моменты. Но, Алиш, как же концерты? Суббота в клубе «Штольц», забыла?

— Помню. Как там директора, Влад, кажется? Позвони ему, а? Или пришли его номер, я сама, всё объясню. Действительно не могу сорваться…Мне важнее сейчас быть тут.

— Ладно, если ты так считаешь, то так и есть, сам отменю. Будем дожидаться твоего возвращения. Слушай, Алишка, может тебе там нужно что, денег передать?

— Нет, денег не надо, есть пока. Паш, тут вот какое дело, может, пришлёшь Макса?

Я задумала провести время рациональнее и погастролировать по клубам столицы родины нашей…А кто лучше Максима сможет разведать и договориться? Он, бывший москвич, не забыл ещё родных мест.

Я вовсю улыбалась, на душе отлегло — Паша воспринял новости нормально и уже вовсю размышлял, что можно предпринять.

— Ну, хорошо…Сегодня поговорю с ним. Думаю, не откажется, как раз сейчас застой в студии. А там у тебя есть, где остановиться?

— Да, мы тут на квартире, место есть, пусть едет.

— Я бы тоже хотел…посмотреть, как ты там, заодно костюмы подвезти, кое-что из аппаратуры, Макс один не дотащит.

— Конечно, приезжай, — рассмеялась я.

В крайнем случае, размещу ребят в своей комнате, нам не впервой ночевать в стеснённых условиях, катались как-то по пригороду Питера с концертами — всякого повидали. В тесноте, да не в обиде!

— Утром отзвонюсь, может быть даже завтра и увидимся, — обрадовался Павел.

— Чудесненько, целую, — я отсоединилась и задумчиво кинула трубку на кресло.

Значит, сегодня у меня будет решающая ночь, пока я одна в этой комнате. Надо выложиться по полной, но Волю отыскать.

ГЛАВА 5

Закрытые глаза, полное расслабление, несколько секунд концентрации, нарастающий гул в ушах — и вот уже с лёгким щелчком выхожу из тела. Я в астрале. Мельком оглядываюсь на лежащее под одеялом тело, оно сейчас выглядит иначе, чем, если смотреть обычными глазами, чужим и непривлекательным. Да и вообще комната несколько изменилась, даже оставленный включённым ночник испускает свет иного плана, более плотный, струящийся. Все эти явления мне знакомы и привычны уже, не стоит отвлекаться на них, я здесь, чтоб разыскать Вольку. Уверена на все сто, что в нашей реальности его физическое тело либо без сознания, либо подавлено наркотическими веществами и найти его представляется возможным лишь через тонкий план.

Пройдя сквозь закрытую дверь в коридор, где царила полуночная тишина, я заметила пробивающийся из-под двери комнаты ребят приглушённый свет — Серёжа работает. До слуха донеслось лёгкое клацанье клавиш. Стараясь на них не сосредотачиваться, чтоб не перенестись ненароком следом за мыслями, я поспешила так же сквозь закрытую дверь — в подъезд.

О! Сейчас, находясь на астральном плане, мне многие вещи стали видны отчётливее, нежели в физическом теле. В пространстве остались следы: силуэты двух людей, статично замершие, похожие на чётко очерченные дымки. В одном узнала Вольку, шагнула в сторону другого, но моментально наткнулась на стену. Защита.

Неприятным сюрпризом стал тот факт, что похититель не так прост и тоже разбирается в манипуляциях с тонким планом, я даже не смогла с силуэта считать информацию. Неужели Воля тоже?.. Но ничего не помешало подойти к силуэту любимого вплотную. Я коснулась легко руки и прошептала:

— Воленька… где ты? Отзовись, пожалуйста!

Тонко жужжащий звук, похожий на свист рассекающей пространство стрелы, резанул по ушам, потом снова и снова. Меня едва не кинуло обратно в физическое тело, но удалось удержаться. Превозмогая режущую боль в ушах, не оглядываясь, решительно шагнула и слилась с отпечатком Воли.

Лес. Прямо перед глазами стена деревьев, светлые, доброжелательные, шелестящие на ветру листвой многочисленных крон — они словно манили шагнуть, а в стороне и тропинка виднелась. Где я? Быстро восстановила в памяти переход секунду назад.

Теперь точно знаю, что искать Волю — только здесь. Меня выкинуло аккурат поблизости от его местонахождения.

Пары секунд хватило, чтоб оценить окружающую местность и понять — этот лес находится не в нашем мире. Значит всё тот же тонкий план. В астрале столько миров!

Шагнув вперёд, я пошла по тропинке, а потом, словно чутьё мне подсказало — свернула с неё и начала углубляться в чащу, в сторону.

Лес звучал, наполненный звуками каких-то живых существ, тренькал, звенел, переливчато чирикал, шелестел мягко, подобно струящемуся шёлку. Звуки чаровали, я было, заслушалась. Но мир этот мне неизвестен и нужно предельно сосредоточиться, чтоб не попасть в возможную ловушку и не пропустить важные знаки. Озиралась по сторонам, смотрела на небо и не узнавала его, сквозь кроны деревьев казалось невероятно аквамариново-голубым!

— Пшшш! — из под ног выскочило странное мелкое живое существо в колпаке, получеловечек, полу-ещё кто-то, я таких никогда воочию не видела, — чего чешешь напрямки, тропку для кого прокладывали?

И неведомая зверушка испарилась, оставив меня потрясённо хлопать глазами. Дальше шла уже, внимательно поглядывая под ноги. Лес всё не кончался, а у меня не было совершенно никаких мыслей относительно местности. Остановившись около поросшего молодыми побегами высохшего от старости дерева, я решилась позвать. Сначала мысленно.

— «Воленька! Ты здесь? Слышишь меня?»

— АЛИШИК!!!

Голос любимого так неожиданно оглушающе прозвучал в голове, что я аж вздрогнула.

Непроизвольно метнулась, слилась с последними угасающими нотками эха, растворилась…

И очутилась у ступенек крыльца небольшой избушки, прямо в объятиях своей ненаглядной пропажи. От неожиданности мы потеряли равновесие и свалились в траву. Ощущение — полное и явственное — плотности тел! Не перестаю изумляться законам этого места.

— Алишенька, — он выдохнул, прижимая к груди так, словно боялся потерять, неверяще всматривался в глаза, теребил волосы, — это ты? Это действительно ты?

— Конечно я, — эмоции переполняли настолько, что меня затрясло, — Воленька, Господи, где это мы?

— Да, я тебе объясню, — быстро-быстро заговорил он, — но как ты сюда попала? Они что, и тебя тоже?..

— Я сама сюда пришла, за тобой, — покачала головой.

— Но… без кольца нет пути в этот мир, — сбивчиво ответил Волька, помогая подняться, убедившись, видимо, что я не мираж, — как тебе удалось?

— Воль, я могу путешествовать вне тела. Это нетрудно, гораздо труднее было определить направление… Постой! А где она?..

Я вздрогнула. Находясь в астрале, всегда наблюдала присутствие серебристой нити, связывающей меня с телом, она ненавязчиво колыхалась в пространстве, не привлекая внимания. Сейчас же не увидела её у Вольки, что единственное помогло бы найти его тело. Нити просто не было! Быстро оглянувшись, я отметила отсутствие и своей. Что это значит? Нить обрывается лишь после смерти, не означает ли это, что… У меня нет опыта умирания и я не могу достоверно сказать, но, кажется, окончательный и бесповоротный переход осуществляется вовсе не так.

Я впервые за годы путешествий растерялась.

— То есть, как это вне тела? — опешил Волька, — без приспособлений?

— Я потом тебе всё объясню, когда вернёмся, ладно? — голос дрогнул. Будет ли это «потом»? — что это за место, ты знаешь?

— Да, — спокойно, словно не раз бывал здесь, кивнул Волька, — давай-ка зайдём и обо всём поговорим. Я безумно рад тебя видеть, Алик, потому что не могу вернуться домой, кольцо у меня забрали, поселили вот тут, можно сказать, изолировали. Никто из ребят меня почему-то не узнаёт, Учителям не попадаюсь на глаза… В общем, ночью, то есть, у вас день был… услышал твой голос и безмерно обрадовался. Но не предполагал, что ты можешь и так…

Тем временем под его бессвязные и непонятные объяснения, мы поднялись по ступенькам и, скрипнув дверью, вошли в избушку.

Взгляду сразу предстала большая комната, заставленная шкафами и этажерками с множество книг, колбочек и непонятного применения предметов. Пока я глазела по сторонам, ощущая себя в лаборатории старинного алхимика, Волька, пробурчав таинственную фразу: «карамура нет дома», исчез куда-то, а потом, высунувшись из-за шкафа, загадочным голосом позвал:

— Скорее иди сюда, Алик, сейчас я тебя кое с кем познакомлю!

Между шкафами зиял незаметный от входа дверной проём, нырнув в него, я очутилась в невероятно уютной комнатке,

заваленной мягкими игрушками и другими мелочами, которые свидетельствовали, что она скорее принадлежит юной девушке, нежели молодому парню. На моё замечание, Воля усмехнулся:

— Ну, да, это была комната Марты, теперь моя временно. С тех пор, как она стала Воином — редко появляется здесь и надо же кому-то заботиться о Коре.

Он указал в угол. Там, на большой мягкой подстилке лежал и безмятежно посапывал… настоящий единорог! Во сне, почёсывая рогом пол, пофыркивал, слегка подёргивая копытцами. Мне почувствовалось, что он совсем ещё не взрослый, хотя и не крошка, так, подросток.

Я никогда не видела этих существ вот так, воочию, потому осторожно подошла поближе и присела на корточки. Кора шумно втянула воздух, дёрнулась, но не проснулась, лишь заволновалась во сне. Волька с улыбкой присел рядом и принялся издавать какие-то странные, но, видимо успокаивающие эту симпатяшку, звуки.

Кора, излучая блаженство всей своей мордашкой, перестала дёргаться и погрузилась в глубокий сон.

— А ещё есть Алишер, он после смерти хозяйки привязался к Марте, но сейчас, в новых обстоятельствах, она избегает его, боясь, что если с ней случится что-то — Али не переживёт второй потери.

— Замечательно, — я тщательно переваривала услышанное, — Воль, а теперь я вся внимание, пожалуйста, с самого начала и поподробнее…

К приходу профессора Карамура, которого теперь уже знала, как родного, я была полностью посвящена в тайну Школы, её обитателей и историю пребывания здесь Вольдемара в трёх ипостасях: Светлого Воина, Тёмного Воина и вот, собственно, узника Леса.

Многое вырисовывалось вполне ясно, но пока я свои соображения удерживала при себе, их ещё проверить надо. Непонятными оставались две вещи: кто именно похитил Вольку (он говорит, что это был мужчина, который попросту оглоушил его и очнулся парень уже здесь) и почему тут никто его не узнаёт, даже бывшие соратники?

Ну, на первый вопрос мы предположили вполне закономерно, что этот человек имеет реальное отношение к Школе, поскольку смог перенести Вольку сюда и перенёс именно сюда. Это либо кто-то из учеников, либо из Учителей. Кому выгодно от Вольки избавиться? Разумеется, Тёмным, Светлым он мало того, что побоку, так ещё и услужил не раз.

— Это наверняка Стефан, — задумчиво проговорил

Волька, — только ему одному выгодно меня устранить, чтоб не встречаться лично и чтоб я не смог больше причинить Школе неприятностей. Видишь, как только очутился тут, с меня сняли кольцо и вернуться обратно… Стоп! Алишик, ты же можешь вытащить меня отсюда?

— Воль…я не уверена. Видишь ли, оставайся на месте единственная видимая связь с твоим телом, я бы нашла дорогу по ней, но Нити нет! И, не зная, где находится в реальности твоё тело, я не могу тебя в него вернуть. А если и смогу, то это бессмысленно, думаю, ты там под присмотром и едва придёшь в себя, как тебя вновь отправят обратно. Если честно, я опасаюсь проблем и со своим возвращением. Хотя их, вроде, не должно возникнуть, я просто представлю комнату, где сплю — и шагну туда… но…

— Алик, — перебил Волька, — что же можно сделать? Находиться здесь невыносимо, в Тёмный Лес доступ закрыт, не могу переступить границы, а в Светлом никто из бывших друзей не узнаёт меня, вот ещё странность. Я очнулся на ступенях избушки Карамура, помчался сразу к Воинам, но… в общем, Алия привела сюда и сказала оставаться здесь пока и не привлекать внимания, покуда она не разберётся в происходящем. И, кажется, тоже не помнит меня…

— Да, тебе придётся остаться здесь, — сердце защемило, но я взяла себя в руки, — а мне — заняться поисками твоего тела. Теперь легче, я знаю, что ты в безопасности, ну, относительной. Буду приходить сюда, или разговаривать с тобой мысленно пока.

— Лучше приходи, телепатическое общение мне даётся непросто… — любимый почесал затылок.

— Хорошо. Я думаю, что тот, кто прячет тебя, соображает и разбирается в происходящем отлично, а значит, телу не должно быть причинено вреда. По крайней мере, пока не станет понятно, для чего всё это.

— Да это и понятно! — воскликнул Вольдемар, — Стефан не хочет встречаться с нами в реальности, а без меня больше никто не знает его координат.

— Так дай их мне, — тихо попросила я.

— Алиш… не уверен, что тебе нужно связываться с ним. Если Стефан поймёт, что он снова в опасности — может предпринять что-нибудь и против тебя.

— Я не буду действовать напрямую. Но мне нужно отыскать его, без этой зацепки будет в сотню раз сложнее. Я уже пыталась считать информацию со следов, но она мастерски заблокирована. Воль, расскажи, как выглядел человек, похитивший тебя?

— Довольно молодой, волосы…

— Профессор! — раздался женский голос от входной двери, — Вы дома?

Я быстро поднесла палец ко рту, предупредив ответный возглас Воли и знаками показала, чтоб он спрятал меня. Сейчас важно ограничить круг свидетелей моего пребывания в Лесу.

«Это Алия» — одними губами прошептал Волька, заталкивая меня под кровать.

«Всё равно» — шепнула в ответ — «не говори обо мне!»

Едва Волька успел отскочить от кровати, в комнату вошла высокая молодая женщина.

Довольно красивая какой-то роковой, чарующей, но одновременно невинной красотой, она улыбалась открыто и искренне. Однако, что-то мне в ней не понравилось, какое-то несоответствие, небольшая натянутость. Словно бы она…не то чтоб обманывала, но — недоговаривала о чём-то, тщательно умалчивала. Я рассматривала её в дырочки ажурного вязаного пледа, свисающего с кровати до самого пола, она же не могла меня видеть.

— Здравствуй ещё раз, Вольдемар, — звонко поздоровалась Алия, — как ты?

— Да так, — пожал тот плечами растерянно, — про меня что-нибудь прояснилось?

— Про тебя… — Алия словно только сейчас вспомнила что-то, — а! Нет…нет, пока ничего. Но Ищущие работают в этом направлении. Уверяю тебя, максимум через сутки ты будешь дома. Тело твоё почти нашли в реальности, как только это произойдёт, мы будем пытаться воссоединить его с сознанием, а это не так просто, если учесть, что на тебе нет кольца.

— Спасибо, Алия, — совершенно искренне поблагодарил Воля, — твоя помощь неоценима.

Алия улыбнулась.

— Конечно ты вернёшься, оставаться в Школе могут лишь те, кто имеют отношения к этому миру, — певуче сказала она.

Я чётко прочла острое желание парня возразить, что он имел ого-го какое отношение к Школе в своё время и у него даже было кольцо в момент перехода сюда, но желание это он сдержал. Если даже Учмителя по какой-то причине не помнят его, то всё очень серьёзно. Пусть уже помогут хоть тем, что выкинут отсюда, им же тоже присутствие здесь постороннего не очень-то и нужно. Хотя… Марту в своё время они не выгнали, рассказал Волька. Она стала потом Воином, может поэтому?

Возможно, Учителя могут смотреть дальше, видеть перспективы…Значит, Вольке здесь и впрямь не место. Только вот справится ли Алия, если инициатором заточения являются

Тёмные, хватит ли у неё сил противостоять их планам. Может, мне стоит предложить свою помощь?

Однако что-то удерживало, не дало поддаться импульсу и обнаружить своё присутствие.

— Мне нужен Карамур, он вышел? — улыбка радости продолжала сиять на лице женщины.

— Да… — неопределённо мотнул головой мой Воля.

— Ну…ладно, — она всплеснула руками, — попозже пришлю кого-нибудь из Целителей, передай ему, как вернётся, что отвар мандрагоры и репейника мне очень нужен будет для занятий, хорошо?

Волька кивнул. Алия попрощалась и упорхнула. Я вылезла наружу.

— Может она поможет? — с надеждой спросил Волька, глядя вслед заведующей.

— Я бы не стала слишком рассчитывать.

— Интуиция? — насторожился парень.

— Плюс здравый смысл. Если Тёмные заварили эту кашу, они будут всячески препятствовать любому вмешательству Светлых. А то и просто попытаются тебя перепрятать. Воль, ты сказал Алии, каким образом тут оказался и на кого думаешь?

— Нет. Я сказал, что меня ударили по голове в той реальности, а очнулся уже в этой. Не успел поделиться размышлениями.

— Вот и не делись пока, — предостерегла я, — меньше жертв будет. Если смогут найти тебя — пусть ищут. В любом случае, я постараюсь сделать это поскорей.

— А не получится больше жертв, если Светлые не будут в курсе, кому они противостоят?

— Воль… — я ощутила вдруг усталость и подумала, что пора возвращаться. Много душевных сил и энергии потрачено, — ты ведь не знаешь наверняка, что это Тёмные действуют…

— А кто? — вытаращил глаза Волька, — разве не поэтому они перекрыли мне вход в Тёмный Лес?

— Если бы ты отправился туда, то куда в первую очередь?

— Конечно, к Мёртвому озеру, в крайнем случае, к Лине.

— Разве нет в Светлом Лесу аналога Мёртвому озеру? — прищурилась я.

— Вроде бы… кажется, озеро Забвения. Но я ни разу его не видел и не знаю, где оно.

— Так поищи! Возможно, это что-то даст нам. Перекрыть портал в Светлом Лесу Тёмные вряд ли смогли. В общем, так: я ищу тебя в реальности, а ты ищешь любую информацию, способную нам пригодиться — здесь. Давай мне координаты

Стефана.

Волька продиктовал номер телефона, а я запомнила его, повторив несколько раз.

— И ещё — пока ничего не говори Алии и кому бы то ни было из Светлых, договорились? Тебя здесь не помнят и мы не знаем, как это могло принять такие формы, а, следовательно, кто нам друг, а кто враг.

Я пока не стала говорить парню, что нам звонили в реальности и требовали уехать из Москвы. Всё на этот момент указывало на Стефана.

Потом мы тепло попрощались, силы покидали меня — от нервного перенапряжения дня, внезапно сменившегося облегчением обнаружения Воли, такие перепады даром не проходят. А затем я отправилась на опушку, место, с которого началось моё путешествие по Лесу. Только теперь уже знала, где нахожусь и что это за мир, а потому улыбалась порхающим вокруг любопытным феям, но не заговаривала с ними и игнорировала их любопытные расспросы, пока они обиженно не разлетелись в разные стороны. Энергия этого мира совершенно меня не питала, нужно было возвращаться поскорее. Стараясь отгонять мрачные мысли об отсутствии Нити и о том, что если… не получится вернуться, я, оказавшись на месте, оттолкнулась от земли, взлетела и, закрыв глаза, представила свою комнату, кровать с лежащим на ней телом. Резкий рывок, толчок, и я открыла глаза — теперь уже реальные.

Я лежала на кровати, тяжело дыша, от слабости тошнило, сердце колотилось прямо где-то в горле. Но радость захлестнула: вернулась!! Значит это всё пустяки, законы того мира и беспокоиться не о чём.

Электронные часы показывали половину третьего ночи. Теперь нужно восполнить энергию, то есть, просто поспать.

— Спасибо… — шепнула я в пространство моим невидимым помощникам, которые всегда рядом, и провалилась в сон.

ГЛАВА 6

Новый день встретил… чириканьем невидимой птички под окном. В центре Москвы!

Невероятно, если учесть, что раннее утро я бессовестно проспала и рабочий люд давненько прозябает в пробках по пути в родные офисы. Но даже гудки автомобилей не могли заглушить этой нежной, по настоящему весенней, трели.

Я, не открывая глаз, сонно потянулась и заставила себя сесть. Ещё бы поваляться, да дел много. Разлепила глаза, глянула на мобильник удивлённо и звонок поспешно наполнил комнату.

— Да, Паш!

— А мы с Максом уже едем, — весело проговорил Павел, — на машине, друг подбросил… Через полчаса будем в Москве. Планы не изменились, Алишик?

— Нет, всё в силе. Давайте, ребят, я вас жду!

Встала и побрела в ванную, чистить зубы. С тоской ощутила, что Волька сейчас думает обо мне. Побывав ночью в месте его пребывания, я установила меж нами крепкую связь, теперь могла чувствовать его настроение и состояние. Он знал, что у нас настало утро, и что я встала. И грустил.

А я не могу описать, насколько мне вдруг стало одиноко и больно от нашей разлуки. Тяжко осознавать, что любимый в беде и всё зависит только от меня. Но тягостное ощущение тут же сменилось умиротворением и уверенностью, что всё хорошо — это мои невидимые помощники и хранители дали знать, что они рядом. Я забыла уж, когда в последний раз поддавалась глубокому унынию и отчаянью, они быстро выводили меня из этого состояния.

Вилка суетилась на кухне.

— Приветик, — улыбнулась она, а под глазами девушки я разглядела тёмные круги.

— Привет, плохо спала?

— Нет… просто долго не могли заснуть. Серёже надо договориться с типографией, куча ещё каких-то дел в Питере…а уезжать отсюда не хочет. Часть по инету договорился, но не успевает всё сделать.

— Славик — хороший парень, — ответила я, — приедет, поможет.

— Славик? — растерялась Вилка, — вы знакомы?

— Не то чтобы…но ты то его знаешь, — мне иногда было непросто выразить словами картинки и видения, возникающие в голове, и начинала не с того, с чего надо бы, — позвоните, он

приедет с радостью. Вадик решит остальные дела там.

— Так это всё странно, что ты сказала… мы думали об этом, — Вилка смутилась, — но не решились. Это же не наша квартира, наверное, некрасиво будет приглашать сюда посторонних без хозяина…

— Некрасиво — мучаться, когда всё легко и просто, — улыбнулась я, — кстати, о хороших манерах… Ко мне сегодня тоже приедут друзья из Питера, самые близкие, которые мне с концертами помогают. Не хочу сидеть без дела, думаю, развернуть концертную деятельность. Так что не стесняйтесь, зовите хоть толпу, главное, чтоб все поместились. Воля не будет против.

— Алиш… — разволновалась Вилка, — какие концерты…а как же… ты ведь говорила, что займёшься поисками Вольки?!

— Одно другому не мешает, — помешкала и добавила, — я его уже нашла.

— Как? Где? — Лета аж подскочила.

— Не в этой реальности. Я не могу сейчас всего объяснить и рассказать, — поняла, что не время, — отыскала его астральное тело, а физическое — пока не получается.

Но не переживай, это дело времени и много его мне не потребуется. Летик, а чем так вкусно пахнет?

Моя быстрая смена темы привела девушку в замешательство.

— Это… я тут гречку сварила, салатик с кальмарами соорудила, всё, что нашла в холодильнике пошло в ход.

— Молодчина, — я подошла и тепло обняла подругу, — спасибо тебе…

Вилка совершенно растерялась, а я, воспользовавшись смятением, проскользнула в ванную.

В общем, выяснилось, что не так уж долго спала, всего половина десятого утра.

После завтрака мы втроём обсудили предстоящий день. Пока я плескалась под душем, Сергей позвонил Славику, парню, которого я лишь пару раз видела в компании Серёжиных друзей, но знала о нём всё, и обнаружил, что тот вполне может приехать: ближайшие две недели у парня свободны.

Серёжка всем своим существом погрузился в газету. Отбирал материал, делал намётки о будущих статьях, разыскивал информацию, интересных людией о которых можно было бы написать… Сейчас он переживал самый серьёзный и важный момент рождения НОВОГО, что потом за собой повлечёт перемену в сознаниях сотен тысяч людей, и моей задачей является так же и помощь ему, поддержка, создание всяческих условий, способных облегчить работу. От стольких задач сразу

голова идёт кругом, но я справлюсь, потому что это мой путь и моя миссия.

— Летик, поможешь мне сварить кофе? — попросила я, — Максим и Паша устали с дороги, выехали затемно.

— А когда…

В дверь позвонили. Я подмигнула изумлённым ребятам и бросилась в прихожую.

— Алишка!!! — Макс схватил меня в охапку и, окутывая морозным свежим воздухом, оттащил в прихожую, пропуская Пашку.

Тот нёс два огромных баула. Вслед за ними в квартиру вошёл немолодой мужчина, коротко представился:

— Пётр Палыч, — и поставил у стены коробку с аппаратурой.

— Спасибо, дядь Петь. Сейчас сбегаю за остальным, — кивнул Макс, устремляясь из квартиры.

Паша, наконец, обнял меня. Сильно, крепко, я почувствовала, как он волновался, словно взрослая птица за неоперившегося птенца, волей судьбы оказавшегося вдали от зоркого материнского ока.

Цепким взглядом мой друг окинул квартиру, словно проверяя, как я тут устроилась, мимолётно пробежался глазами по застывшим лицам ребят в кухне.

— Пашунь, проходи, — посторонилась, кутаясь в халатик.

Эта одежда была мне непривычна, я скучала по своим любимым футболкам и спортивным штанам, бьюсь об заклад — Паша их привёз. Он всегда учитывал малейшие детали и никогда ничего не упускал из виду, порой даже предугадывая мои желания.

Часто я ощущала, что он гораздо больше видит, чем я со всеми своими способностями. В общем, среди знакомых мне людей на Земле я Павла считаю своим ангелом-хранителем.

Когда мой друг оценил обстановку, его взгляд, наконец, потеплел, и он чмокнул меня в лоб.

— Ох, Алишка, шустро у тебя планы меняются, не перестаёшь меня удивлять.

Паша разделся, мы прошли на кухню и я принялась представлять его ребятам. Заочно они были знакомы, виделись в «Небесном городе» как-то раз, на моём концерте.

Вилка слегка напряглась, но потом улыбнулась:

— Кофе готов! Прошу к столу.

— Хорошая у вас хозяюшка, — цокнул Паша, — как будто мысли прочитала, мне его так с утра не хватало!

Лета зарделась, а Сергей приподнялся для рукопожатия.

Вернулся Макс, занёс ещё одну коробку и споро разделся.

— А в Москве теплее, — заметил он, — надеюсь, на концертах будет тоже.

— Разогреем! — улыбнулся Паша.

Телефонный звонок прервал разговор.

Виолетта испуганно глянула на меня, я поспешила её успокоить:

— Это тебе, между прочим звонят, какая-то девушка.

Что-то облегчённо пробормотав под нос, Вилка убежала.

Я не стала мешать ребятам познакомиться, как следует, и пообщаться, накрыла приезжим завтрак и сидела, погрузившись в задумчивость, знала, что у нас с Пашей ещё будет время наговориться.

Ощутила Вилку — той звонила подруга и настроение у Леты было распрекрасным.

«Коснулась» Макса — радужность на душе и полный покой, Сергей и Паша — заинтересованы друг в друге и общаются с удовольствием. Дотянулась мыслью до далёкого, полузнакомого, Славика — тот уже находился в дороге, но ещё в Санкт-Петербурге. «Почистила» и «осветила» ему дорогу, доберётся без проблем и пробок, ведь едет тоже на машине. Вернулась Вилка.

— Звонили Алиска с Витом, — широко улыбаясь, поведала она больше Сергею, — готовят для тебя какие-то статьи, передала им, что мы ещё не скоро вернёмся и чтоб обращались к Вадику. Продиктовала твой е-майл, Виталик напишет сегодня.

— Хорошо, — кивнул Серёжа, потирая руки, — простите, но я вас покидаю, пошёл творить. Приятно было пообщаться, буду рад ещё, увидимся?

— Конечно, — хихикнул Максим, — мы сюда надолго.

— Отлично, — Сергей улыбнулся совершенно искренне, а потом, словно что-то вспомнил, повернулся ко мне, — Алиш, Славка приедет сегодня, как все будем размещаться?

— Знаешь, что я подумала… — хитро прищурилась, — откроем, пожалуй, комнату родителей Вольдемара. Все гости устроятся там! Раздвинем кровати и поставим раскладушку, а?

— Это возможно? — обрадовался Сергей.

— Конечно. Сейчас она нужнее нам, Воля возражать не станет.

Видимо Вилка рассказала Сергею о моём сообщении на счёт пропавшего, потому что спрашивать Серёжа ничего не стал.

— Так, вы, ребята, доедайте, а мы с Летой откроем и подготовим комнату пока.

Я не знала, где от неё ключ и, подойдя к двери, попыталась сосредоточиться, но Вилка вдруг поднесла руки к замку, застыла так на миг, под её ладонью что-то щёлкнуло, и дверь бесшумно

приоткрылась. Пожав плечами, девушка застенчиво улыбнулась, я одобрительно показала ей большой палец — то, что Летик не так проста, я знала, но её, похоже, свои же способности немного смущали. Человек, научивший её всему, высвободивший силу, не слишком научил её уверенности в себе, скорее, пытался довлеть и повелевать… Но это уже не моё дело.

Справились мы с подружкой за десять минут, в большой и уютной комнате царил образцовый порядок. Только подготовили кровати, слегка проветрили комнату и всё.

Я направлялась в свою комнату, зная, что в шкафу там есть раскладушка, которую решили приготовить для Славика, и вдруг ОЩУТИЛА. В комнате кто-то находился. И этот кто-то присутствовал там не в физическом теле. Я чувствовала астральное тело незнакомца так же чётко, как если бы увидела перед собой реального человека. И неконтролируемый страх вдруг на миг охватил всё моё существо. Едва сдержавшись, чтоб не вскрикнуть, как вкопанная, застыла в коридоре перед дверью.

Входить было нельзя ни в коем случае. Я опустилась на пол, не думая, что скажут ребята, присела на корточки, опёршись о стену, закрыла глаза. Покидать тело не представлялось сейчас возможным, в любой момент меня могли потревожить. Потому я просто потянулась мысленно в пространстве и «ощупала» его.

Незнакомец «сидел» в кресле, развалясь, он прекрасно знал, что я его ощущаю и, похоже, усмехался. Я мысленно «села» напротив. Видеть его чётко, не могла, только лишь ощущения, но дело не в том, что ограничены возможности, а в том, что он «прятался».

Только теперь я довольно ясно поняла, что это тот же самый человек, что похитил Волю и чей отпечаток у меня не получилось снять в подъезде. Он прекрасно владел техникой маскировки и прятал свою личность так, что казался абсолютно безликим, но в то же время не скрывал своего присутствия. Осенило: он меня проверяет!

Вторжение пришлось мне не по душе, да и не хватало времени, чтоб выяснить, что ему ещё нужно. От человека исходила СИЛА, но у меня её было не меньше, поскольку в своей реальности — я хозяйка положения, как говорится: «Здесь я самый крутой!»

Мысленно приблизившись, я протянула руки и коснулась визитёра. Он совершенно не сопротивлялся, напротив, исходящее от него любопытство усилилось.

«НЕТ» — чётко и безапелляционно заявила я ему.

«ДА!»- возразил он, вставая.

Меня закружило внезапным потоком, но невидимые

помощники поддержали в миг смятения, а дальше я восстановила самообладание.

«Хорошо — ДА!» — согласилась, но только теперь имея в виду свои условия.

И этому он не мог противопоставить абсолютно ничего. Он просто не ожидал, готовый к самому активному сопротивлению с моей стороны, а сопротивление, как известно, всегда слабее прямого натиска, отрицание — пасует перед утверждением.

«Нет» — проигрывает «Да».

Незнакомец исчез. Я разом перестала ощущать присутствие. И знала, что он действительно ушёл.

Что-то произойдёт в ближайшее время, потому что он в курсе теперь, что есть среди друзей Воли способные достойно отвечать. Правильно ли я поступила?

В любом случае, это был единственный выход. Проигнорируй я своё ощущение и войди спокойно в комнату — он мог бы в любой момент применить любые действия против любого из находящихся в квартире, открытый доступ был бы очевиден. Теперь ему сюда доступа больше нет, я закрыла его, по крайней мере, на астральном плане.

Все попытки пройдут впустую. Да и не настолько он глуп, чтоб сунуться снова.

— Алиш! — взвизгнула Лета, бросаясь ко мне.

Не успела собраться, потому потеряла равновесие, а затёкшие ноги подвели, и я упала на пол.

— Тихо, тихо, всё хорошо… — быстро заговорила я, пытаясь успокоить испуганную подругу, — всё нормально!

Но из кухни уже выскочили ребята.

— Алик, что с тобой, — Паша в один прыжок очутился рядом, помог подняться.

— Всё хорошо! — повторила я, не зная, что ещё можно сказать.

— Ты такая бледная… — прошептала Вилка, дрожащей рукой убирая мне волосы с лица.

Все они смотрели на меня сейчас настолько испуганно, что меня замутило от их страха и волнения. Уже открыла рот, чтоб попросить не переживать, как зазвонил городской телефон.

— Стой! — крикнула я, помешав Серёже взять трубку, — я сама!

Подошла, покачиваясь (ноги всё ещё плохо слушались и дрожали), сняла трубку.

— Слушаю.

— Я, кажется, приказал, чтоб вы убирались к чёрту, — довольно спокойно проговорил голос на том конце, различить

мужской он или женский было непросто по причине намеренного искажения, но я знала, что звонит мужчина, — или жизнь друга вам совсем не дорога?

— Мы уедем, — примирительно сказала я, переводя дух, — обещаю. Только не сегодня. У нас здесь есть важное дело, мы не можем бросить его. Но о первоначальных планах поверьте уже забыли, и, если честно, даже не знаем, для чего Волька всех нас сюда привёз…

— Умница, — «улыбнулся» голос, — даю время для решения всех дел до воскресенья, понятно? Чтоб к началу следующей недели вас тут не оставалось.

— Понятно, пожалуйста, позаботьтесь о нём, не делайте ему плохо! — тщетно я пыталась «прощупать» звонящего, он только усмехнулся хрипло, закрытый «наглухо».

— Успокойся, цел и невредим, что ему сделается. Благодарю, также, за радушное гостеприимство, первое и последнее, обещаю, — и пошли гудки.

Значит это снова он. Стефан или кто-то там ещё?

Нужно поспешить…

Я повесила трубку и оглянулась. Все замерли, словно статуи, на своих местах, кто где стоял, не сводя с меня напряжённых глаз.

— Та-а-ак, — протянул Паша, — ну и что у вас тут за криминал творится?

Я вздохнула. Интуиция у моего друга отменная, сразу почувствовал, что к чему.

— Пашунь, ты преувеличиваешь. Это игра, просто игра, — я едва коснулась его сознания, просто, чтоб успокоить тревогу.

Он недоверчиво нахмурился, но уже не видел опасности в происходящем. А на меня снова навалилась усталость от необходимости контролировать сразу столько вещей.

— Давайте, я вас лучше размещу и объясню, что где лежит, — быстренько сменила тему, — теперь мы тут все в равной мере хозяева и гостей больше нет.

Позже Вилка притащила раскладушку, поставила её в комнате мальчиков. Макс уехал проводить разведку по клубам, с Пашей мы какое-то время говорили о репертуаре, фонограммах минусовок и афишах, а потом он тоже отъехал по каким-то своим делам.

После обеда, ближе к вечеру подъехал Славик, и квартира ожила от шуток балагура и весельчака, мы все на какое-то время отвлеклись от волнений последних дней.

Потом, пока они с Виолеттой дружно хлопотали на кухне, мы с Серёжкой, наконец, нашли время поболтать наедине.

— Алиш, мне кажется, что ты что-то утаиваешь, — спросил

он, когда я заглянула в комнату, чтоб поинтересоваться, как идут дела с газетой, — почему не расскажешь, что и как с Волькой?

— Пока не могу, — я присела рядышком к столу, — рассказать о его местонахождении, просто поверь, что с ним всё в порядке и он в безопасности.

Относительной…

— Это ведь звонил похититель?

— Да.

Глаза парня расширились.

— Алиш, почему ты не можешь его обнаружить? Ты ведь многое видишь… А тут человек звонит сам — и что?

— А ничего. Серёж, вспомни, с кем мы связались? Стефан — Учитель, ему не составит труда спрятаться при необходимости. Хотя… что-то подсказывает мне, что это всё же не он.

— А кто? — парень нахмурился, — кроме него некому, то есть, я хотел сказать, кому другому Волька нужен?

— Вот это и предстоит выяснить в самое ближайшее время.

Я обежала комнату глазами и сразу выделила несколько фотографий, развешанных по стенам — снимки из путешествия Сергея. Они заметно улучшали энергетику комнаты и даже квартиры в целом.

— Серёж, можно мне один? — протянула руку к изображению монастыря Миларепы.

— Конечно, возьми, — засмеялся он, — вот, смотрю на них и заново переживаю… В чудесных местах посчастливилось побывать.

— Серёжа, а ты не жалеешь о своём выборе? — я серьёзно посмотрела ему в глаза, — ведь это теперь на всю жизнь.

— Мой путь — это мой путь. И чем дальше иду, тем больше чувствую, что иду правильно.

— Да, ты идёшь правильно. Не забывай, что жизни суть, рождаться на ладонях Бога. И побежит, завьётся путь, твоей единственной дорогой… — вдруг зазвучало у меня в голове, начала рождаться новая песня, — Не отрывайся от земли, и от небес не отрывайся. Мы во вселенной не одни, потоку светлому отдайся…

— Как красиво… Новая песня? Не слышал.

— А её ещё и нет, только вот сейчас зазвучала, — улыбнулась хитро.

— Запиши! Буду слушать и верить, не сомневаться, не отступать, не терять любви.

— Серёж… — моё сознание вдруг получило ещё одно послание, — поддержи Лету, пожалуйста…

— А в чём дело?

— Будут проблемы с мамой, очень скоро. Лета может сломаться.

— Я сделаю всё.

— Не возвращайтесь сейчас в Питер, что бы ни случилось там с её семьёй, для неё это важно — оставаться здесь. День рождения она должна встретить в Москве. Иначе ты потеряешь девочку навсегда.

— Больше не можешь сказать?

— Сам понимаешь.

Сергей кивнул. Он знал, что если расскажу подробности — всё вмиг поменяется.

Итог будет тем же, но наступит в наикратчайшее время, словно разожмётся стальная пружина. А если не торопить — есть возможность успеть уберечь человека. Потому подробности грядущих событий знать вовсе не полезно, а даже наоборот.

Мы помолчали.

— Алиш, мне с тобой так спокойно… — признался Сергей, — но я знаю, как тебе сейчас нелегко, догадываюсь, что Волька значит для тебя. Могу ли чем-то помочь?

— Можешь, — кивнула, — не пугайся ничего, что бы со мной ни происходило, не расспрашивайте меня пока и береги Виолетту. Это всё.

— Замётано! — отсалютовал шутливо Сергей.

— А теперь пойду, запишу песенку, если ты не против?

Я подмигнула и убежала к себе.

Горячее возбуждение овладело телом, перекатывалось волнами, так всегда бывало, когда рождалась новая песня, так происходило и сейчас.

Взяла блокнот, ручку, и строки побежали по чистым листам.

«Твой путь…»

ГЛАВА 7

Вечером за ужином Паша порадовал новостью: Макс договорился и прямо завтра у меня состоится первый концерт! Клуб небольшой, но пользующийся горячей любовью определённой категории молодёжи. Музыки, подобной моей, там ещё не исполнялось и, в какой-то мере, это будет эксперимент. Гонорар за выступление посулили чисто символический, но в случае аншлага обещали накинуть и предоставить возможность дополнительного концерта. Что ж, делаем первый шаг в столице, произвести впечатление я не рвусь, будь что будет, всё равно, мы тут не навсегда.

В субботу — второй концерт, на этот раз — в ресторане. Но публика элитная, ресторан имеет литературную специфику, люди там собираются творческие. В этом случае больше шансов понравиться, но опять же — не ставлю целью. Я совершенно спокойно и равнодушно думала о предстоящих выступлениях, чувствовала, что всё пройдёт хорошо.

Отдала Паше листок с новоиспечённой песней, он пробежал глазами, улыбнулся, кивнул и пообещал поработать ночью с Максом над музыкой. В глазах друга вновь появилось спокойствие, тревога отпустила: раз я пишу, значит, всё у меня в порядке.

После ужина, под предлогом того, что надо хорошенько выспаться перед концертом, я сбежала в комнату. Сергей со Славиком тоже улизнули за комп, и что-то мне подсказывало, что засидятся допоздна. Макс с Пашей достали синтезатор и начали творить, убавив звук. Вилка загрустила одна, но ненадолго, нашла у Воли на полке интересную книжку и погрузилась в чтение.

Дом успокоился, вибрации утихомирились и можно было отправляться.

Лес Школы встретил разливающимся по небу рассветом, он стремительно оживал.

Просыпались местные жители — существа странные и разнообразные, шуршали, общаясь между собой, не прячась семенили по тропинкам неизвестные мне маленькие человечки, порхали феи. Над лесом, с восточной стороны, кружил восхитительный радужный дракон, гонял по небу какие-то два небольших комочка: всмотрелась и поняла, что это маленькие дракончики, игривые и шаловливые, мой рот сам растянулся в улыбке.

А потом внезапно услышала голоса и шагнула в тень

кустарника, присела у ствола дерева.

В Лесу начали появляться люди: молодые парни и девушки, видимо, ученики. Они приветствовали друг друга, весело переговариваясь, шли по тропинкам в разных направлениях, махая на ходу новоприбывшим. Я во все глаза смотрела на них и ощущала какое-то странное волнение. Словно когда-то всё это видела уже… Спустя примерно полчаса Лес снова притих, будто опустел, ученики разошлись по домикам, воцарилась тишина, даже лесные существа будто бы занялись каждый своим делом, отбросив беспечность. Я решила, что пора отправляться.

Боясь потревожить кого-нибудь, не стала сразу углубляться, пошла кромкой леса в сторону домика профессора Карамура. Отсюда, оглядевшись, увидела чудной красоты долину, в которую от Леса спускалась тропинка. А в долине — белоснежный замок!

Словно игрушечный, он так красиво освещался лучами восходящего солнца, что перехватило дыхание. И опять возникло ощущение «дежавю», где-то и когда-то я видела уже вот именно этот пейзаж и даже этот замок… Но некогда, надо спешить.

Дорога каждая минута общения с любимым.

И вдруг движение в чаще заставило меня вздрогнуть и отпрянуть за дерево. А оттуда я наблюдала, как тонкая девичья фигурка мелькает среди зелени, в голове пронеслось: «Саманта». Она явно направлялась туда же, куда и я. Подождав немного, пропустив её, пошла осторожно следом. А пока шла — узнавала о незнакомке всё больше и больше. Сердце сжалось, а его биение отдавалось странным спазмом в груди.

Волька любил её. Давно, но очень сильно. Она разбила ему сердце… и кто знает, что осталось в самой глубине его души в память об этой девушке? Она идёт… к нему.

Я споткнулась и сама себе машинально удивилась — что происходит? Откуда эта болезненная, беспомощная растерянность, охватившая душу?

Саманта взбежала по ступенькам и столкнулась с выходящим из домика (вероятно, встречать меня) Волей. Он ухватил её, потерявшую равновесие, в ответ девушка смущённо, но звонко рассмеялась. Она уставилась на моего любимого, пытливо всматривалась, словно какая-то внезапно возникшая мысль наполнила сознание.

Отсюда я не слышала их разговора, но прекрасно читала по губам и душам.

— Привет…

— Привет, — Волька смутился, — ты ведь за снадобьем? А Карамур совсем недавно уже понёс его Алии сам.

— Я, получается, зря пришла, — лукаво закручинилась

Саманта.

Воля покраснел. Я ощутила волну жара, пробежавшую по его телу. Сердце любимого всё ещё помнило эту девушку, всё ещё реагировало на неё!

— Может, познакомимся?

Саманта присела на ступеньки и жестом позвала его сесть рядом. Хорошо, что они не вошли внутрь, я опустилась на траву. Волька помедлил, оглядываясь, словно ища кого-то глазами, и сел неуклюже около неё.

— Меня зовут Саманта, я Целительница. А ты здесь откуда?

Мы с Волькой вдруг поняли одновременно, что она его действительно по какой-то причине не помнит. Растерянность охватила его душу, тревога — мою. В ушах зазвенело, и я уже не слышала своих невидимых помощников.

— Меня зовут Вольдемар, — эхом откликнулся Воля, — я тут с недавних пор… помогаю Карамуру.

— А, с тех самых, как Марта стала Воином? — догадалась Целительница, — только я тебя не видела раньше.

— Нет, я тут буквально пару дней…

— А…

Саманта не стала расспрашивать подробнее. Она просто сидела молча и любовалась его лицом, Волька же, совершенно выбитый из колеи этой встречей, отвернулся и с нетерпением высматривал меня.

Я видела, что он девушке очень понравился, даже больше, это можно было бы назвать любовью с первого взгляда, этакой любовной лихорадкой, воспламеняющей внезапно, но поражающей наповал. Яркий румянец, заливающий девичьи щеки, не давал усомниться в овладевшем мной ощущении. Она словно что-то силилась вспомнить, ей казалось, что они с Волей знакомы давно, но тем не менее, девушка не могла понять — каким образом в её памяти нет больше ничего об этом парне.

Молчание затянулось, Волька нервничал.

Саманта вдруг вскочила, словно очнувшись.

— Ой, я же опаздываю на занятия. Ну, пока!

— Угу, — буркнул довольно нелюбезно, с какой-то досадой, Воля, поднимаясь.

— А можно… я ещё приду как-нибудь, и мы погуляем, поболтаем? — застенчиво опустила глаза Целительница, спускаясь на одну ступеньку.

Вольдемар застыл, как громом поражённый. В его голове проносились сейчас яркие картинки воспоминаний его с этой девушкой былых отношений, объятия, поцелуи, прогулки по Лесу… Отчего то сжалось моё сердце. Захотелось отвернуться и

уйти, убежать отсюда, не слышать, не видеть. С трудом удержалась на месте.

Волька молчал. Саманта, так и не дождавшись ответа, спустилась и пошла прочь. Ей было грустно, грустно и непонятно поведение этого странного юноши.

Когда Целительница скрылась из виду, я вышла из-за дерева. Моё приближение Воля заметил не сразу, пребывая в ступоре, а когда повернулся, я весело улыбалась и ничто — ни во взгляде, ни в движениях — не выдавало того, что я стала свидетельницей разговора, давшегося мне ох как нелегко.

Волька встретил у ступенек, и мы жадно обнялись. Сейчас я была уверена, что сердце его стучит обо мне, радостью от нашей встречи. И мне на миг стало стыдно за свой порыв, свою слабость, за мимолётное желание уйти.

— Пойдём, скорее, в домик, — шепнул Воля, целуя мои волосы.

Взявшись за руки, взбежали наверх и через секунду уже были в его комнатке.

— Я так соскучился, — Воленька целовал мои волосы, шею, лицо.

— Карамур скоро вернётся? — шепнула я взволнованно.

— Нет. Он непременно задержится у Бабушки, пока она его чаем не напоит — не отпустит.

Я жадно поцеловала любимые губы, увлекла его на кровать…

Кто сказал, что в астрале всё не так, как в физическом мире? Он был прав! Всё гораздо слаще приятнее и ярче. Я так истосковалась по его объятьям, словно прошли не сутки, а сто лет. Волька шептал моё имя, растворяясь во мне без остатка, я же потеряла полное ощущение реальности, уже не понимала, где и в каком теле нахожусь, в каком измерении…

Очнулись разом от звука хлопнувшей двери, вскочили, переглянулись. Слава Богу, что здесь не нужно было тратить время на «раздеваться-одеваться».

Звонко цокая копытами, в комнату вбежал единорожка, «Кора!» — вспомнила я.

Одновременно с Волькой облегчённо рассмеялись. Кора сначала шарахнулась от неожиданности, увидев меня, затем вспомнила и недоверчиво, но всё же подошла, робко дала себя погладить.

— Здесь так… тихо, спокойно… — проговорила я, оглядывая комнату.

— Ага, как на кладбище, — вздохнул Воля, — а я словно призрак, которого здесь никто не воспринимает человеком. Вчера Алия заходила снова, и снова — ничего определённого. Уж и не

знаю, кто мне теперь тут друг, а с кем и врагов не надо.

Он становится всё проницательнее.

— Воль, есть у меня одна мысль…как тебя вытащить. Но в любом случае придётся провести в Лесу ещё несколько дней, — я наблюдала, как Волька достал миску и наполнил её кормом для своей питомицы.

— Ты ещё не знаешь, кто это сделал?

— Нет. Догадки не в счёт, это несерьёзно. Я совсем близка к разгадке, только нужно найти брешь в «защите» похитителя. Щель, сквозь которую смогу проникнуть.

— А я? Я могу что-то сделать для того, чтоб облегчить тебе поиски?

— Думаю, в скором времени ты сыграешь самую активную роль…

— Вот тут побегал вчера, — Волька почесал переносицу, — по Лесу, поискал озеро Забвения. Но пока никаких результатов, думаю, спрашивать у Алии будет излишне?

— Правильно думаешь, — кивнула, — не привлекай внимания, делай всё тайком. Ищи дальше. У меня появилась мысль, завтра ночью вернусь и мы отправимся в Тёмный Лес…

— Мне же нет туда доступа, — напомнил любимый.

— И не надо, я пойду одна, ты подождёшь на границе. Только мне нужен будет подробный инструктаж… Давай так: пойдём сейчас прогуляемся в какое-нибудь безлюдное местечко, где никто не потревожит, и ты мне его предоставишь. Только…

Снова хлопнула дверь.

— Али!

Я не успела спрятаться, в комнату вбежала невысокая темноволосая девушка. И застыла, увидев меня. Посмотрела озадачено на Вольку.

— Привет, Вольдемар… а… я заглянула повидать Алишера, где он?

Но в голове девушки бился один вопрос: «КТО ЭТО?» И я была объектом её немалого удивления.

— Привет, Марта, — как мог спокойно (хотя внутренне был напряжён не меньше) ответил Воля, — Али убежал с утра… не знаю уж куда, но каждый день он исчезает на пару часов.

— Бегает к озеру Забвения, — грустно пробормотала Марта, — пьёт, пытается забыть Монику. Но на Единорогов вода озера действует кратковременно…

Я превратилась в слух, а девушка вдруг насторожилась и замолчала.

— А где оно, это озеро, ты знаешь? — невозмутимо поинтересовался Волька, уловив мою мысль.

— Зачем тебе? — угрюмо спросила Марта.

— Схожу за ним…

— Не надо, сам вернётся. Он имеет право побыть один, чувства животных тоже надо уважать.

Воля смутился и кивнул. Марта же откровенно вопросительно уставилась на меня, ничего не оставалось, как представиться.

— Привет, я… Алина.

— Не знаю тебя, — отрезала Марта недружелюбно, колючая девчонка, — ты кто?

Мы с Вольдемаром разом растерялись. Что ответить, чтоб удовлетворить любопытство и успокоить подозрительность Воина?

— Аля — мой Хранитель, — нашёлся Волька, — временно, пока я здесь не адаптируюсь.

— А зачем тебе Хранитель, ты же не Воин? — нахмурилась девушка, — что тебе тут угрожает?

— Мне кажется, Алии виднее, — пожал плечами Воля, — нужен мне Хранитель или нет.

— Ты прав, — кивнула девушка и малость успокоилась, — ладно, вернётся Алишер, передавай ему от меня привет, пойду, у нас сейчас бой…

И не дождавшись прощального «пока», развернулась и убежала. Мы перевели дух.

— Думаешь, прокатит? — лелеял надежду Волька. Я пожала плечами.

— Если б могла тебе побещать… Воль, я сейчас дальше своего носа не вижу, всё очень мощно закручено и исход может быть любым. Ладно, пошли, пока ещё кто-нибудь не появился.

Мы покинули дом Карамура, осторожно, крадучись обогнули его, Волька повёл меня вглубь Леса, в противоположную сторону, уводя от домиков Воинов и других учеников.

Отошли довольно далеко, настолько, что даже суетливо снующих разномастных существ стало попадаться значительно меньше, а там уселись на холмике, очень уж напоминающем заросший муравейник.

— Итак… — я успокоила мысли в голове, сосредоточилась, — сейчас настроюсь на тебя, дай мне руки. А потом начнёшь прокручивать в памяти все-все маршруты Тёмного Леса, по которым ты хоть раз ходил. Особое внимание удели разным сакральным, значимым местам, типа Мёртвого озера или Водопадов Силы, про которые ты рассказывал, ещё обязательно «покажи» где обитает василиск. Проводя разведку, хотелось бы оставаться незамеченной и не поднимать шума.

— Алиш, уверена, что хочешь отправиться туда одна?

— У меня нет выбора, — я улыбнулась ободряюще, — но поверь, милый, это не опаснее, чем пребывание в Светлом Лесу. Вызнаю, чем живут Тёмные Воины… и их Учитель.

— Солнышко, — Волькин взгляд выражал сомнение вкупе с опаской, — я, конечно, постараюсь показать тебе, насколько опасен Тёмный Лес, но его трудно переоценить…

— Только не увлекайся ужастиками, — предостерегла я, — мне нужны только лишь голые маршруты и местонахождение различных объектов. После инструктажа важно, чтоб я знала местность не хуже тебя. А уж с тёмными сущностями, коли придётся, разберусь на месте.

Закрыли глаза, крепко взявшись за руки, и я начала «прослеживать» Волькины перемещения. Периодически шептала тихонько, куда следует повернуться, оглянуться, чтоб составить более полный обзор. И смотрела, смотрела, смотрела…

Душа холодела от энергетики Тёмного Леса, трудно было представить, как там можно долго находиться, словно в сыром подземелье старинного замка с призраками и неведомыми тенями, блуждающими меж чёрных остролистых деревьев. Сдавило горло и перехватило дыхание от мысли, что мне туда идти одной. Но я «задавила» эмоции, чтоб они ни в коем случае не передались парню, сейчас мы были почти единым организмом.

Вольке тоже, по видимому, не доставляло удовольствия «блуждать» по территории врага, он заметно выдохся и, более-менее составив карту местности, а заодно и получив образы Волькиных бывших соучеников и Учителей, я отпустила любимого.

Побледневший, он переводил дух, пока я, прижавшись спиной к его груди, полулёжа, размещала в памяти и систематизировала полученную информацию, а заодно вливала в него свежие силы, что походя собирала, скользя взглядом по кустарникам и деревьям. Это заняло ещё какое-то время, но зато я была уверена, что завтра, очутившись в Тёмном Лесу, не заблужусь и не попаду впросак, хотя что-то подсказывало: всё пройдёт гораздо легче, чем представляется.

А потом мы долго лежали на траве и болтали обо всём подряд, но только не об общих проблемах. Волька рассказывал о своей жизни, о своей семье, я — о своей жизни и своей детдомовской «семье», друзьях. Рассказала о том, что происходит в реальности в квартире, и Воля дал «добро» на любые мои решения, относительно неё и всего остального.

Можно сказать, что вот только сейчас мы по-настоящему познакомились в этой жизни. Вчера как-то было некогда. Я не призналась Воленьке, что знаю о нём всё, мне было безумно

интересно слышать из любимых уст незатейливый, по-мужски скупой, рассказ о годах детства, юношества, ловя ту особенную интонацию, с которой он поведал обо всём, его юмор и весёлый смех. Я наслаждалась простым и тёплым общением и думала о том, что пока не стоит рассказывать ему всё, что знаю об остальных, совместных с ним жизнях, которые остались позади, но которые многое заложили для нас в жизнь эту. Да и вообще — стоит ли? Совершенно точно скоро настанет тот момент, когда он сам вспомнит всё, память откроет свои самые потайные закоулки и не останется больше ни единой забытой минутки из прошлого…

Дай только Бог, чтоб произошло это раньше, чем его сердце отреагирует, быть может, на завлекательную нежную улыбку Саманты, на её влюблённый взгляд.

Наконец, мне пришло время возвращаться.

Поднялись с тёплой земли мы так неохотно, что я с невыразимой тоской в сердце подумала о доме, о реальности, в которой придётся делать то, на что сил не так уж и много, но делать необходимо. Потому что эти события — тоже волокна, заложенные в ленту варианта реальности, выбранного мной. Который приведёт прямиком к похитителю и поможет найти Вольку в физическом мире.

— Невыносимо расставаться в очередной вечер, — прошептал Волька, зарываясь лицом в мои волосы, — оставаться здесь одному, без тебя…

— А мне возвращаться в холодное чужое утро, просыпаться в кровати, которая помнит твой запах и нашу любовь… — прошептала я в ответ, — Воль, у меня сегодня концерт в реальности.

— Как бы я хотел попасть на него!

— Спою для тебя завтра, хочешь? — лукаво улыбнулась.

— Хочу! — закивал Воля.

— А пока… — я посерьёзнела, собралась, чтоб сдержать невероятную, навалившуюся каменной глыбой грусть, — надо держаться. И искать! По возможности проследи за Алишером, он приведёт тебя к озеру Забвения. Но всё-таки будь осторожен, Светлые могли и его перекрыть после того, как ты навёл шороху в Школе тогда. Что-то подсказывает мне: могут быть ловушки. Приближаясь к воде — иди след в след с единорогом, они чувствую подобные вещи, тщательно наблюдай за его поведением.

Я сама не понимала, откуда берётся в голове то, что говорю, но доверилась интуиции. Волька слушал и кивал.

— И давай завтра встретимся в это же время и на этом месте?

Я больше не пойду к дому профессора, чтоб лишний раз не светиться, сразу сюда.

— Хорошо. Любимая… — Волька порывисто прижал меня к груди, целовал, тискал, словно прощались не на ночь, а навек. А я, глотая непрошеные слёзы, не давая им шанса выскользнуть из глаз, целовала его в ответ.

А потом отстранилась и побрела прочь меж деревьев. Обернулась лишь раз, помахала, тепло улыбнувшись, послала волну нежности, окутав парня с головы до ног и, когда вдруг ощутила, что сейчас мы вновь одновременно кинемся друг к другу в объятья, жесточайшим усилием воли перенеслась домой.

И уже лёжа в кровати, дала, наконец, волю слезам. С каждым разом всё труднее и труднее расставаться, настоящее испытание, как же больно…

И вновь мои невидимые помощники и хранители окутали теплом доброго умиротворения, согрели сердце неземной нежностью, успокоили душу, и я не заметила, как уже под самое утро уснула.

ГЛАВА 8

День выдался ненастным, конец февраля неожиданно преподнес «сюрприз»: пошёл проливной дождь.

— Мда, — хмуро побарабанил по подоконнику Павел, глядя в пространство, — замечательное дело! Тем лучше: Макс не смоется никуда, и мы прорепетируем.

— А я и не собирался, — буркнул Максим, настраивая аппаратуру, — некуда смываться.

— Да? А как же Сонечка? — ехидно полюбопытствовал Паша.

— Не сошлись характерами, — Макс защёлкал переключателями, — как говорится, аста ла виста, детка.

— Максим, она тебя любит… — улыбнулась я.

— А я вот не умею притворяться, — пожал плечами, — прошла любовь, завяли помидоры…

— Ладно, — оборвал Павел, — давай, включай, пусть Алиша музыку послушает, выскажет свои соображения.

— Не студия, конечно, но… что имеем, — Максим поморщился, превыше всего он ценил идеальные условия для работы.

— Да уж… Алиш, ты действительно хочешь новую песню сегодня же исполнить?

— Да, — я пожала плечами, — ребята, когда это у нас что-то не получалось, а?

Мастера импровизаций — это мы!

Как и была заранее уверена — музыка «звучала» с текстом идеально и мелодия была та самая, что и представлялась мне смутно. Лишний раз убедилась, как с Максом мы «ловим» идеи друг друга. Парни смотрели на выжидающе.

— Ну что, поиграем в караоке? — подмигнула я и это значило, что музыка одобрена и можно приступить к пению.

— Жаль, что не записать… слушайте, а может я побегаю по Москве, студию найду приемлемую, а? — оживился Макс.

— Нет, — отрезал Павел, — записываться в Питере будем, у Семёныча, тут пока все дела оформим, уже и уезжать.

— Да делов-то! Сунем баблосов и никаких оформлений, ну хоть одну фонограммку… — заныл Макс, у него чесалось профессиональное желание действовать.

— Паша прав, тут она нам не пригодится, хватит тех, что уже есть, — добавила я, — а мотаться по Москве в такую… ммм… погоду… сомнительная радость. Да и некогда.

Ладно, включай…

Я взяла листочек с текстом. Что ж, поехали!

К обеду репетиция вымотала меня хорошо. Мы не выходили из комнаты несколько часов, пока Паша не рявкнул на Макса, что хорош, мол, терзать звезду, я так и голос посадить могу, на что тот неохотно повиновался и отпустил певицу промочить горлышко.

А уж на кухне нас цепко перехватила Вилка, активно собирающая по комнатам бессовестных трудоголиков и приглашающая отобедать.

По негласному договору Вольку мы не обсуждали вслух при моих друзьях, Павел был строг в суждениях и излишне тревожен за меня. Все с волнением предвкушали концерт и радовались за Серёжку, у газеты которого рейтинг продаж неуклонно рос и это вместе с тем, что рекламы на полосах его детища не было вовсе.

Меняется постепенно сознание людей и «Аура жизни» стремительно находит своего читателя, изголодавшегося по духовной качественной пище, воспитывает новых… То ли будет дальше! Но я ни под каким предлогом не стану рассказывать Серёжке, что ждёт его впереди, пусть в блаженном неведении потихонечку, не спеша, раскручивает эту линию вариантов. Он и так идёт в правильном направлении.

Мне же было о чём подумать, в голове созрел план, но пока туманно виделись пути его реализации. Да и не о том сейчас нужно размышлять, а о приближающемся концерте. Отмести остальное и выложиться на полную, всю себя распахнуть, иначе и выступать незачем.

После обеда незаметно улизнула к себе в комнату: побыть в одиночестве, собраться с силами и просто расслабиться, снять с лица вымученную сияющую улыбку, которая нужна для всеобщего спокойствия, но ни в коей мере не отображает моего истинного настроения. Да ещё этот дождь за окном…

К вечеру погода смягчилась и милостиво поуменьшила небесный водопад. Собравшись и ещё триста раз перепроверив напоследок — готово ли всё, что нужно для выступления, мы вызвали сразу две машины такси к подъезду. Такой вот дружною толпою подкатили к фолк-клубу (как выяснилось) «Кельтское диколесье». Я поёжилась: публика там, должно быть, весьма своеобразная, настроенная на совсем другой репертуар, будут слушать придирчиво, не допустят ни малейшей фальши. Как вообще администрация клуба согласилась на концерт совершенно не жанровой певицы?

Макс обладает даром убеждения? Ну-ну… Проверим теперь наличие этого дара у меня.

Я вздохнула и с ворчливо-скептическими мыслями выбралась из машины под услужливо приготовленный Пашей открытый

зонтик.

Гримёрку мне выделили, без преувеличения сказать, шикарную, видимо она использовалась для немаленьких коллективов, а тут — я одна, и всё роскошество неимоверное — мне в безраздельное владение. Паша с Максом не в счёт, они, оставив меня переодеваться, разбежались: Максим — проверять, как расставили аппаратуру, наладили звук, Павел — рассаживать друзей. Лета, Славик и Серёжа прибалдели от местных интерьеров и плохо ориентировались в реальности.

— Милые мои, помощники мои дорогие, — шептала я, не сводя глаз со своего отражения, лихорадочно, причёсываясь и нанося на волосы лак, — это очень важно для меня, будьте рядышком, пожалуйста, прямо совсем рядышком, я так волнуюсь…

— Алишик, готова? — стукнув в дверь, робко заглянул Паша, — выход через пять минут. Зря не приехали пораньше, распелась бы немного, привыкла к акустике, сцене.

— Как там с залом? — почему-то шёпотом спросила я, — много народу?

— Ну, зал-то невелик… — Паша не хотел меня будоражить, — но, да, забит до отказа, нет свободных мест, еле удалось ребят пристроить. И ещё… Макс предлагает всё-таки под минусы петь, Алик, ну к чему эксперименты с музыкантами, они с тобой ни разу не выступали, нам накладки нужны?

— Пашунь, всё под контролем, — я облизала пересохшие губы, — накладок не будет, ребята толковые.

— Смотри, тебе виднее, — расслабился он.

Последние пару минут я всё же распелась, немного разогрела связки, настроилась на состояние парения и, за руку с моим самым близким другом, покинула гримёрку.

Да, к незнакомой сцене и в самом деле, следовало бы немного привыкнуть, присмотреться, прежде чем выходить на неё впервые. Но я быстро окинула её взглядом и через секунду ощущала почти как родную.

Краем уха слышала, как объявлял меня долговязый длинноволосый, безмерно обаятельный парень-конферансье с нелепой бабочкой, неуютно стягивающей горло, сама же мимоходом сканировала энергетику зала, мысленно прикоснулась к каждому посетителю, большую часть которых составляли отдельные группки парней и девушек одетых в одежду с этническими нотками, обняла и поприветствовала. И сразу ощутимо потеплела общая атмосфера, публика в унисон заулыбалась и взгляды, направленные на сцену, лучились доброжелательностью. Как здорово, на поверку москвичи такие

же простые и открытые люди, как и питерцы! Можно начинать…

Пела свои первые песни, находясь в потоке, голос лился сам собой, казалось, вовсе не я извлекаю из себя звуки, а они, рождаясь где-то вовне, увлекают за собой. В каждой моей песне заточён особый образ, который постепенно раскрывается и высвобождается, каждая мелодия несёт в себе определённую мыслеформу, воспринимаемую сердцами слушателей, как зов, ведущий к вдохновению, к искренности. И я постепенно ощущала взаимность, доверие зала, сердца открывались навстречу. Не зная текстов, губы многих начинали подпевать, слова пробуждались в каждом как по волшебству, ловились, витая в пространстве. Теперь я не воспринимала уже отдельных людей, весь зал стал для меня единым организмом, настроенным на ту же волну. Когда я пела «Цветы бытия» глаза людей сияли, чудесный аромат неземного цветочного благоухания наполнил клуб.

Одна за другой, и вот, наконец, приблизился момент исполнения новой песни. Я объяснила, что была она написана лишь вчера и попросила быть снисходительнее, на что ощутила, что мне сейчас готовы простить, что угодно, пусть даже лёгкую фальшивинку, которую не простили бы в самом начале. Но я не могла сфальшивить, ведь пела для ДРУЗЕЙ, коими сейчас стали все до одного сегодняшние посетители.

И с отзвуком последней ноты зал встал и зааплодировал. Это стало величайшей для меня наградой.

В этот вечер я выступала одна. Впервые мои песни не чередовались с чужими. Так захотел хозяин клуба и оказался прав. Люди, настроенные на одну волну, не воспримут другую, тем более — незнакомую им ещё. Потому я делала лишь совсем небольшие перерывчики, отходила только попить сока и сменить костюм. Но усталости не ощущала совсем, словно парила на невидимых крыльях.

Я отдавала все свои силы публике, а она, взамен, отдавала энергию восхищения мне. Такой энергообмен всегда был результатом моих концертов, только так можно выложиться полностью.

Репертуар заканчивался, выступление уже подходило к концу, как неожиданно я поймала странное чувство… чего-то чужеродного, находящегося в диссонансе с общим потоком. И это что-то слегка выбило из настроя.

Интуиция ненавязчиво направила мой взгляд в угол, полуосвещённый, находящийся в отдалении от сцены. Ярко залитая огнями софитов, она мешала зрению вглядеться туда, однако я вовсе не собиралась пользоваться зрением для этого. Просто «пощупала»… И застыла. Достаточно чётко уже видя, что

там сидит человек, я, однако, не ощущала его. Нет, живое поле и энергетика, но прочесть что-либо о нём не получалось, настроиться на него, частично слиться сознаниями — тоже. Он словно отгородился глухой стеной от любых контактов, однако в мой адрес излучал самый живой интерес и нескрываемое любопытство. Я не собиралась закрывать от него свои мысли, лишь в очередной раз, убежав за кулисы, попросила Павлика разведать, кто там обитает. А когда вернулась на сцену для исполнения последней на сегодня песни — чётко ощутила, что мой таинственный слушатель исчез, покинул клуб. Он ушёл, а ощущение присутствия, едва уловимое, осталось. И оно мне кого-то напоминало…

Когда слушатели узнали, что исполненная песня была последней, они долго хлопали, а потом вдруг начали скандировать в унисон и просить продолжить. Администратор клуба, заглянувший за кулисы, растерянно разводил руками, смущённо улыбался и, заикаясь, робко спросил, не могли бы мы задержаться вне оговоренного времени?

Паша сурово отказался, сославшись на то, что уже почти полночь, а певица не может тянуть на себе целый вечер в одиночку, да и музыканты устали неимоверно.

Но пожелания о дальнейшем сотрудничестве готовы рассмотреть. И то — следует поторопиться с предложениями, так как долго задерживаться в Москве мы не станем.

И тут я вдруг ощутила возбуждение, горячей волной пронзившее тело, азарт и кураж.

— Пашунь…подожди. Может… я бы хотела, слегка поимпровизировать!

— Что? — не понял Павел, — как это?

— Значит так… — возбуждение закипало и требовало выхода, я говорила лихорадочно, — отпусти музыкантов и посади за синтезатор Макса, мне достаточно будет его одного, никто так хорошо не чувствует меня. Паш, во мне рождается новая песня, и я хочу прямо сейчас её исполнить.

— Как? Вот так, без музыки? Но…

— Я начну, а Максим будет подыгрывать, подберёт мелодию… Ну мы же уже вроде как закончили, а эта песня… ну пусть пойдёт бонусом! Воспринимай её, как игру со зрителями, — уговаривала я.

— Ты уверена? — он пытливо взглянул в мои глаза.

— Да! Мы ничего не теряем. Пойми, Пашунь, мне это сейчас нужно! — вцепившись в рукав, умоляла я.

— Хорошо. Пойду позову Макса.

Он ушёл, пару раз растерянно оглянувшись — а вдруг

передумаю? Я же повернулась к администратору, вопросительно воззрилась на него.

— Конечно-конечно! — радостно воскликнул он, — импровизация — это здорово! Как объявить песню?

— Можно я сама объявлю?

— Разумеется! — он был сама любезность, предвкушая незапланированный сюрприз, каким бы по качеству ни оказался, — сейчас конферансье объяснит про импровизацию… и можно выходить.

— Я готова.

Ступив на сцену, я послала лёгкую ободряющую улыбку Максу, в удивлении напряжённо застывшему за синтезатором, мысленно заручилась поддержкой хранителей и обратилась к залу:

— Друзья! Сегодня вы прослушали почти весь мой репертуар из запланированного.

Но, уже собираясь уходить, я поняла, что это не всё. Внутри возникла и заиграла новая песня, действительно, самая новая, на неё ещё даже нет музыки. Если вы не будете против, то хочу сделать вам подарок и исполнить её. А вы станете свидетелями рождения мелодии на эту песню. Ну, как?

Зал единогласно ответил согласием.

— Отлично, — я облизала пересохшие губы, всё внутри меня горело, песня, пока ещё возникшая лишь четверостишием, рвалась наружу, — я хочу посвятить эту песню двоим моим друзьям, находящимся тут, Виолетте и Сергею! Они любят друг друга и их любовь — то, что воистину длится сквозь вечность, соединяет души через множество жизней и ведёт двух людей друг к другу. Ещё Гёте сказал: «Счастье душа познаёт лишь любя…». Песня так и называется — «Святая любовь».

Я сделала шаг ближе к краю и, крепче сжав микрофон, запела.

«У нас есть два крыла
Они даны нам на двоих
Сквозь вечность я ждала
Когда придёшь примерить их.
Сквозь вечность ты искал
Дороги к дому моему,
Мой взгляд в толпе узнал
Поверила я твоему…»

С первого звука, с первых слов я вдруг словно унеслась куда-то и не услышала даже, как Макс почти сразу начал наигрывать

мелодию. Я пела Сергею и Виолетте, но видела себя сейчас там, в Лесу, на нашем с Волей местечке. Я видела любимого, ощущала его руки в своих и пела ЕМУ.

«Этот мир — колыбель нашей светлой любви,
кружат ангелы солнце, нам звёзды поют,
Делай шаг и не бойся, скорее лети,
Я тебя похвачу, видишь крылья, я тут…
Наши бьются сердца, запылали огнём,
Белый замок творю из прекрасной мечты,
На рассвете мы встретимся, вместе войдём
В наш закатный чертог у последней черты…»

Я больше не чувствовала своего тела, находясь словно в двух реальностях одновременно и музыка лилась сквозь пространство, и Волька слышал сейчас её и меня. И держал мои ладони. А слёзы счастья бежали по его щекам.

«Дрожит твоя ладонь,
Мою боится потерять,
И рвётся сладкий стон:
«Ну вот и встретились опять…»
У бездны на краю
Расправив наши два крыла
Я прошепчу: «люблю…»
Любовь нас сквозь века свела…»

Дозвучала последняя нотка, стих заключительный аккорд и воцарилась абсолютная, ничем не прерываемая, тишина.

И в этой тишине я слышала биение сердец всех присутствующих, всеобщее потрясение на грани экстаза. Люди застыли, находясь сейчас внутри самих себя, внутри своей любви, каждый думал о своём, переживал невероятное томление и стремление обрести ЛЮБОВЬ. Ту самую, к которой подсознательно стремится каждая душа…

Я ушла со сцены, не дожидаясь аплодисментов, дороже всего сейчас была вот именно ЭТА тишина.

Понимая моё состояние, Паша, не говоря ни слова, тихонько вывел под руку через чёрный вход и поймал такси. Втайне от всех мы улизнули домой. Никаких сейчас моральных и физических сил что-то говорить, обсуждать и с кем-либо общаться.

Дома едва смогла принять душ и доползти до кровати. Знала, что завтра буду невероятно энергична и наполнена силами, а

сейчас… сейчас меня ждали Воля и Тёмный Лес.

ГЛАВА 9

Удивительно, но на этом раз у меня получилось перенестись не как обычно — на опушку возле кромки Леса, а прямиком на наше с Волькой место. Светлый Лес звучал, переливался многоголосьем — разгар дня в Школе, приглушённый шум доносился даже сюда, в отдалённую его часть.

Воля сидел спиной ко мне, уткнув лицо в колени. Я подошла, стараясь двигаться бесшумно, легко провела рукой по его спине. Любимый медленно обернулся, на щеках виднелись дорожки от слёз.

— Алишик… — только и смог выдохнуть он и молниеносно сграбастал меня в объятья, — спасибо! Это было…эта песня…я вспомнил! Я знаю, мы друг для друга…

А у меня на душе вдруг воцарились такое тепло, такое спокойствие. Словно вот только сейчас мы по-настоящему воссоединились.

— Знаешь, — проговорил он, отстраняясь, чтоб посмотреть мне в глаза, — а я ведь все эти годы, всю жизнь, метался. И не мог понять — почему ни с кем не получается близких отношений, таких, родных. И только сейчас открылись глаза.

Или не глаза, а душа… да, скорее всего, то, что я увидел — увидел душой или сердцем. Ты ведь знала обо всём, да?

— Да.

— Почему же мне не рассказала? — он улыбнулся.

— А ты бы поверил?

— Не знаю, — пожал плечами, — ты права, я должен был сам почувствовать. Я ведь даже не верил раньше во множество перевоплощений, в жизнь после смерти. А сейчас как-то вдруг поверил, потому что сам вспомнил. Извини, родная моя, всё о себе, да о себе. Как прошёл концерт?

Он вытер с лица остатки слёз и тепло улыбнулся.

— Я ведь совсем не планировала этой песни, понимаешь, пела и слова рождались прямо за секунду, — решительно поднялась на ноги и потянула за собой Вольку, — всё, пойдём, у нас не так много времени.

— Куда?!

— Ты уже забыл? В Тёмный Лес.

— Алиш… я просто сейчас настолько потрясён, что у меня из головы не идёт. И думать ни о чём другом не могу, я так по тебе соскучился… Даже не представлял — как! Давай сегодня побудем только вдвоём, здесь, поговорим…

— Воленька, — я взмолилась, — там, в реальности всё так

завертелось, что нужно поспешить…

И рассказала ему о звонках похитителя.

Мой любимый призадумался.

— Да, у меня есть тоже весьма необычные новости! Алишик, я нашёл озеро Забвения!

— Как тебе это удалось?

— Ночью вернулся Алишер, опьянённый и отрешённый, я долго говорил с ним, рассказывал, напоминал о Монике, пока зверёк не закручинился и вновь не почувствовал необходимость в чудо-водичке. Я побежал за ним…

— Ну, ты коварный садист, — усмехнулась я беззлобно.

— А как ещё? Он бы до утра туда не сунулся, а ведь нужны были быстрые результаты.

— Хорошо, рассказывай, что было дальше.

Дальше Волька, ведомый Алишером, углублялся в Лес всё дальше и дальше, пока они не вышли к озеру Забвения. Али жадно устремился на водопой, а Вольдемар осторожно приблизился к кромке изумрудно зелёной, словно со дна бьют к поверхности сразу несколько сероводородных источника, воды. Опасаясь ловушек, о которых предупреждала я, парень осторожно опустил в воду лишь самые кончики пальцев. И в тот же момент его будто пронзил электрический разряд, откинул от воды и на миг лишил сознания.

Очнулся Воля от прикосновений, Али мягко, но настойчиво трогал его рогом и при этом коротко ржал. Первые секунду Волька совершенно ничего не помнил: где он, кто он, что это за существо рядом с ним? Поднявшись, увидел поблизости воду и хотел было умыться, но единорог не подпустил, отталкивал, угрожающе топал копытами. Ничего не оставалось, парень поплёлся за упорно тянущим его куда-то рогатым созданием. И когда уже они удалились настолько, что озеро выпало из поля видимости, память начала понемногу возвращаться. Вспомнил своё имя и то, что рядом идёт единорог Алишер. Вместе они пришли сюда, а потом Али куда-то убежал, оставив Вольку одного. Тот сел на траву и принялся терзаться, по крупицам извлекая события последних дней. Через пару часов картинка сложилась полностью.

Повезло ещё, что окунул только пальцы, а если бы попытался вот так сходу в воду зайти?

Справившись с последствиями ужасного происшествия, парень едва было забеспокоился о том, почему меня до сих пор нет, как вдруг… сначала услышал родной голос, а потом увидел сам образ. Расплывчатый силуэт на фоне деревьев.

Я пела, глядя прямо ему в глаза и слова песни, как и звуки

голоса, что-то потихонечку пробуждали внутри любимого, какие-то смутные ощущения, первобытные, потаённые, из глубины подсознания поднимались образы, воспоминания, но эти воспоминания уже принадлежали не этой жизни. Они кружились хороводом в голове, перед глазами пробегали, словно кадры из разрозненных фильмов, сцены событий, в которых он участвовал непосредственно. Только сейчас видел их со стороны.

А помимо него в этих сценах неоднократно присутствовала и я. Видя это, Воля по-новому взглянул на нашу с ним встречу и переосмыслил отношения, чувства, связывающие нас. Ни на секунду он не усомнился в реальности происходящего.

Песня отзвучала, и мой силуэт исчез, а он всё сидел и сидел, глядя в одну точку, потрясённый, оглушённый. Эмоции переполнялись и выливались в слёзы. Сколько прошло времени, прежде чем я прикоснулась к нему, явившись сюда — он не смог бы сказать. После случившегося у Воли в корне изменился взгляд на многие вещи.

— Но всё равно, в нашу первую встречу я почувствовал, что-то не то! — лукаво улыбнулся Воля, — нас так стремительно друг к другу потянуло, что я понял: теперь нам не расстаться так просто! А ты когда поняла это… вспомнила?

— Я никогда не забывала, искала с самого детства. Когда Серёжа сказал, что познакомит меня с тобой, назвал имя — поняла, что это, вероятно, ты. Ну а когда увидела — сомнений не осталось.

Мы снова нежно обнялись.

— Понимаешь, насколько теперь мне важно тебя вытащить поскорее отсюда? — прошептала я ему на ухо, — не могу рисковать твоим физическим телом… оно нам ещё пригодится!

Мы рассмеялись, легко, как дети, коими по сути сейчас и являлись. Он только что пережил перерождения, я — испытала невероятное облегчение в связи с этим, напряжение наполовину улетучилось.

Взявшись за руки, пошли по Лесу к домику Карамура.

— Догадка оказалась верной, — начала я подводить итоги, — озеро Забвения тоже закрыто — от тебя, по крайней мере. Решись ты сразу нырнуть туда целиком — неизвестно, что произошло бы. Возможно, и очутился бы где-то в другом месте, но с совершенно чистой памятью. Стефану этот факт играл на руку как нельзя лучше.

Он бы, возможно, даже вернул тебя назад, в реальность. И — прямиком в дурку!

Сказанные мною же слова вдруг вызвали у меня смутные ассоциации с чем-то знакомым, но сейчас было не до того, в

размышлениях не хотелось уходить от основной темы.

— Теперь мне остаётся выяснить — что там с Мёртвым озером? Сама, конечно, не сунусь, но вельву Лину навестить стоит.

Мы осторожно обогнули дом профессора. Дальше начиналась территория, на которой в любой момент можно столкнуться с кем-то из учеников или даже Учителей. А в разгар учебного дня это было бы небезопасно. И тут Вольке пришла в голову гениальная идея:

— А что если тебе… поменять виртуальный образ!

— Как? — я только смутно догадывалась, о чём он говорит.

— Как Воины его меняют для боя. Стать кем-то другим! Тогда мы спокойно можем бродить в любом месте. Многие ученики, хоть меня и не помнят, но видели тут и ко мне вопросов не возникнет, а вот ты…

— И какой же я должна стать, чтоб вопросов не возникло на мой счёт? — усмехнулась хитро.

— Ну-у-у… не знаю, — растерялся он, — да и получится ли? Ты же не Воин и не пробовала, наверное…

Он осёкся, когда увидел, что вместо меня перед глазами возникла… Алия.

— Нет-нет! — замахал руками, зашипел парень, судорожно оглядываясь по сторонам, — только не Алия! Ты бы ещё Стефаном прикинулась!

— Видишь, вроде бы у меня получается. А Стефаном не могу, я его не видела настолько хорошо, — я пожала плечами и жеманно прогулялась по дорожке, копируя походку заведующей.

— Могу передать тебе телепатически «фото», — буркнул Воля, наблюдая обратное перевоплощение.

— О! А может вот так? — и я стала Самантой.

— Алик! Уймись! — Волька закипел, и я расхохоталась.

— Ладно, ладно. Идея не лучшая, пусть пока всё останется как и было. Идём.

Просто буду прощупывать территорию, чтоб случайно ни с кем не столкнуться, а ты меня веди к границе. Если я хорошенько сосредоточусь, могу начать спотыкаться на каждом шагу, так что твоей заботой станет — довести любимую в целости и сохранности, договорились?

До границы с Тёмным Лесом мы добрались довольно быстро, даже снующие по Лесу существа не обращали на нас внимания, занятые своими делами. Я погрузилась в ощущения, а потом растворилась в Лесу настолько хорошо, что не ощущала больше ничего, зато вся территория Светлого отделения — как на ладони. Видела, где идут тренировочные бои, где движутся по

тропинкам отдельные ученики…все они находились довольно далеко от нас.

И вот, наконец, Волька потеребил меня за плечо, возвращая в себя, указал на серую, непроницаемую, слегка колышущуюся стену тьмы.

— Ого… — я представляла себе, конечно, но чтоб настолько жутко. Оттуда явственно веяло холодом и угрозой.

— Всё ещё хочешь туда пойти? Неужели нельзя найти другой…

— Тссс!

Я шагнула вперёд и… упёрлась ладонями в невидимую преграду.

— Что? — удивился Воля, — тебя тоже не пускает?

— Не только меня. Похоже, границе закрыта для все, кроме, возможно, Учителей. Да уж, конкретные меры защиты.

— Облом, конечно, — Волька задумался, я тоже, — но не может быть, чтоб не было лазейки…

Мы присели на искривлённый ствол дерева, стелящийся над самой землёй. Откуда-то издалека приглушённым отзвуком долетали голоса — занятия в самом разгаре.

— Воля… где тут у вас есть качели? — вдруг неожиданно для самой себя, спросила я.

— Качели… — он размышлял пару секунд, — ну, конечно! Знаю!

— Туда! — я вскочила.

Двигались мы вдоль самой границы, подальше от полян, где занимались Светлые.

Пару раз наткнулись на смешных человечков, про который Волька сказал, что это ламиньяки, и даже не стал отвечать на их приветствия, пояснил, что общение с ними может боком выйти. Я ничего не поняла, но последовала примеру. Постепенно Лес начал редеть, и мы выбрались на опушку.

А ещё через несколько шагов опушка начала понижаться и, уже спускаясь по склону, я увидела реку.

От вида мерно текущей воды охватило невесомое ощущение умиротворения, гармонии, расслабленности.

— Вон там, видишь? — кивнул Волька, и я разглядела у самой воды, под пышно раскинувшейся кроной дерева, водопад ветвей, свисавших почти до земли наподобие балдахина, укрывающих широкие двухместные качели.

— Здорово… — только и смогла прошептать.

Здесь веяло невероятной романтикой, любовные флюиды просто источались этим местом, немало влюблённых парочек приходило сюда, в уединении насладиться друг другом, полетать,

держась за руки, над самой водой… И Волька тоже бывал тут, с Самантой, разумеется. Посмотрела искоса, парень смущённо потупился. Ладно, не стану говорить о том, что знаю, прошлое есть прошлое.

— Покачаемся? — предложил Воля, ещё больше краснея.

— Обязательно. Но не сейчас, — мило улыбнулась в ответ, присаживаясь прямо на траву у подножия дерева и, увлекая его следом, — что-то другое здесь должно быть… но что?

Над головой пронеслась огромная тень. «Семицветик» — вспомнила я, увидев самого настоящего, живого дракона, нарезавшего круги над Лесом. Зачаровано смотрела: он парил настолько низко, что казалось — вот-вот коснётся макушек деревьев, ветер от взмахов его крыльев достигал даже нас, щекотал траву. А в один момент и вовсе не удержалась от восхищённого возгласа: следом за ним в поле видимости попали ещё два дракона. Чуть поменьше и выглядели они… сравнительно молодыми, что ли.

Не детёныши, как мне показалось, когда увидела их впервые на значительной высоте, а более взрослые особи, хотя дурачились и играли между собой они в воздухе весьма бесшабашно.

— Первые, разноцветный, это Семицветик, — пояснил Волька, проследив мой взгляд, — а следом — его сыновья: Цефей и Персей. Если честно, не различаю, какой есть кто. Им уже почти год! В этом возрасте растут в размерах довольно быстро, но ум за телом не поспевает и получаются такие вот великовозрастные дети.

Цефей (возможно) нагонял Персея (видимо) и ловко покусывал в полёте за хвост, тот, в свою очередь, уходил в «пике», подныривал под брюхо брата и резко шёл вверх на таран. На их забавные игры можно было любоваться часами.

— А мамочка их, Кассиопея, сейчас занята, недавно вылупились новые детишки, отлучиться от гнезда невозможно, — продолжал знакомить Волька, — из всех местных существ драконы всегда интересовали меня больше других.

ГЛАВА 10

Я же продолжала заворожено наблюдать, как они то уходят за пределы видимости, паря над Лесами, то появляются вновь. Папаша скрупулёзно и ответственно «выгуливал» сыновей.

А потом, в какой-то момент драконы, выстроившейся в шеренгу троицей, вдруг появились над рекой и дружно пошли на снижение. Ветер, поднятый их крыльями, бурно разворошил ветви дерева, под которым мы сидели.

Драконья семья спустилась на берег неподалёку, волоча за собой по земле кожаные крылья, устремилась к воде. Устали, захотели пить… Один из драконят был целиком в отца — такой же разноцветный, другой же — буро-зелёного цвета, видимо в маму.

— Воля… — вдруг задумчиво проговорила я, наблюдая, как летуны жадно фыркая втягивают и глотают воду, — а для них ведь границ не существует, так? Они могут свободно передвигаться над любым лесом?

— Так, — медленно соображал Волька, — Алиш… ты чего задумала?

— Вернуться в реальность и оттуда стартовать сразу в Тёмный Лес я не могу. Для первого раза нужно, чтоб кто-то оттуда позвал меня, иначе рискую попасть не в самое удобное там место. Или не там. А вот драконы…

— Шутишь? — Волька аж привстал, докумекав.

— Не шучу, — хотя от своей же смелой мысли пробежала меж лопаток дрожь.

Я не до конца понимала, как смогу осуществить задумку, но знала точно, что это единственная возможность. Нужно спешить, пока они не поднялись в воздух.

— И я отправлюсь одна, Воль. Боюсь, что назад тем же путём вернуться не получится, разве что сразу в реальность, потому тебе лучше остаться. Ты ведь не хочешь застрять в Тёмном Лесу?

Воля от изумления не знал, что сказать.

— Надо идти, — я вскочила, — прости, что не прощаюсь, план спонтанный, сам понимаешь, время поджимает. Завтра поговорим!

Я медленно пошла к драконам, а сердце обмирало с каждым шагом. Одно дело смотреть фильмы с этими фантастическими существами, читать книги и сопереживать вместе с героями их волнение, и совсем другое — видеть эти громадины в непосредственной близости и сознавать, что сейчас придётся самой идти на контакт.

С трудом представляла, что получится из этого, но раздумывать времени не было.

Потому что папаша-Семицветик уже напился и шумно разминал крылья.

— Алиша! — крикнул вслед Вольдемар, — удачи!

— Спасибо, — прошептала я, зная, что он слышит, — до завтра, любимый.

Приблизилась уже на расстояние всего в несколько шагов, когда ближайший ко мне, буро-зелёный, дракончик обернулся. Вблизи он напоминал по размерам примерно огромную фуру, хвост волочился на длину почти ещё одного туловища. Весь подрагивал, бока мерно перекатывались.

Я мысленно отгоняла страх, но тело предательски заколотил озноб. Уговаривала себя, что нет никакой опасности для жизни, максимум — вылечу в физическое тело и всё. Но первобытный, где-то глубоко внутри, ужас коварной змеёй выползал на поверхность. Вот уж не думала, что могу так бояться.

Буро-зелёный увидел меня и вытянул шею в мою сторону, изогнув её под немыслимым углом, лениво прищурился. Хвост спокойно лежал на земле и лишь едва пошевеливался. Дракончик оставался спокоен, если расценивать его поведение, сравнивая с…кошачьим, например, и это определённо внушало оптимизм и надежду на благоприятный исход. Страх значительно уменьшился.

Я приблизилась вплотную к морде размером с крупную корову, медленно подняла руку и коснулась фыркающего носа. На меня дохнуло горячим воздухом. Запоздало подумала — а не изрыгнёт ли он пламя? Было бы некстати сейчас, когда я почти расслабилась. Дракончик же вёл себя спокойно и довольно дружелюбно, словно каждый день вот так близко контактировал с людьми. Хотя, кто знает, можно и так.

Семицветик лишь мельком взглянул в нашу сторону и побрёл прочь вдоль реки, набирая скорость для взлёта. Радужный его сын глянул вслед отцу и, нехотя оторвавшись от воды, двинулся следом. Не дожидаясь, пока мой дракон возьмёт с них пример, я ещё раз погладила его по мордочке и тихо проговорила:

— Хороший такой, замечательный. Друг, помоги мне, а?

И решительно ухватившись за изгиб лапы, порадовавшись тому, что кожа его не скользит, нахально полезла наверх, прямиком на спину, каждую секунду ожидая, что меня откинут прочь. Это оказалось намного проще, чем представлялось и через пару-тройку секунд я уже сидела на спине, точнее, лежала, прижавшись грудью к тёплому, сокращающемуся телу. Было не слишком удобно, но выбирать не приходилось.

Дракон вопросительно фыркнул и встрепенулся осторожно всем телом, выпрастывая и расправляя крылья. Я прижалась ещё крепче и, рискнув посмотреть вниз, кинула взгляд в сторону Вольки. От высоты, которую я недооценила, мгновенно закружилась голова, возникло стойкое ощущение нереальности происходящего, словно я во сне (в принципе, практически, так оно и было), от которого захотелось проснуться.

Волька стоял столбом, но весь его вид выражал крайнее напряжение. Послала ему из последних душевных сил волну тепла и отвернулась, сосредоточившись на тем, кто подо мной.

А дракон напрягся, из мягкой глыбы превратившись в каменную, и двинулся вслед за родственниками, мне приходилось держаться очень крепко, чтоб не соскользнуть, спина ходила буграми, я перекатывалась из стороны в сторону.

Машинально и запоздало попыталась наладить телепатический контакт с существом.

«Миленький, давай пока не будем играться, а просто полетим? К маме, например, в Тёмный Лес. Ну, помоги мне, очень прошу!»

Я только сейчас осознала, что не продумала, как прилететь и сесть туда, куда мне необходимо. Управлять драконом может и возможно, но я не владею этим умением…

Честно говоря, это всё равно, что сесть за штурвал вертолёта, не зная совершенно, как им пользоваться, а взлететь при этом по чистой случайности. Я вздрогнула от удара грудью: мой «вертолёт» резко взлетел. Земля внизу стремительно удалялась. Краем глаза увидела летящих поодаль брата и отца моего дракончика.

И принялась молиться, теперь уже невидимым хранителям, о том, чтоб посодействовали безопасному маршруту. И, видимо, то ли молитва достигла цели, то ли после водопоя утомлённые от игр драконы игр чинно возвращались домой — но летели мы спокойно, без виражей, в сторону Тёмного леса, и в какой-то момент я увидела, как внизу возникла чёрная, непроглядная масса жутких деревьев.

Ветер шумел в ушах, трепал волосы, потоки воздуха от мерно машущих крыльев, раскачивали меня, вдруг ставшую невесомой, укачивали. Я мечтала лишь об одном — поскорее сесть.

В миг, когда осознала, что Семицветик уже не летит с нами, видимо, остался кружить над родным Лесом, братья пошли на снижение. Плавно и аккуратно. Я едва не прослезилась от ветра или, скорее, радости, что скоро всё закончится, и совершить перелёт оказалось так легко!

Долгие секунды, показавшиеся вечностью, истекли и деревья

внизу галантно расступились. Дракончики садились на небольшую поляну. А в стороне — я сразу его узнала — поблёскивало стальной поверхностью Мёртвое озеро!

Не смогла сдержать ликующего восклицания.

Посадка прошла гораздо труднее, чем взлёт, мой серо-бурый споткнулся на бегу, сделав лишь пару шагов по земле и неожиданно завалился вбок. Я едва не сорвалась, вцепившись изо всех сил, но в последнюю секунду крылатый удержал равновесие, махнув левым крылом. А потом аккуратно лёг на землю и повернул шею, выискивая меня взглядом, шумно дыхнул в лицо, осторожно подтолкнул носом, мол, слазь давай, покаталась и хватит.

Сползла на подгибающихся ногах, голова кружилась от резкого приземления, но где-то в груди бурлила радость — всё позади!

— Спасибо, дружок! — благодарно погладила дракона по вздымающемуся боку.

Откуда-то спереди раздался утробный рык, братец звал братца. Мой моментально повернул туда голову, отозвался так оглушающе, что чёрная листва на деревьях затрепетала, и поковылял на зов. Там, на другом конце поляны, деревья всё же немного расступались, образовывая проход вроде коридора, куда протиснулся мой друг и помощник, махнул на прощанье хвостом и исчез во тьме Леса. Выше деревьев в той стороне что-то возвышалось, тёмный расплывчатый силуэт на фоне неба, позволял сделать вывод, что дальше за Лесом есть скалы, где, видимо, обитают молодые драконы вместе с матерью. Здесь же, на открытой местности, было несколько светлее от звёзд, усыпавших небо. Да ещё немного света давало сияние, исходящее из глубин водоёма-портала.

Спохватившись, я повернулась к Мёртвому озеру, сделала несколько шагов и остановилась, внезапно задохнувшись. Закрыла глаза, сосредоточилась…

Озеро зияло, словно одна огромная дыра. Тоннель, ведущий куда-то, проход. Ничего живого в нём не было, несмотря на то, что абсолютно ровная поверхность озера, зеркальная и непроницаемая, пульсировала изнутри серебристыми искорками.

Подумав о предназначении озера, я поняла, что проход не закрыт в данный момент.

Нырнув туда, я окажусь точно там же, где и Волька в своё время. И даже машинально сделала ещё шаг по направлению к дощатому пирсу, но остановилась.

Сердце гулко колотилось где-то в горле: нет, нельзя спешить! Можно было бы допустить, что, перекрыв Вольке путь в Тёмный

Лес, Учителя посчитали ненужным закрывать проход к настройкам Школы, но допустить это мог бы кто угодно, только не я. Я полагаюсь на ощущения и интуицию, а они говорят, нет, даже вопят, о том, что передо мной приветливо распахнута ловушка.

Медленно побрела вокруг озера, к каменной насыпи с другой его стороны, анализируя, прощупывая. Вход есть, но в один конец, потому что там ждёт вовсе не то, что ожидаю. Вдогонку за мной никто не кинется, только Воля знает, где я. А рисковать им не имею права.

Что-то неясное будоражило, изнутри рвалось наружу, притягивало взгляд. Пошла глубже. Да! Там, среди камней, ответ на вопросы. Там кто-то есть. Подняла голову и пошла, а затем и побежала к насыпи. Прощупывая взглядом камешек за камушком, определила, где таится цель. Она окликнула меня, когда я карабкалась по валунам.

— Я здесь, Алиша!

Из-за верхней, округлой глыбы махала тоненькой рукой девушка, больше похожая на призрак, которая — я это ощутила точно — совершенно не являлась человеческой сущностью, она, скорее, была частью этого Леса, местным существом. Ну, конечно же, это и есть вельва Лина!

— Привет, — улыбнулась она, повела рукой, — садись.

Мы уселись за валуном, скрывшим от нас панораму озера.

— Ты всё знаешь, ведь так?

— Да, ты почти тоже, — засмеялась Лина, а я немного поёжилась под взглядом её почти белых, бесцветных глаз.

— Тогда не тайна для тебя, зачем я тут?

— Конечно, нет. Это тайна для тебя самой, — она звонко рассмеялась.

— Да уж, — кивнула я, машинально улыбаясь в ответ, — пробраться получилось, а всё оказалось впустую.

— Почему тогда не уходишь? — вельва подтянула колени к груди и натянула на них юбку лёгкого сарафанчика, смотрела лукаво.

— Потому что хочу поговорить с тобой. Ты отвечаешь на вопросы всем и охотно, не так ли? — пошла я ва-банк.

— Почти, — кивнула Лина, — если человек правильно формулирует вопросы и не пытается ответы трактовать иначе, чем сказано буквально.

— Ладно, тогда я начну? — никак не удавалось ощутить непринуждённость дружеской беседы, словно я намеренно пришла использовать вельву в своих целях. Однако, едва вспомнилось отчего нахожусь тут, сомнения пропали, — ты

знаешь, что Вольдемар в беде?

— Может быть наоборот, избегает беды? Как посмотреть…

Я рассердилась: и это называется отвечать прямо и буквально? Вопросом на вопрос…

— Давай посмотрим с той стороны, что ты видишь. Какой беды избегает Воля, будучи здесь насильно?

— Когда-то, перед тем, как нырнуть в Мёртвое озеро, я дала ему совет-предупреждение. Он пришёл ко мне с девочкой из Тёмных, Виолеттой, и я предупредила, что всё будет хорошо, если после возвращения из озера в реальность он больше с ней не увидится, — мелодично повествовала Лина, — не поедет в её город. Это была сильная линия развития событий, пойди Вольдемар по ней, всё пошло бы иначе. И жизнь его не была бы сейчас в опасности.

— То есть?

— Всё очень зыбко в настоящий момент, — Лина полуприкрыла глаза, став на мгновение более похожей на человека, но затем вновь распахнула их и глянула в мои так, что просто окатило жаром, — реальность творится буквально лишь на минуту вперёд. И никто не сможет предсказать, чем обернётся завтрашний день.

— Я могу!

— Иллюзия… — вельва улыбнулась так, как улыбается мать, глядя, как трёхлетний её малыш пытается зашнуровать ботинки, уверяя: «я сам!», — ведь пребываешь в замешательстве. Хотя в одном ты права — сейчас всё в большей степени зависит именно от твоих действий.

— И сама это знаю, — разочарование нахлынуло холодной волной.

— Не спеши падать духом, — покачала головой вельва, — есть одна линия, наиболее вероятная. И если ты пройдёшь именно по ней, изменится вся твоя жизнь! Не только Вольдемара, но и твоя.

— Они изменятся в любом случае, — пожала я плечами.

— Готова ли ты взять на себя большую ответственность?

— Разве я не несу её каждый день?

— Я говорю о действительно БОЛЬШОЙ, великой ответственности, — вельва испытующе смотрела прямо мне в глаза, — да, ты даёшь многое людям своими песнями, но есть в тебе и нечто иное, что, высвободившись, даст миру гораздо больше. Однако, тогда к старому не будет возврата…

Я помолчала, пытаясь осмыслить.

— Лина, я не верю в такую категоричность.

— Твоё право.

— Воля сейчас в опасности, сказала ты, от кого исходит она?

— От тебя.

До боли закусив губу, слушала дальше.

— Если в ближайшее время вы с друзьями уедете домой, Вольдемар вернётся и, возможно, позже найдёт тебя. Жизнь потечёт спокойная, размеренная, стабильная, каждый — при своём деле и все счастливы. Если же ты пойдёшь прежним путём, то возможно и получится спасти возлюбленного, но назад пути уже не будет. Слишком многое обрушится на ваши плечи и выбора у вас уже не будет.

— Я не уеду, — возразила уверенно, — скажи мне, Лина, одно: Волю похитил Стефан?

— Ты совсем не туда пошла, — разочарованно покачала она головой, — идёшь прямиком к тому месту, где нити реальности спутаны в огромный узел. А сможешь ли развязать такое, что невозможно разрубить?

— Попытаюсь.

— Здесь попытки не засчитываются, только результат.

В голосе Лины звучала горечь.

— Можно я напоследок напророчу тебе лично? — эта фраза дала ясно понять, что вельва прощается со мной. Молча кивнула.

— Не делай выводы раньше, чем не будешь уверена. Не ищи там, где слишком явно.

Всё у тебя под носом, присмотрись к окружению, потому что тебя действительно уже окружили. Отключай логику и действуй лишь на голой интуиции. Очень скоро, если тебе удастся вытащить Вольдемара своими силами, это место станет частью тебя самой, а со мной ты сможешь видеться гораздо чаще!

Она снова звонко, с лёгкой хрипотцой, рассмеялась.

— Хочешь сказать, что я стану ученицей? — вдруг пришло в голову.

— Нет, не станешь, — казалось, мой вопрос от души позабавил Лину, — подумать только, неужели это случится?!

Я совсем не понимала, отчего она так потешается, прежде чем догадалась, наконец, отключить логику и разум. И в тот же миг увидела в глазах собеседницы огромное уважение и даже одобрение. А, увидев, сразу поняла, что не нужно мне ничего «по старому», есть что-то новое, к чему действительно стоит стремиться. И вельва вовсе не отговаривала, а попросту проверяла.

— Спасибо тебе, — пробормотала, вставая.

— Удачи, Алиша!

Карабкаясь по камням вниз, я обдумывала всё услышанное и боялась поверить в то, догадка о чём рождалась в голове. Не ум

подсказывал сейчас, а именно интуиция.

Но это было бы слишком невероятно, сейчас я не позволяла себе верить в подобное, ощущая в нём больше фантастичности, нежели истины. Время покажет, куда приведёт путь, выбранный мной самой.

Шла вдоль озера, не таясь, зная, что поблизости больше никого нет и врасплох меня не застать. Шла и думала: каким будет следующий шаг. Он должен стать решающим, одним из важнейших, хотя в подобном пути каждый сантиметр имеет особое значение.

Лес вокруг странным образом притих, словно прислушиваясь к моим мыслям, пытаясь их прочитать. Столь пристальное внимание удивило, но не насторожило. Это место было совсем не властно надо мной и не могло навредить. Подобное ощущение посещало и в Светлом Лесу, но там и неудивительно — светлое, открытое пространство всем своим единым целым существом вызывало чувство восторга, доверия и беззаботности. А тут же, когда по идее надо мной должна нависать невидимая угроза, ничего подобного нет.

И это замечательно, потому что я уже очень устала и остаётся лишь вернуться домой и выспаться перед пробуждением. Что незамедлительно и проделала, кинув последний скептический взгляд на стальную поверхность Мёртвого озера.

ГЛАВА 11

Утреннее пробуждение ознаменовалось громким шёпотом за дверью, в коридоре, судя по голосам, яростно переругивались Паша и Макс.

Часы показывали половину девятого утра и я, зевнув, потянулась и вылезла из-под одеяла. Пока одевалась, ситуация прояснилась: мальчики спорили на тему аранжировки вчерашнего моего экспромта. Почему же не у себя в комнате, если она пустует сейчас: Славик давно восседает на рабочем месте, рядом с Сергеем?

— Ребята, в чём проблема? — поинтересовалась по дороге в душ.

— А то не знаешь… — пробормотал уныло Павел.

— Да Бог с ней, с музыкой, вернёмся в Питер — там закончите. Всё равно я больше не буду её здесь исполнять, вчера она была необходима, но теперь до записи фонограммы уйдёт пока в тень.

— Шутишь? Это же бомба просто?! — изумился Макс, — али мы не хотели столицу-матушку поразить? Тебе удалось, но нельзя останавливаться на достигнутом.

— У меня что другие песни хуже? — возмутилась я, а потом снизила тон и заговорщически прошептала, — мальчики, закроем тему. На повестке дня гораздо более значительное событие. У Виолетты завтра день рождения, понимаете, куда клоню?

— Хочешь устроить праздник? — понял Паша.

— Да, Пашунь, хочу, непременно. Но виновнице торжества ни слова! Всё, я в душ, у меня много дел.

— А наша роль какова, сударыня? — воскликнул вслед Макс.

— Ты же помнишь, что завтра у меня концерт, кажется в литературном ресторане?

Вот там и отметим. Милый Максик, позаботься о том, чтобы всем друзьям хватило места. И ещё двоих приплюсуй, завтра подъедут.

— Ого… ага… — прикинул предприимчивый мой друг.

Паша молча наблюдал за распоряжениями, потом негромко добавил:

— Кто приедет? Покумекаю с размещением и заодно — займусь подарками.

— Мальчик и девочка, — кивнула я, — займись, пожалуйста, Пашунь, буду весьма признательна! А сегодня у меня будут дела в городе и, вероятно, вернусь только вечером.

Проницательный Паша нахмурился, но не сказал ни слова.

Молодец, он тонко чувствовал, где не нужно задавать вопросов, потому что ответ я и сама, порой, не знала. Вот и сейчас: просто ощущала, что надо бы бесцельно прошвырнуться по городу.

— А чего это мы тут шепчемся? — хихикнула Вилка, выглядывая из кухни, — раз уж завтракаем сегодня вразнобой, то добро пожаловать опоздавшим засоням, а то мне нужно будет уйти попозже, тут, недалеко…

— Летик, спасибо, беги прямо сейчас, а на кухне мы сами похозяйничаем, — я улыбнулась ослепительно, а потом шагнула к ней и уже на самое ухо тихо шепнула, — только действительно не уходи далеко. Мы все в одинаковом осадном положении.

Вилка понятливо кивнула и прошмыгнула в комнату.

Наскоро перекусив, я отправилась в комнату переодеваться, и в процессе ощутила странный, нарастающий зуд во всём теле. Словно мне предстояло узнать что-то очень важное, пережить какое-то необычайное событие. Не в силах с этим бороться или игнорировать, присела на краешек кровати и послушно закрыла глаза.

Единственное, что смогла узнать: предстоит встреча с каким-то человеком, которая станет определяющей. И всё. Остальная информация осталась недоступной. Таких частых неудач с видением ещё не случалось, видимо сказалась моя заинтересованность и волнение этих дней, не позволяющие расслабиться и оставаться безучастной. А может что-то ещё…

Ладно, встреча так встреча, как говорится, чему быть того… миновать не станем пытаться, потому что, собственно, не знаем чётко, куда идти. Ночной разговор с вельвой сбил с толку и отмёл весь предыдущий план.

Вид за окошком пятничной Москвы порадовал неимоверно, ибо за ночь невесомой пелеринкой землю покрыл снег, а термометр показывал приятный лёгкий морозец, гарантирующий гололед после вчерашней оттепели с дождём — всё же лучше, чем грязь и лужи. Интересно, как там в Питере? Так же погодка куражится?

Отложив сапожки на каблуках, выбрала ботинки на сплошной платформе и дублёнку.

Кто его знает, насколько затянется гуляние, чтобы наверняка не замёрзнуть.

Одеваясь, ощущала себя немного глупо: вот сейчас пойду туда, не знаю куда и для чего?

Но что-то влекло всё сильнее и сильнее, тянуло прочь из дома. И опасности я не ощущала ни малейшей, напротив — сильное любопытство, возбуждение в предчувствии тайны, которая раскроется, вероятно. Неужели я приближусь ещё на шаг

к местонахождению Воленьки?

Паша порывался пойти со мной, тревожность его излучалась всей фигурой, делая друга похожим на бойцовую собаку, почуявшую опасность, но я лёгким прикосновением потушила душевные переживания за меня, успокоила. Заглянув на миг к Серёже, порадовалась, застав картину — там было всё стабильно: пара погружённых с головой в работу над судьбоносной газетой парней — и мысленно дала себе слово, что оправдаю ожидания ребят, возложенные на меня в связи в пропажей Вольдемара. Сергей только доложил, что после обеда они вместе с Пашей поедут в ресторан, готовить сюрприз на завтра, и снова углубился в дела.

Из подъезда вышла с совершенно пустой от мыслей головой. Пока спускалась по ступенькам, пела про себя мантры, стараясь очистить сознание от раздумий и логических размышлений по поводу цели прогулки, потому что знала, что ноги понесут туда, куда надо. Ощущая теплоту и незримую поддержку помощников, преисполнилась уверенности, что всё идёт наилучшим образом.

— Скоро, Воленька, совсем скоро…

Завернула за угол и побрела по замёрзшему, обледенелому тротуару под пасмурным небом. Я не отмечала названий улиц, не читала вывески, сконцентрировавшись на образе любимого, погрузившись в медитативное состояние и лишь краем сознания отслеживая землю под ногами, дабы не поскользнуться. Солнышко не стремилось обогреть людей, вовсю спешащих по своим делам, в отличие от меня, бредущей еле-еле. Небо, затянутое хмурым покрывалом серых туч не имело прорех, словно говоря всем своим видом: весна вам померещилась, наивные, готовьтесь к очередной зимней атаке. Однако снегопада не было, изредка срывающиеся белые мушки скорее посетили город ночью и теперь лишь падали с деревьев и крыш, уносимые ветерком, нежели являлись посланниками облачного заслона.

По большим и маленьким московским улицам я бродила около часа, пока усилием воли не вынырнула из забвения, ощутив, что надо бы сделать перерывчик и посидеть где-нибудь в тепле, отогревая замёрзший нос. Огляделась по сторонам в поисках небольшого кафе поблизости, где могла бы это сделать, и в этот самый момент ощутила опасность.

Она обрушилась на меня мгновенно, удушливым колпаком накрыла, пригвоздив к земле, я привалилась к стене какого-то здания, переводя дух и успокаивая сердцебиение. Огляделась судорожно по сторонам, пытаясь отыскать причину реакции всего моего существа на что-то невидимое, угрожающее сейчас очень явно моей жизни. На первый взгляд всё было вполне обычно и

безопасно: люди текли всё таким же размеренным быстрым потоком, ничьё внимание не было направлено в мою сторону.

Однако… я не переставала ощущать, что вот-вот что-то должно произойти, что-то страшное, вот-вот… Как случилось так, что не предугадала происходящего, не почувствовала беды заранее, будучи ещё дома?

И тут, словно какая-то невидимая сила оторвала от стены, метнула меня в сторону, но я нелепо поскользнулась и едва не рухнула на месте. В этот же момент услышала над собой, прямо над головой, странный грохочущий звук. И, падая, ощутила, как что-то большое, безумно тяжёлое, сейчас обрушится мне на голову, раздавит, размажет по тротуару, даже успела уловить смутный образ-очертание несущейся с неба угрозы и панические, испуганные крики со всех сторон, увидела краем глаза, как шарахнулись люди от того места, где нахожусь я… Но не долетела до земли в своём падении, все эти мысли и ощущения пронеслись в доли секунды в голове, а чья-то рука крепко ухватив меня за рукав дублёнки, дёрнула с немыслимой силой в сторону, протащила несколько шагов по льду, удержав на ногах, затащила за угол.

Услышала вздох: «ну, слава Богу!..» и тут же вздрогнула от дикого грохота, сотрясшего воздух. Звон разбитых стёкол и сирены машин, взметнувшаяся из-за поворота снежная пыль, вот что явилось отголоском неведомой мне произошедшей трагедии там, где только что находилась. Но, увы, не хватало сил выглянуть. Они меня внезапно покинули, ноги подогнулись, нащупав стену, прислонилась к ней и, оставаясь на месте, наконец, повернулась к своему спасителю. Мы вздрогнули оба: передо мной стоял тот самый молодой мужчина с хвостиком, с которым уже имела счастье столкнуться на московской улице однажды. Неужто Москва такая маленькая?

— О, рад встрече, — наконец, растерянно прервал он молчание первым и вновь хрипловато бархатные нотки всколыхнули что-то в моей душе.

Глаза незнакомца улыбались, словно старому другу, он, казалось, совершенно не был взбудоражен произошедшим. И вновь его суть осталась для меня тайной.

— Спасибо… — проговорила, испытывая благодарность и лёгкую досаду за свою недальновидность, — Вы мне жизнь спасли. Что там произошло?

И едва задала вопрос, как тут же получила ответ внутри себя. С крыши здания рухнул, оторвавшись от креплений, рекламный щит-вывеска. Таких размеров, что раздолбал две, стоящие у обочины, к счастью пустующие, машины, из прохожих никто не

пострадал. В мозгу пронеслось даже с сарказмом подходящее ситуации название, начертанное на вывеске — «Последний приют». Вероятно магазин ритуальных услуг или погребальное агентство…неважно. Чуть было не обрела этот самый последний приют!

В глазах спасителя, промолчавшего в ответ, я прочла, что он осведомлён о моей информированности, молча разглядывал меня с нескрываемым одобрительным любопытством. Самое время выяснить, что он на самом деле представляет собой.

— Кто Вы? — «в лоб» спросила я.

— Меня зовут Богдан, — спокойно, словно ожидал именно этого ответа, отозвался спаситель, — но, полагаю, совсем не это в данный момент бесконечно интересует Вас, милая Алиша? Однако, осмелюсь предложить продолжить беседу не здесь, а где-нибудь в ближайшем уютном уголке, где подают кофе. Как Вам моё предложение?

Я в упор разглядывала парня и понимала, что не откажусь. Было что-то такое в этом человеке, что подсказывало — из нашего общения можно извлечь обоюдную пользу. Очень сильный, невероятно способный маг — так называют подобных людей те, кто умеет видеть. К тому же маг, осознающий себя прекрасно, практикующий активно. Неужели упущу такую возможность познакомиться? Возможно, это и есть тот самый Шаг, не зря мы сталкиваемся второй раз, да ещё в таких обстоятельствах! Я даже не удивилась вслух, что он знает моё имя.

Богдан терпеливо ждал. Тёмные волосы всё так же стянуты в аккуратный хвост, не выбилось ни одного волоска, словно не он только что тащил меня несколько метров, спасая от полтонны металла. Тёмные глаза, казалось, проникали в самые потаённые уголки моей сути. Я впервые ощутила себя маленькой, совершенно беспомощной девочкой, рядом с ним. Глубину его силы и его способностей я не могла оценить, поскольку этот человек был совершенно закрыт.

— Хорошая мысль, — отозвалась с кокетливой улыбкой, — как раз собиралась сделать это, до того как… Только я совершенно не знаю города.

Богдан улыбнулся легко, оценив кокетство и словно говоря: «можешь не объяснять, для меня это не тайна».

— И… давайте не пойдём туда, — кивнула я за угол, — печальное зрелище.

— Вы правы. Тем более, что пешком идти вообще не придётся — вон там стоит мой «Бентли»

Я проследила за кивком и поразилась: никогда бы не подумала, что он владелец такого автомобиля. Говорят, что о

марке машины можно судить по её владельцу и наоборот. Но эта модель тёмно-вишнёвого двухдверного «Бентли-Континенталь Р», дала понять мне, насколько я далека от ощущения внутреннего мира нового знакомого. Мне он показался обычным, не настолько преуспевающим человеком, скорее я могла бы определить его сферу деятельности довольно чётко — компьютерная область (скорее всего что-то с Сетью Рунета). За это могу ручаться, неуловимые детали в движениях и форма пальцев напоминала Волькины. Скорее всего, скромный программист, сидящий в офисе, замороченный на своей работе… но машина! Рядовой программист не может такую иметь. Насколько могу считать информацию: компания «Бентли» в 2003 году выпустила ограниченное число автомобилей этой модели, в качестве заключительной серии, и тот, что я имею счастье лицезреть — именно из тех 11-ти, что стали эксклюзивными.

Завеса тайны вокруг нового знакомого уплотнялась, но это особо не беспокоило, всему своё время.

Оказавшись в тёплом салоне, я расслабилась и в полной мере только сейчас осознала, ЧТО только что едва не произошло! Внутренняя дрожь ознобом пробежала по всему телу.

Богдан завёл мотор, и машина плавно тронулась от обочины. Негромкий блюз полился из колонок.

— Предлагаю перейти на «ты», — дружеским тоном предложил водитель, — тем более, что у нас есть много общего. Понимаешь, о чём я.

— Понимаю, — кивнула. Кое что прояснилось, — это ведь ты был вчера в «Кельтском диколесье»?

— Не сомневался, что почувствуешь, — голос становился всё теплее, — мы явно подружимся.

— На вопрос о том, кто ты, я ждала не имени.

— Хотя имя тоже говорит о многом. Произнесенное вовремя, — усмехнулся собеседник, — я, посланный Богом к тебе вовремя, разве не так?

— Возможно. Больше ничего не расскажешь о себе?

— Несправедливо, что я обладаю о тебе больше информацией, нежели наоборот, — кивнул Богдан, — мы это исправим. Может быть, поедем ко мне домой?

Я рассмеялась. И Богдан понял всё правильно.

— Тогда вон туда посмотри!

Проследив за его жестом, пока мужчина выруливал на повороте, я разглядела милое небольшое здание, затейливо оформленное, напоминающее детский теремок, и не смогла сдержать улыбки.

— Вижу, нравится, — одобрил Богдан, — там обалденные

пирожные, милая Алиша!

Я же всецело положилась на волю провидения, отдалась ситуации, не препятствуя.

Просто сейчас явно ощущала совершенное спокойствие и умиротворение. Возникла на миг мысль, что это, может быть, результат лёгкого воздействия извне, но даже за ним не стояло никакого негатива.

Зато была твёрдая уверенность в том, что всё происходящее — это действительно серьёзный и важный поворот в моей жизни. И сидящий рядом человек сыграет огромную роль в дальнейшем в ней. Это я прочла без вмешательства в его личное пространство.

Окончательно уверившись в том, что новый знакомый действительно обладает большими способностями и активно пользуется ими, практически уже походя, я испытала скорее облегчение и смутное удовлетворение. Как же изголодалась по общению с себе подобными, с кем не нужно следить за каждым словом — не дай бог выскочит что-то непривычное из сознанию — и стараться изо всех сил казаться нормальной!

Удачно припарковавшись на свободное место прямо у входа, Богдан галантно помог выбраться из машины, щёлкнул брелком сигнализации и повёл меня внутрь.

В кафе, под приятным названием «Марьин терем», вкусно пахло выпечкой и ненавязчиво откуда-то из угла переливчато потренькивали гусли незатейливую мелодию. Сразу, с первой секунды, мне тут очень понравилось. К нам навстречу шагнула девица в кокошнике, с косой, как полагается, до пояса, легонько поклонилась, глянула смущённо, улыбнулась Богдану, зарумянившись (хотя за естественное происхождение румянца не ручаюсь). Я сразу поняла, что он тут бывает регулярно и всем прекрасно знаком, некоторыми даже любим.

— Марьюшка, добрый день, — церемонно поклонился в ответ мой спутник, пряча лукавую улыбку, — мой столик свободен?

Ого! Даже так?

— Свободен, конечно, посмел бы кто-то занять его! — засмеялась колокольчиком она, — проходите, гости дорогие, сейчас всё принесу.

Богдан ловко увлёк меня мимо стойки с квасным и морсовым бочонками, мимо импровизированного «красного угла», с прячущимся в нём за веником растрёпанным куклёнком, полагаю, домовым, прямо к небольшому круглому столу у самого окна.

Вид из окна открывался на широкий проспект, который, впрочем, ничуть не шёл в диссонанс с деревенским уютом кафе.

— Ну вот, здесь тихо и спокойно, по работе никогда не назначаю встреч в этом месте, отдых для души, — проговорил

Богдан, слегка приоткрываясь и с любопытством поглядывая на меня.

Ощутив небольшую брешь, я моментально ломанулась в неё и брешь захлопнулась. Моя воля впервые оказалась словно в плену, заметалась, рванулась, не находя выхода, а потом он «отпустил». Происходящее длилось считанные секунды, глаза в глаза.

— Не честно, — покачал Богдан головой, — давай-ка в яви?

— Если уж о честности говорить… — вздохнула я укоризненно.

— У меня есть на то причины.

— Но я-то не закрываюсь. Хотя могла бы.

Он молча усмехнулся, и я поверила сразу, что могла бы, конечно, но с ним почти бесполезно.

— Хорошенькое получается знакомство, — всматривалась в глаза своего спасителя, — к чему вся эта таинственность? Я тебе не угроза.

— Время покажет, — снова усмехнулся он, — но ты права, я иногда теряю чувство меры, а с девушками так нельзя.

— Давай, расскажи о себе, — потребовала решительно, — полагаю, о моей скромной персоне ты вчера узнал на концерте немало.

— Совершенно точно. Алиша, крутить не стану, знакомство наше не случайно, да ты и сама поняла.

Молча кивнула.

Марьюшка принесла поднос с пирожками, пирожными и два высоких бокала с напитком.

Честно говоря, я ожидала какие-нибудь старинные кружки с глиняными боками… ну да ладно.

Когда она удалилась «величаво, словно пава», Богдан, проводив взглядом, продолжил:

— Не только я, мы оба не так просты. Можно сказать, общение с такими людьми, как ты, составляет суть моей деятельности.

— Поподробнее, — попросила, ощущая себя слепцом, идущим тоненькой тропкой, милостиво прокладываемой кем-то другим.

Раньше никогда такого не чувствовала, всегда сразу получала информацию о человеке и, уже впервые общаясь с ним, знала, как родного. Теперь же в общих чертах поняла, что ощущают простые люди.

— Я являюсь владельцем и администратором крупного эзотерического портала в Интернете, объединяющего под собой все мало-мальски важные сайты этой тематики, понимаешь, о чём я?

Он хрипло кашлянул. Я смотрела в лицо собеседнику, переваривая услышанное.

Никогда бы н подумала, хотя, что в этом странного? Пусть выглядит он ненамного старше меня, но за ним стоит необычайная сила, огромный потенциал, коим умело оперирует. Вот так, со стороны, непосвящённый человек, увидев его в центре города, в толпе людей, в довольно обычной куртке «Аляска», коричневом шарфе, натянутом почти до подбородка, с крепко стянутыми в хвост волосами, примет его, пожалуй, скорее за студента, нежели за управляющего огромной сетевой эзотерической империей. Но это пока не увидит его глаз. Глаза Богдана излучают магию, нечто такое, что ощутить может любой. Кажется, они принадлежат не молодому мужчине, а разменявшему тысячелетия, знающему что-то такое, от одной мысли о чём пробегают мурашки даже у меня. Нет, вовсе не зря, он по праву занимает место, которое занимает. И очень мастерски растворяется в толпе, маскируясь под обычного гражданина столицы.

Дальше разговор продолжился безмолвно. Богдан сообщил, что ему 32, что он коренной москвич в энном поколении. Его родители, впрочем, совершенно обычные люди и к тому, чем занимается сын, отнеслись бы скептически, даже недоумённо.

Хотя, они довольны, уже тем фактом, что он самостоятелен, неплохо зарабатывает, хоть и не имеет до сих пор семьи.

Шестнадцать лет назад, путешествуя с родителями по низовьям Оби, Богдан познакомился с настоящим шаманом. За ту неделю, что их палаточный лагерь провёл там на стоянке, парень успел с присущим ему юношеским жадным любопытством узнать многое о шаманизме, как о образе жизни и мышления, кое-что перенять от загадочного старика. Каждый год потом, в течение десяти лет Богдан приезжал туда и продолжал общение с шаманом. Чему он научился и что обрёл — разумеется, мне рассказывать не стал, но я и так сумела немного подсмотреть, полагаю с его милостивого разрешения. Стало немного не по себе. Этот уровень силы поражал, он мог бы дать гигантскую власть над людьми, но видно было, что Богдану совершенно это не нужно, у него имелось дело всей жизни, приносящее удовлетворение и доход, связанное с его мировоззрением настолько гармонично, что большего и желать не приходится. Этот мужчина явился сейчас в моих глазах самым самодостаточным из всех, кого знала, хотелось бы поучиться этому. И всё-таки… я чувствовала, что ему от меня что-то конкретное нужно, большее, чем мне от него. Стало очень интересно, и едва я проявила интерес взглядом, Богдан заговорил

вслух:

— Надеюсь, смог удовлетворить твоё любопытство?

— Да, этого вполне достаточно для начала, — деловито ответила и задала встречный вопрос, — Богдан, что же тебе ОТ МЕНЯ понадобилось?

— Алиша… — он рассмеялся, — я не пользуюсь людьми по своим надобностям. Поверь, и во мне есть немало альтруизма. Просто я почувствовал, что тебе нужна помощь, думаю, вероятен неплохой энергообмен. И не захотел пройти мимо, такой вот эзотерический эгоизм — люблю помогать «своим».

— Ага, а ещё нам нужно держаться вместе и бла-бла-бла… — я усмехнулась, что-то внутри ёкнуло: а вдруг правда?

— Именно так, — он вдруг посерьёзнел, — мои возможности легко недооценить, но трудно переоценить. Ну, так как, доверяешь мне?

Я мгновенно собралась. В какую-то долю секунды стёрла из памяти малейшие мысли о Вольдемаре и том, что произошло, чтоб эту информацию нельзя было прочесть. Я пока не могу, не имею права открывать эту проблему человеку, которого знаю без пяти минут полчаса, о каком доверии может идти речь? Покачала головой.

— Молодец, — одобрительно кивнул он. Несмотря на серьёзное выражение лица, в глазах заплясали искорки, — не стоит целиком и полностью доверяться сразу малознакомому человеку, особенно шаману. Но всё же я надеюсь на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

— Какого рода? — полюбопытствовала, вспомнив, наконец, о напитке и решаясь попробовать.

— Жизнь покажет, — туманно ответил Богдан, следуя моему примеру.

Некоторое время мы молча кушали, абсолютно не соприкасаясь ментально. Он погрузился в какие-то размышления, которые оставались для меня загадкой, я старательно генерировала мысли о следующем концерте.

— Видишь ли, я ненадолго в Москве, — наконец нарушила молчание, — в воскресенье уезжаю…

В глазах парня промелькнуло непонятное выражение.

— Если ты собираешь меня куда-то завербовать… — закинула «пробную удочку», намереваясь неожиданным предположением поколебать его равновесие, хотя бы удивить.

— Да нет, — совершенно спокойно отозвался он, словно и правда собирался, — свобода воли подразумевает сознательный выбор, а ты сейчас не нацелена на сотрудничество, верно?

— А свобода воли подразумевает постоянное проникание в

чужие мысли? — съязвила я, удручённая неудачной попыткой.

— Прости, больше не буду, — машинально отозвался собеседник, всё ещё думая о своём.

Он словно мучительно размышлял, делая в голове какой-то непросто выбор, будто бы перед ним стояла дилемма или же не было в чём-то очень важном для него ясности.

Не стала мешать, пусть приведёт мысли в порядок.

— Помнишь, как мы столкнулись в первый раз? — спросил он, заглядывая в глаза, — вот тогда я и узнал, что мы будем работать в одной связке.

— Я ещё не дала согласия.

— А ещё и не вечер, — улыбнулся он, — в сутках вечности побольше времени…

Пожала плечами. Разговор принял совершенно непонятный оборот, внутри себя немного растерялась и не знала в какую сторону двигаться дальше.

— В любом случае, я не представляю сейчас себе нашего сотрудничества, — пожал плечами Богдан.

Ну и слава Богу!

— Но давай не терять связи? Что-то говорит мне, что очень скоро многое изменится.

— Да уж…

Снова стало тоскливо от мысли, что ожидаемое знакомство хоть и произошло, однако оно вовсе не привнесло ясности в события моей жизни. Да, вот он: сидит передо мной человек, который сам же предложил помощь, а я даже не могу отчего-то раскрыть ему свою проблему… Что ж происходит-то?

— Кстати, о связи. Завтра у меня концерт в ресторане, хочешь — приходи.

Я намеренно не стала уточнять названия, ему это и не нужно.

Богдан задумчиво кивнул.

— Алиша, а у тебя есть друг? — вдруг спросил он.

Тут же лицо Вольки всплыло перед глазами. Я мгновенно погасила малейшее воспоминание, но ответить не успела. Лицо Богдана вдруг исказилось на секунду, а потом он резко проговорил:

— Извини, не моё дело, — а потом неожиданно встал, — самым разумным будет для тебя, милая, уехать из Москвы. Сразу после концерта.

Ну вот, и он туда же!

— Я вижу, что так будет лучше для всех нас.

Он достал из кармана пачку купюр, положил на столик и, не прощаясь, быстрым шагом вышел. Я осталась сидеть с раскрытым ртом. Что произошло? Глубоко вдохнула, закрыла глаза,

попыталась поймать след, но он быстро, невероятно быстро, таял в астральном пространстве. Растаял скорее, чем хлопнула на улице дверца «Бентли».

Огорошенная, я даже, мгновенно сконцентрировавшись, попыталась выйти из тела, что-то внутри металось, какие-то смутные мысли, догадки, ассоциации, но ухватить не могла ни одну.

— Простите… — прозвенел рядом тихий голосок, — Вам нехорошо?

Пришлось отложить попытку и открыть глаза. Рядом со столиком стояла испуганная Марьюшка, глядела тревожно, с волнением в глазах.

— Нет, всё хорошо, — улыбнулась я через силу, чтоб успокоить девушку. Она заметно повеселела.

И тут же, буквально помимо воли, прочла её мысли: «Богдан и её тоже?..»

Моментально внутри меня всё взорвалось от радости.

— Вы не могли бы присесть ненадолго? — попросила осторожно.

Богдан не так-то прост, он закрывался лишь от меня, а другие люди из его окружения, вероятно, знают о нём гораздо больше. Марья вздохнула, но села, оглянувшись мельком на входную дверь.

— Скажите, Богдан Вам хорошо знаком?

— Ну… в общем, он тут регулярно бывает, — пожала она плечами, — иногда разговариваем.

— А с кем он бывает тут?

— По разному. С друзьями, я думаю, — она внутренне напряглась.

— А с девушками? Он бывал тут с девушками? — я нахмурилась.

— Ммм, — в голове моей собеседницы чётко пронеслась испуганная мысль: что сказать?

— Скажи, как есть? Много девушек он приводил сюда? — я решила пойти по самой простой тропке, изобразить заинтересованность в личной жизни нового знакомого, добавив толику ревности в свой голос. Похоже, Марья поверила.

— Да нет, нет, — замотала головой, пытаясь убедить, — девушек он сюда вообще не водил. Был пару раз с женщиной, но довольно пожилого возраста, бабуля-«божий одуванчик», да с мужчинами в основном здесь беседовал. Я даже думала, что он женат…

Ага! «Думала». То есть, она наверняка знает, что он не женат, а это сказала лишь для того, чтоб усыпить мою бдительность.

Однако мне вовсе не важно, что именно говорит Марьюшка, важнее — что она думает в этот момент. А думала та много интересного. Помимо упомянутых персонажей, Богдан, конечно же, бывал здесь с девушками неоднократно. Все его встречи были абсолютно похожи, за исключением внешности новых пассий: подружка, бесконечно влюблённым взглядом взирающая на спутника и его отрешённый, скучающий, холодно-вежливый взгляд. Почему-то именно здесь, в «Марьином тереме», Богдан разрывал отношения с возлюбленными. Уходил он всегда внезапно, оставляя покинутую безутешно рыдать, а Марья, по умолчанию, успокаивала и внушала той, что это ещё не конец жизни. За услугу Богдан оставлял щедрые чаевые и дружескую тёплую поруку. А другом, судя по всему, он был верным и благородным — помогал и поддерживал, буквально курировал это кафе, благодаря чему оно вопреки всему процветало и не имело проблем.

Нет, выпытывать у девушки что-то не стоит, лишнего ни за что не скажет, а Богдану непременно донесёт, как активно я интересовалась его личностью.

Помнится, парень пообещал, что мы ещё встретимся, так вот не стоит пока усугублять. Надо сейчас всё старательно обдумать, проанализировать. Что-то всё же удалось ухватить краешком подсознания, но что — не понятно.

Марья тем временем сгребла деньги и улыбнулась мне широко:

— Принести что-нибудь ещё? Может, меню?

— Нет, спасибо… — я старательно изобразила расстроенную и поникшую, — не хочу здесь больше оставаться, Вы уж извините!

Та понятливо закивала, не сводя с меня глаз, пока я шла к двери.

На улице немного развиднелось, кое-где стало проглядывать практически уже скатившееся на запад солнышко. Мимолётный взгляд на часы — ого, да, день клонится к вечеру, пора возвращаться. Тем более, я понятия не имею, как далеко нахожусь от дома.

Привычно включив «автопилот», побрела по обледенелому тротуару, спрятав руки в перчатки, а лицо — в поднятый воротник.

ГЛАВА 12

С порога прямо на шею кинулась довольная Виолетта, засмеялась в ухо:

— Алишик, ко мне друзья приехали, представляешь? Вот это сюрприз!

Из-за её плеча лукаво щурился Серёжка, но для меня и без того автор сюрприза был очевиден.

Дружная компания собралась на кухне, мимо прошествовал Макс, подмигнул, таща ещё два стула. Я быстренько разделась и юркнула мыть руки.

Кухонный стол выдвинули в центр, на нём в изобилии горы сладостей и выпечки, дымится горячий чай. Вспомнился как-то сразу «Марьин терем», Богдан и странный наш разговор, но тут же всё вылетело из головы, Виолетта усадила и познакомила с прибывшими: Алисой и Виталиком. Я раньше общалась с ними пару раз, но не очень плотно, на моих концертах они были раз или два… В общем, друзья Леты с первого взгляда пришлись мне по душе, какое-то время назад автоматически стали «членами» нашей дружной и сплочённой «семьи», от своих невидимых помощников я знала, что они сыграют немаловажную роль в становлении «Ауры жизни».

— Вот это да! — воскликнула с бесхитростным детским восторгом Алиса, — я и не мечтала сидеть за одним столом с самой Алишей… Честно, так неожиданно — видеть блистательное выступление на сцене, а потом… вот так запросто в одной кухне… да ещё и в домашнем… Блин!

— Смотри, а то зазвездится Алик! — захохотал Макс, — фан-клуб откроет и интервью только по записи…

— В день, когда Алишка зазвездится — солнце потухнет и Земля сойдёт с орбиты, — мрачно проговорил Паша, — хотя было бы неплохо, если б чуточку, чтоб не отвлекалась на посторонние дела…

Эх, Пашунь, знал бы ты, что эти «посторонние дела» мне важнее всего моего творчества вместе взятого.

— А я как услышала, что завтра у Алиши в Москве концерт, сразу и говорю: «Вит!

Мы там должны быть непременно! Это судьба!», ну, в смысле — судьба то, что ещё и днюха у Вилки и грех не собраться, верно я говорю?

— Да уж, поспорить с тобой никто не осмелится, — подмигнул Славик, и все рассмеялись. Беззлобно, весело.

Я слушала вполуха и улыбалась: какая вот сейчас здесь

собралась замечательная компания людей и единомышленников! Чётко наблюдая судьбу каждого из присутствующих, как на ладони, к чему уверенно идёт любой из нас, я благодарила жизнь за то, что имею возможность соприкоснуться с этими людьми. А они, вот парадокс, восхваляют сейчас меня!

Из всех присутствующих о существовании Школы знали и были в ней: я, Вилка, Серёжа (он всего раз или два, скорее мельком), Алиса и Виталий. Ещё раньше поняла, что они были учениками Школы, Тёмными. Я всматривалась в их прошлое и наблюдала бои, схватки с другими Воинами, со Светлыми. И сейчас размышляла — почему воюют так яростно Тёмные и Светлые? Мне казалось это неправильным, что-то не то было в их взаимной испепеляющей неприязни, какая-то неувязка. Хоть это и две противоположности, которые сосуществуют в постоянной борьбе, однако в этой борьбе не место столь кипучему негативу друг к другу. Не смогла бы даже себе сейчас объяснить толком, что конкретно имею в виду, просто некое ощущение. Чем больше будет расти пропасть между двумя отделениями Школы, тем более велика вероятность внутришкольного катаклизма, подумалось мне. Я не знала, как можно иначе, но чувствовала, что можно и даже нужно. Однако, это ведь не моя проблема и меньше всего касается будущее измерения, ставшего тюрьмой самого любимого человека!

Из раздумий, не нарушаемых даже мерной беседой собравшихся, вывел звонок мобильника. Забытый Максом, его телефон надрывался в прихожей. Чертыхаясь, парень выбрался из-за стола, в тесноте цепляясь за другие стулья на небольшой кухоньке.

— Да! — донёсся его раздражённый голос, спустя пару секунд. — …

— Я тебе всё сказал ещё вчера! -…

— Соня, прости, дорогая моя девочка, но я не шутил… — голос его понизился, видимо понял, что свидетелями его личного разговора поневоле становятся все присутствующие, — слушай, ну, давай, расстанемся спокойно, без истерик и нервотрёпок, а? Чего тебе стоит?

Судя по звукам, Максим вместе с телефоном перебрался в комнату и прикрыл дверь.

Разговор на кухне возобновился и вошёл в обычное русло, только Павел тихонько покачивал головой и думал о том, что Макс совсем не ценит хороших, верных отношений.

У меня вдруг возникло видение. Совсем краткое, секундное, но вместе с ним пришла неожиданная идея. Я тихонечко встала из-за стола, кивнула Паше — друг понял без слов и кивнул в

ответ.

Возле двери притормозила и вошла лишь тогда, когда Макс, воскликнув: «Больше мне не звони!», отсоединился.

— Только без нотаций, Алишик! — воскликнул он, яростно разбирая телефон.

— И не собиралась, — пожала плечами, следя за его движениями.

— Вот объясни мне, пожалуйста, почему некоторые девушки такие… назойливые?! Ей кажется, что я кокетничаю с ней, это нормально, да? Мужик кокетничает с девушкой! Хоть бы подумала своей блондинистой головой, или мазохистка, или идиотка. Ну, всё, у меня уже сил нет никаких…

— Что ты будешь делать?

— Выкину к чёрту эту сим-карту, возьму новую, на балансе не так уж и много осталось, не жалко. Моего адреса она, к счастью, не знает, все концы в воду!

— Нет, подожди!

— Алик! — Максим протестующе поднял руку, — я понимаю, конечно, вашу женскую солидарность, но тебе ведь не составит труда посмотреть Соню и понять, насколько она глупа. Я так больше не могу…

— Да я не об этом! Макс, не выкидывай, дай мне симку, а?

— Зачем? — он недоумённо нахмурился.

— Тебе она не нужна уже, ну так и я её выкину — но попозже, сделаю с неё ещё один звонок, а?

— У тебя же есть своя…

Да, тут я примерно начала догадываться, почему Соня с Максимом вообще встретили друг друга!

— Понимаешь… — я перешла на шёпот, — мне свой номер «светить» не хочется…

— А! Тайный поклонник появился? — я поразилась столь изощрённой фантазии друга, но неопределённо пожала плечами.

— Макс, просто отдай её мне. Обещаю, сразу же выкину в мусорку, как отзвонюсь.

— Бери… — пожал плечами парень, — полагаю, Пашке лучше не знать?

— Ты умница, — одобрила я, — это будет наш маленький секрет!

Из комнаты мальчиков проворно направилась прямиком в свою. Это мой шанс и необходимо его использовать. Прямо сейчас!

С макушки и до пят охватило невероятное возбуждение: вот сейчас, прямо в этот миг, пространство пришло в движение, события начали ускоряться. Я шагнула на ту линию вариантов, в

которой возврата уже не было. И теперь предстоит действовать быстро, решительно и без промедления — иначе Воле будет не помочь.

В памяти чётко всплыл номер, продиктованный мне в первое пребывание в Лесу Школы Вольдемаром. Номер, с которого всё началось и которым должно закончиться.

Сейчас на том конце возьмут трубку и я скажу, что всё знаю, и что Стефану лучше увидеться со мной уже в своём качестве, без защиты и масок, встретиться со всеми нами и отпустить Вольку. Я знаю секрет Школы и перехода в её реальность, так что похищение бывшего ученика ему не даёт ничего, оно бессмысленно. В конце концов, я умею блефовать и могу сказать, что у меня есть против них серьёзные козыри.

Во рту мгновенно пересохло, сердце судорожно заколотилось. Из ниоткуда вдруг возникло противное ощущение, что это неверное действие, что всё идёт не так. Но поздно на попятную, будь что будет, пятьдесят процентов того, что задуманное пройдёт гладко, у меня есть. И хоть рисковать любимым человеком непросто, я смогу сделать риск оправданным. Да и невыгодно Учителю Тёмных уничтожать парня физически, если есть хоть один человек в реальности, знающий всю правду.

Я набрала номер.

— Да, — густой низкий мужской голос в трубке заставил сердце замереть на миг, я всё превратилась в комок, сгусток нервных волокон, — говорите, я слушаю.

Едва уловимый акцент не позволял понять, какие национальный корни имеет мой собеседник, но голос звучал властно, уверенно, немного устало.

Одного мига вполне хватило, чтоб понять, что Стефан, а это был именно он, совершенно не имеет никакого отношения к похищению Вольки, а даже если и знает о нём — то лишь в общих чертах и не является инициатором. А, скорее всего, не знает вовсе. Это озарение заставило меня мгновенно пересмотреть план дальнейших действий, упершись лбом в тупик.

Я отсоединилась. Сердце отмерло и ухнуло куда-то в желудок, бешено там застучало, вызывая тошноту.

Получается, Стефана можно вычеркнуть из списка подозреваемых. А я то уже, блуждая практически «в потёмках» решила было, что Богдан и есть Стефан. Теперь понимаю, что это не так, а значит Богдан не имеет отношения к Школе, как я подозревала, и ему, получается, относительно можно доверять. Тогда отчего каждый раз комок в горле и что-то мешает раскрыться перед новым знакомым, рассказать о проблеме и попросить помощи? С его способностями и возможностями — это

ведь сущая ерунда.

И почему при таком раскладе он закрывается от меня, блокируя любую попытку «прочитать» его?

Буду пока верить собственной интуиции и молчать, тоже пряча внутреннее, самое сокровенное. Поглядим, к чему это приведёт, будет обязательно какой-то знак и я пойму обязательно, что делать.

Лёгкий стук в дверь.

— Алиш, можно к тебе? — голос Сергея.

— Серёжка, заходи!

Спохватившись, я быстро вынула сим-карту из телефона и кинула в стакан с водой на прикроватной тумбочке. Коротко звякнув о стенку, симка ушла на дно. Вот так, энергетическая информация стёрта. Потом выплесну в мусорку.

— Алик, у меня к тебе разговор, ты свободна сейчас? — Сергей смотрел с волнением, он думал о том, не потревожил ли, не отвлёк от важного дела?

— Сейчас свободна, поверь, ни от чего не оторвал, — кивком пригласила присесть на стул, — Серёж, я знаю, что ты хочешь спросить. Я общаюсь постоянно с Волей, с ним всё в порядке. Но это на тонком плане, а меня беспокоит состояние его физического тела и я спешу изо всех сил отыскать его…

— Алиш, ГДЕ он?

— Он в Школе, — выдохнула я, не видя больше смысла скрывать от них с Вилкой информацию.

— В том самом Лесу? — Сергей выглядел ошарашенным, — значит, это действительно Стефан?

— Нет, не он. Учитель Тёмных тут не причём…Но похититель и вправду имеет отношение к Школе самое прямое.

— Есть догадки? Аль, я думал, что тебе не составит труда…

— Не всё так просто, Серёж, есть способы утаить какие-то вещи даже от меня.

Вольдемара отлично прячут.

— Я могу рассказать об этом Лете? — он задумался.

— Ей да. Нет, активной помощи вы не можете мне оказать, — покачала головой и спохватилась: снова ответила раньше, чем вопрос был высказан, — сейчас, по крайней мере, но вскоре она понадобится и тогда я скажу. Сейчас же… Серёж, ещё раз прошу тебя: береги Лету. Она в опасности, слишком тонка нить…

— Нить? — он нахмурился.

— Нить жизни.

— Ей что-то угрожает?

— Она сама себе угрожает. Серёж, я не могу сказать точнее, прости, все силы уходят на поиски. Просто будь постоянно рядом

с ней ближайшие пару дней, не отходи ни на шаг и не отпускай её в Питер, понятно?

Похоже, больше обеспокоила парня, чем утешила. Но витающее в воздухе напряжение и так отнимало силы, не получалось держать под контролем абсолютно всё. И знала твёрдо — очень скоро всё разрешится, я выбрала самый короткий вариант развития событий, однако результат зависит от наших сплочённых действий, полного взаимопонимания.

— Что сейчас? — вдруг невпопад спросил Серёжа.

— Иди ко всем. А я лягу, помедитирую и потом отправлюсь к Воле, он ждёт и у него что-то важное. Скажи ребятам, чтоб не беспокоили, ладно?

Последние слова произнесла почти с мольбой. Немного ощущала себя виноватой в том, что избегаю общения, однако быстро отмахнулась от чувства вины: я всё потом наверстаю и со всеми наобщаюсь, когда верну любимого и единственного, когда его жизнь будет вне опасности.

— Да, Серёж… Не обижайтесь, что одна заняла всю комнату… Тишина и одиночество необходимо…

— Я всё понимаю, — с тёплой улыбкой кивнул парень, — Алишик, помни, мы с тобой и к твоим услугам. Спаси его!

Я кивнула, сдерживая внезапно навернувшиеся слёзы. Спасибо, милые друзья, за понимание и такт. Это придаёт сил, вижу Путь чётче, чем даже необходимо.

И всё-таки, когда Сергей вышел, я немного поплакала. Слёзы опустошили, появилась прозрачная ясность мышления. А теперь — глубокая медитация, погружение в себя и разговор с помощниками и наставниками, общение с ними придаёт бодрости и уверенности.

С закрытыми глазами я вижу их так, как вижу обычных людей с глазами открытыми.

Иногда, в самые тяжёлые минуты жизни, зажмуриваюсь и визуальный образ окружающих меня светлых сил, придаёт энергии. Они улыбаются и подбадривают всем своим видом.

Помощники, хранители, наставники… они сосуществуют в одном пространстве со мной.

Некоторые из них выглядят, как люди, другие же — не совсем. Очень часто рядом кружится белый голубь, иногда садится на протянутую руку и я чувствую его лёгкое, почти невесомое тело. Они невидимы для глаз, но их прикосновения ощущаю какими-то нефизическими органами. Прикосновения особо наполнены энергией.

Однажды я очень тяжело переживала смерть близкой подруги, она была тяжело больна, из-за болезни её родители и

отказались от неё. В общем-то болезнь не причиняла особых неудобств как ей, так и окружающим. Она просто тихонько таяла и в один грустный день не открыла поутру глаз. Мы доверяли друг другу самое сокровенное, я как будто понимала, что скоро она уйдёт, и тайны наши общие останутся и уйдут с нею, но всё же такой неожиданностью был её уход! Я не плакала, она не любила слёз. Я просто ощутила вдруг бесконечное одиночество в мире физическом, словно земля ушла из-под ног, и стало вмиг нечем дышать. С закрытыми глазами я увидела Свету и мысленно попросила взять меня с собой, ведь кроме неё никому не была я нужна на этом свете. Она покачала головой и растаяла, исчезла даже из той реальности, что я могла видеть астральным зрением. Отныне не хотелось открывать глаз. Однако невидимые хранители не отпускали моих рук, говорили о том, что я нужна этому миру, а он нужен мне, и есть здесь человек, которого искала множество жизней. Я поверила им. Обнимая, помощники передали мне столько любви, влили столько сил в мою измученную душу, что я проснулась на другой день совершенно обновлённой, совсем другой. Сравнимо с переливанием крови, только здесь произошло полное «переливание» энергии, мощная прокачка.

Незримые помощники сопровождают каждого из живущих, я могу видеть хранителей других людей, у одних их много, у других — один-два. Я думаю, количество зависит от ответственности и важности жизненного Пути человека. Тот, кто выбирает осознанно жизнь, несущую пользу миру, людям и духу самого человека, вмиг получает поддержку на тонком плане. Иногда это происходит и незаметно для самого человека, когда в нём заключён особый потенциал, пусть он даже и не подозревает об этом. Тогда всё вокруг, сама жизнь, будут толкать его, подсказывать, направлять разного рода знаками. Предупреждать и даже причинять боль, когда необходимо пробудить в человеке осознанность и искоренить потребительское мировосприятие: «жизнь тяжела, в этом виноваты окружающие, она зависит от неких обстоятельств, мы не в силах препятствовать им, нужно терпеть и надеяться на удачу и то, что беды и несчастья пронесёт стороной». Когда-то я сама так жила, но довольно быстро пришла к тому, что жизнь такова, какой мы её себе представляем. А ведь совсем не трудно выбросить негативные установки и думать о жизни в желаемом ключе, если хочется быть счастливым. По-настоящему хочется.

И наоборот — чем больше человек погружается в пучину уныния и ощущения беспомощности, страха перед жизнью и смертью, с неверием отвергая знаки, посылаемые с тонкого плана

— тем меньше становится у него помощников и хранителей, а значит, тем хуже он видит «указатели» жизни, освещающие его и только его, самый наилучший, Путь.

Будучи окружённый помощниками, человек вовсе не становится менее деятельным, никто за него не выполняет его предназначение. Хранители — это лишь невидимая «группа поддержки», которая стоит за спиной и морально очень помогает, и физически может поддержать в случае необходимости. А как они радуются, когда человек счастлив и доволен своей жизнью!

Я росла без родителей, но вовсе не была одинока в том смысле, в котором мучались мои друзья по детскому дому. Я не испытывала недостатка любви, его с избытком давали мне незримые друзья, они рассказывали на ночь сказки и поглаживали с материнской нежностью по волосам, они одобрительно кивали, когда я справлялась с трудными задачами и помогала другим. Они всегда были рядом. Для того и существуют. Возможно, после смерти физической, я тоже буду помогать кому-нибудь, воплощённому здесь, на Земле, либо в другом мире…

ГЛАВА 13

Волька встретил меня на нашем месте взбудораженный, нетерпеливо озираясь и покусывая зубами травинку. Он сгрыз её почти до половины к тому моменту, как я появилась.

— Алишик, — вскочил и обнял горячо, — у меня новости.

Я не читала Волины мысли, потому кивнула:

— У меня тоже. Расскажи сначала ты.

— Прочтёшь? — протянул руку.

— Нет, сам…

— Рано утром к Карамуру пришла Алия, с чего-то вся такая на нервах, хмурая… Я напомнил ей об обещании помочь вернуться домой, и знаешь, какова была реакция?

Она сорвалась и выкрикнула, что я буду здесь находиться ровно столько, сколько потребуется, сколько ИМ понадобится, а, впрочем, всё зависит теперь только от моих друзей! Понимаешь, что это значит?

— Понимаю, — медленно кивнула я, обдумывая, — теперь всё ясно. Теперь всё действительно зависит лишь от меня…

— Это она? Она спланировала?!

— Всё о том говорит. Воль, я сейчас в такой растерянности — не могу увидеть сути. Вижу только вероятный конец, а пути к нему как в тумане.

Он прижал мою голову к своей груди, гладил волосы.

— Ох, если бы я сам хоть что-то мог, хоть как-то тебе помочь… В конце концов ведь я всех втянул в историю, видите ли захотелось ощутить себя хозяином положения, придавить Стефана и других, доказать, что крутой.

Он усмехнулся. Я прекрасно чувствовала любимого сейчас: хотел самоутвердиться, не со зла шантажировал Учителей, не из мести или другого негатива, а из любопытства, азарта! Жаждал восстановить справедливость: Учителя знали об учениках ВСЁ, а вот о себе ничего не открывали, что касается реальности. Мечтал восполнить этот пробел. И когда узнал сам — не мог не поделиться с друзьями.

Однако, как же не хотят главные фигуры Школы приоткрывать своё инкогнито, настолько, что пошли на похищение!

— Воль, я тебе обещаю, очень скоро всё закончится. Впереди ещё пара боёв — и победа будет наша.

— Ты же, бедненькая, сражаешься одна против них всех… — Волька снова напрягся, его разрывало изнутри ощущение собственной беспомощности.

Одним движением руки вдоль позвоночника успокоила его. А сердце щемило. Очень истощала разлука нас обоих, встречи урывками, тайком, поддерживали слабо, так хотелось разорвать эту реальность, вырваться наружу, вернуться вдвоём, а не в одиночку в пустую холодную комнату…

Лес над нами шелестел, ветерок щекотал ветви, они покачивались тихонько, приплясывая. Особый аромат зелени, свежести разливался в воздухе, пощёлкивали, потрескивали вдалеке лесные существа, сюда они редко заглядывали, относительно спокойный и необитаемый уголок.

Солнечные тёплые лучи, просвечивая листву, гладили по лицу, обнимали, от их ласки хотелось застонать. Лес не виноват, конечно, что стал разлучником, местом заключения, но сейчас словно вся природа издевалась над нами. В другое время и в других обстоятельствах, я бы наслаждалась пребыванием здесь, общалась бы с милыми сущностями, обитающими в этих краях, но только не сейчас.

Почему-то в этот миг я поняла, что даже когда всё закончится, буду возвращаться сюда неоднократно, что-то манит, притягивает в этой реальности. А мне помешать проникать в этот мир не сможет никто. Могут быть, несомненно, на его территории какие-то законы, запрещающие пересекать определённую территорию, но переноситься сюда я смогу. Ведь мне не нужно специальных приспособлений, высвобождающих астральное тело, притягивающих его сюда, подобно магниту.

В механизмах действия кольца лично для меня не было ничего необъяснимого, мистического или непонятного. Вероятно, сложный сплав, я не химик. Необходимое условие — закрытые глаза, чтоб мозг генерировал альфа-волны. В момент, когда ученик трёт кольцо, его поле входит в контакт с полем металлов, составляющих кольцо, астральное тело как бы «намагничивается» и одним рывком притягивается к одному огромному магниту — Школе. Вот и всё. Но если владеешь способностью выходить из тела самостоятельно и путешествовать куда угодно — никаких вспомогательных предметов не нужно.

Обнявшись за плечи, мы неторопливо шли по Лесу, по центральной тропинке, особо не опасаясь, что нас увидят вместе. Это уже не столь важно, ведь теперь известны роли главных действующих персонажей Школы. И к худшему ситуация измениться уже не сможет. Если действительно Алия — инициатор, то остаётся решить, как выйти через неё на реальность.

— Воля… — я вдруг кое о чём подумала, — а в Школе все Учителя того же пола, что и в реальности, а? Или может так

статься, что мужчина «изображает» женщину и наоборот?

— Всё может быть, — кивнул Волька, — это вполне возможно. Постой! Ты ведь не просто так спросила? Имеешь в виду кого-то конкретно? Милая, ты что-то узнала?

— Пока на уровне догадок и подозрений. Понимаю, странно это от меня слышать, но я сейчас сама словно ёжик в тумане, — усмехнулась невесело, — редко удаётся прорваться к информации, приходится постоянно быть наготове, в позе «стойки» охотничьей гончей.

— Алиш, помнишь, мы говорили тогда, в электричке, ты объяснила, что считывать информацию лучше не с человека, а данные с информационного поля Земли об этом человеке, поскольку считывание напрямую — это вторжение в чужую волю, а это неэтично и даже опасно. Если человек в себе что-то прячет, почему бы просто не считать это с информационного поля?

— Не всё так просто, Воль… — я вздохнула и попыталась найти нужные слова, чтоб объяснить, — видишь ли, каждый из живущих на этой планете, ну, почти каждый за очень редким исключением, принадлежит к какому-то эгрегору…

— Эгрегор — это такое энергетическое образование в информационном поле, да? — уточнил Волька.

— Да. Ну, например, христианский эгрегор или даже эгрегор игры в покер. В общем, образование, энергетически подпитываемое своими поклонниками и последователями, которое, впрочем, в случае необходимости, в свою очередь помогает им. Так вот, самые сильные — эгрегоры религиозных и магических организаций. Они защищают своих последователей, как пастухи стадо, ну это я грубо выразилась, хотя суть та же. Теперь смотри — если человек, принадлежащий крупной магической организации (или объединению эзотерических организаций, хоть клубов по интересам) и при этом умело утаивает информацию о себе, то стоит полагать, что он серьёзно не хочет сделать её доступной. А значит, имеет какую-то защиту и на уровне информационного поля планеты.

— То есть… — медленно проговорил Воля, — это реально — поставить защиту на поле планеты?! Или… А я понял! Эгрегор, которому служит человек, защищает и охраняет его и на полевом уровне! Так?

— Не совсем. Всё проще. Эгрегор можно обмануть. А вот других людей, знающих, что от них требуется — почти невозможно. Само собой разумеется, что маг состоит в связке с другими людьми, группой единомышленников. И, опасаясь за информацию, они, естественно будут принимать меры по её сохранению на всех уровнях.

— Группа единомышленников… Подожди, у нас тут тоже все друг с другом в связке, — вспомнил Воля, — даже ученики. Аль, ну теперь объясни, как они делают это на уровне планетарного информационного поля.

— Ставят сигнализацию, «звоночки». Как только кто-то извне пытается проникнуть в область, нежелаемую для проникновения, область с интересующими сведениями, срабатывает сигнализация и кто-то из связки, а вполне вероятно, что все толпой, мгновенно реагируют и принимают меры по уничтожению лазутчика.

— Ни фига себе… лазутчика! Лазутчик, это когда на запрещённой, закрытой территории, а информационное поле Земли — открытая, свободная зона для тех, кто может читать оттуда, — распалился Вольдемар, — разве подобное справедливо?

Я пожала плечами.

— Почему бы нет? О себе ты можешь прятать что угодно, твоя воля. Правда, я уверена, что на каждого мага найдётся ещё более сильный маг, если потребуется, который любую шайку разметает в один момент. Однако мне, Воль, не по силам пока этого, да и тратить их не с руки сейчас. Скажем так, куда более выгодно идти некоторое время на ощупь. В конце концов, я могу посмотреть информацию о других людях, косвенно соприкасающихся с ситуацией, и сделать выводы о том, что ждёт в результате определённых действий, понимаешь?

— Понимаю, — кивнул Воля, остывая.

— Так вот, таким образом я увидела результат пути, по которому иду сейчас, и он меня устраивает. Правда в процессе несколько тёмных пятен, но тут мне поможет интуиция.

— И… когда будет этот результат? — робко поинтересовался Волька.

— Скоро, очень скоро. Приготовься, пожалуйста, к стремительным событиям и старайся ничему не удивляться.

— Алик… ты такая измученная, — остановившись, любимый повернулся и провёл кончиками пальцев по моей щеке, — обещаю тебе, когда всё закончится, больше не причиню таких глобальных неудобств, я буду заботиться о тебе и защищать, а не наоборот, договорились?

Я кивнула и рассмеялась. Ах, Волька, если бы знал, ЧЕМ всё закончится! Я-то знаю, но в это настолько трудно поверить и именно этот вариант настолько зыбок, что пока не стоит и упоминать деталей.

— В общем, так, Воль. Старайся пока не провоцировать Учителей. Тише воды ниже травы сиди, весь такой грустный, как эмо, погружённый в пучину своей беспомощности и отчаянья.

Недолго осталось здесь находиться. Вилку я от тебя поздравлю, следующей ночью расскажу, как всё прошло, также и детали плана, он у меня почти сложился. А через день, если всё будет идти, как идёт, ситуация и разрешится, обещаю.

— Береги себя, — он чмокнул меня в щёку, а потом завладел губами в долгом поцелуе.

Ощутила его возбуждение, но пора было возвращаться. И он понял это.

— Мы всё обязательно наверстаем!

С лукавой угрозой в голосе пообещал, получил за это ещё один поцелуй и, утянув с тропинки, было уже прижал меня к дереву, но тут под ногами что-то заверещало:

— А!А!А! Вот ты где! А там к тебе никто не пришёл, совсем никто, не девушка даже, из Целителей!

Мы отпрянули друг от друга от неожиданности, в траве копошился маленький, судя по всему, ламиньяк.

— Кто? — переспросил Воля недоумённо, — кто не пришёл?

— Девушка, говорю, не пришла! — раздражённо, — а ты тут один горюешь…

— Саманта, — шепнула я.

— А, понятно, ну её… — он отвернулся от крохи, сообщившего, пусть и таким странным образом, новость.

— Она сказала, что ждать тебя не станет, даже не до самого вечера! Потому что вовсе Алия ничего тебе не велела передать.

Мы разом вздрогнули.

— Алия?!

— Я ж молчу! А у вас такой острый слух! — он причмокнул губами, сложил их бантиком.

— Иди, — кивнула я, подталкивая Волю.

— Ну, нет… — расстроился парень, — у нас есть ещё немного времени, не хочу его на Саманту тратить, пусть подождёт!

— Ладно, я скажу, — пожала плечами, косясь на ламиньяка, присевшего под кустом.

Далее на ушко прошептала любимому, что Алия через влюблённую Целительницу велела передать: она сказала всё, что сказала Вольке, в целях маскировки, дескать их подслушивали в тот момент и дальнейшее общение — через Саманту. Она обязательно поможет выбраться, вернуться его сознанию домой, только пусть он не торопит время и не тормошит её, Алия, мол, и так делает всё возможное.

— Что это значит? — усмехнулся Вольдемар.

— Врёт, — кивнула я, — Алия тоже на взводе, я в реальности немного поворошила палкой их гнездо. Вот и срывается. Делай вид, что принял сообщение всерьёз, побольше загадочности и

подобострастного доверия каждому её решению.

— Думаешь, поверит такому моему поведению? — искоса наклонил голову.

— Зная тебя — я бы не поверила. Но она на нервах и, следовательно, бдительность ослаблена. Будем надеяться…

— Никогда бы не поверил… — покачал головой Воля, — она вся такая светлая, такая… добрая… и — похитить меня.

— Борцы за добро и справедливость чаще всего бывают наиболее решительны в отстаивании своих идеалов. Я думаю, это далеко не всё, на что способна Алия, когда речь идёт об опасности, грозящей раскрытием её инкогнито в реальности. Но у нас будет ещё возможность узнать скрытое. К этому и идёт.

— Да уж…

Волька метнул взгляд в сторону развесившего уши ламиньяка, тот вздрогнул, прищурился и, слишком уж беззаботно насвистывая, принялся смотреть по сторонам.

Однако, уши, как локаторы, были напряжены и едва даже не поскрипывали.

— А ну, кыш отсюда, — Воля нахмурился, — шпион ушастый!

— У тебя уши тоже маленькие-маленькие! — не остался в долгу ламиньяк и юркнул прочь.

Я не выдержала и прыснула, Волька рассмеялся вместе со мной.

— Самые вреднюги здесь, — пояснил отсмеявшись, а потом посерьёзнел, — ладно, лучше и впрямь отправиться к Карамуру, чтоб не вызывать подозрений. Удивительно, неужели Алия до сих пор не знает о том, что ты тут бываешь?

— Знает, — улыбнулась я, — ей Марта рассказала, оттого, в числе других неприятностей, она и вспылила. И мне кажется, что она уже пожалела о похищении, но отпустить просто так тебя не может, боится, думает, ищет варианты.

— Они должны были явиться на встречу для того, чтоб получить доступ в настройки и восстановить Школу. Но я вижу, что Школа восстановлена, — вдруг задумался парень, — тогда зачем им изолировать меня? Могли ведь просто не явиться и мне было бы их нечем напугать. Не понимаю…

— Поймёшь, когда встреча всё-таки состоится.

— Ты думаешь?

— Да. Воль, я это знаю.

Потом мы распрощались и разошлись в разные стороны.

Я не стала сразу покидать Школу, просто пошла в противоположном направлении, углубилась в Лес настолько, что начали попадаться какие-то принципиально другие существа, вероятно, эта реальность подразделялась на зоны обитания. Фей

и гномов я тут не встретила, но увидела существ значительно крупнее и разнообразнее, а у глубокого ручья даже заметила юную русалочку, расчёсывающую чудные изумрудные кудри. Заметив гостью, она кокетливо улыбнулась, кинула в меня золотистым причудливо-узорчатым гребнем и нырнула под воду, а потом, по течению, скрылась из виду за поворотом. Я знала, что русалки водятся в омутах и реках, но чтоб в ручье… Очевидно, где-то он впадает в речушку, а русалки выбираются сюда для каких-то своих целей, чем-то Лес их привлекает. До этого полагала, что у ручьёв есть свои духи и обитатели…

А в ветвях деревьев встречались чудные птицы с человеческими лицами. Не помню, как там в мифологии, Сирин, кажется? И вдруг одна из них запела. Я поневоле остановилась, присела на месте, прямо на траву, слушая и наслаждаясь чудесным пением. Душа наполнялась странной неизбывной радостью, тоска и печаль покидали сердце, хотелось жить, вдохновенно творить и любить всё вокруг! Пространство словно заиграло разноцветными волнами, переливалось радугой. Я широко улыбалась, и всё внутри ликовало, волна счастья захлестнула с головой. Просто так счастья, безусловного, я живу, любима и люблю — что ещё нужно?

— Ты слышишь, как она поёт? — вдруг раздался сбоку голосок.

— Да… — ответила машинально и лишь затем обернулась.

Молодая, невысокая, розовощёкая женщина с хитро смеющимися серыми глазами стояла рядом, прижавшись плечом к стволу дерева. Чёрные, как смоль, волосы свиваются тугим жгутом, перехваченные золотистой лентой, перекинуты на одну сторону.

Длинная, нежно розовая туника в греческом стиле струится до земли так, что не видно даже ступней. Незнакомка по-настоящему красива, и красота её…несколько неземная, скорее её можно назвать богиней. Не являясь худышкой и имея довольно роскошные формы, она, однако, создаёт своим обликом ощущение невесомости, лёгкости, кажется, даже трава не прогибается под её ногами.

Прежде чем я поняла, кто это, она представилась:

— Я ливийская сивилла, имя моё Герофила, дочь Зевса и Ламии.

— Э… Алиша, — растерянно улыбнулась я, представляясь столь неподобающе коротким именем. Подумала было сообщить имена родителей, но споткнулась о тот факт, что я их не знаю.

— Мать твою звали Татьяна, а отца — Олег! — вдруг проговорила сивилла, словно мысли мои прочитав, и тут же

вернулась к началу разговора, — это птица Сирин, она поёт радость и убирает печаль. Но тебе повезло, что на её месте не оказалось птицы Алконоста…

Говоря это, сивилла подошла и присела рядышком со мной на траву. От неё пахнуло ароматом мускуса и ванили, закружилась голова, но в ней вдруг стало ясно-ясно. Я сразу поняла всё о незнакомке. Сивиллы — в греческой мифологии пророчицы, в священном экстазе предрекавшие будущее, как правило, свои предсказания дающие в стихотворной форме. Именно они в своё время предсказали гибель Трои и извержение Везувия, а также великое будущее Риму пророчила одна из сивилл, покровительствовавшая герою Энею, основателю его. Овидий писал, что в одну из сивилл, кумскую, даже влюбился бог Апполон…

— Услышь ты песню Алконоста, не избежать тебе грустной участи забвения, хотя песнь его так же сладка и прекрасна! И похожи они необычайно. Но Алконост, по счастью, обитает на другой территории, — махнула она в сторону Тёмного Леса, — однако важно, что ты услышала песнь птицы Сирин. Ведь её способны услышать лишь по-настоящему счастливые люди.

«Да уж» — усмехнулась я — «нашла своё счастье, и не смогла удержать рядом…»

— Может быть, ты хочешь ещё что-то узнать о своих родителях?

Казалось, сивилла заглянула в самую душу. Она мягко взяла мою руку, и я вдруг ощутила себя маленькой девочкой, совсем ребёнком, а рядом мать и её тепло окутывает, вселяет ощущение безопасности, защищённости и уверенности в том, что всё всегда будет хорошо!

И я покачала головой:

— Нет, не хочу.

— Знаю, что ты сама могла бы, — кивнула Герофила, — если бы пожелала.

Мы помолчали. Я поняла, что сивилла здесь — как бы аналог вельвы в Тёмном Лесу, только, в отличие от второй, не привязана к одному месту, а гуляет по всей территории, хоть и вдалеке от домиков учеников.

— Ты ведь здесь очень давно? — полуутвердительно проговорила я, — с самого восстановления Школы?

— Я была здесь гораздо раньше, пережила множество перерождений этой реальности…

С тех самых пор, как люди стали забывать богов и тех, кто имел дар прорицать и открывать их волю.

В голосе сивиллы сквозила грусть.

— Нас было двенадцать… Я упрекала людей в идолослужении. Мои подруги по божественному призванию имели каждая своё предназначение. К сожалению, сейчас мало кто знает и, тем более, помнит о нас. Даже книги наши сохранились в количестве трёх из имевшихся девяти. Это всё кумская сивилла, — Герофила с тёплым укором полуулыбнулась, — сожгла остальные в порыве упрямства, когда царь Тарквиний Приск отказался купить их у неё. Она всегда из нас была наиболее импульсивной. Однако хитрой — взяла с Приска цену за оставшиеся три, как за девять! И потом ещё, гораздо позднее, египетская Тараксандра, что ещё Агриппой прозывалась…

ГЛАВА 14

Я слушала, не решаясь перебивать. С таким жаром и наслаждением рассказывают ветераны о военных годах, о своих былых друзьях, о делах давно минувших дней всем, кто готов слушать. И в их интонации обычно звучит неизмеримая признательность за эту готовность. Погрузившись в прошлое, сивилла стала томной, опустила глаза, скользя взглядом по траве и цветам, на щеках играл румянец, она словно вспоминала ещё что-то, что не решалась или смущалась рассказать мне.

Наконец, Герофила подняла голову и благодарно улыбнулась.

— А какое дело тебя сюда привело?

— Если честно — никакое, я просто гуляла и думала, даже не подозревая о твоём существовании. Проблема, конечно, у меня есть, но…

— Хочешь получить пророчество? — оживилась сивилла, — ты не думай, я не потеряла былого дара! Хотя в последнее время мало кто балует своим обществом.

— Уже и не уверена, что смогу правильно растолковать, — поджала я плечами, — Лина мне столько напророчествовала, что голова кругом, а всё так размыто, двояко…

— Вельва? — поморщилась Герофила, — она может туману напустить! Тёмная, чего с неё взять…

Ого, даже среди аборигенов этой реальности существует разделение на Тёмных/Светлых!

— Нет, в самом деле, я не хочу. Для меня сейчас всё предельно ясно, остальное может только запутать.

— Как хочешь, — почему-то одобрительно улыбнулась она, — если ты жила в моё время среди людей, ты несомненно была одной из нас, умеешь видеть.

— Если бы я могла видеть так же ясно, как та же вельва…

— Ты можешь! — Герофила сжала мою руку, — ты можешь видеть абсолютно всё. Просто порой боишься…

— Не в страхе дело. Иногда люди закрывают то, чего не хотели бы показать и…

— Ерунда! — воскликнула она, — никто не может закрыть ничего от нас, видящих! Я ведь почти уверена, что ты — переродившаяся одна из двенадцати. Просто я не знала всех настолько хорошо, чтоб сказать с полной уверенностью. Но ощущение такое есть.

— Не задумывалась, кем была раньше, если честно. Меня больше волнует настоящее.

А в нём есть моменты, когда я действительно чего-то не могу

понять…

— Ну, теперь я точно уверена, что ты была сивиллой! — вздохнула Герофила, — сомневаешься, не можешь понять, а всё равно никогда не обратишься за помощью. Мы такие, гордые, всегда до всего доискивались сами! Даже друг у друга не спрашивали.

— Значит, я могу сама? Всё-таки МОГУ?

— Конечно, — беспечное пожатие плеч, — если решишься и пойдёшь напрямик, ты была одной из сильнейших.

Я задумалась. Напрямик… Ну конечно. Осталось только решиться!

— Скажи, Герофила, а почему ты не переродилась в человека вновь? Почему осталась тут?

— Я здесь нужна, — глядя прямо мне в глаза, проговорила она, — Альбунея, и ты нужна здесь тоже.

Меня как хлыстом огрело. Альбунея!

— Ты не хочешь вспоминать, — с горечью произнесла сивилла, всматриваясь в мои глаза, зрачки прорицательницы потемнели, — сама захотела не помнить. А жаль.

Надеюсь, всё переменится. Иди туда, куда идёшь, и мы увидимся ещё не раз.

— Ты сама напускаешь тумана, — усмехнулась я пересохшими губами.

— Да, вельву я зря очернила. Вижу, ты и от неё ничего не хотела узнать, боялась, оттого… А когда человек боится, его дух закрыт, мы не можем сказать ему напрямую. Ведь не воспринятое пророчество всё равно случится, а по пути к нему человек наломает дров из своего же страха и попыток свернуть в сторону.

— Вы же не предсказываете лишь плохое?

— Иногда и хорошее может быть слишком необъятным для человеческого ума, слишком шокирующим. Поэтому я тебе сейчас не говорю прямо, что знаю. Но это случится. И случится совсем скоро. А когда случится, ты поймёшь, Альбунея, и придёшь ко мне.

И тогда мы поговорим уже, как хорошие подруги и единомышленницы.

— Единомышленницы?

— Для меня Школа — мой дом, реальность, которой я служу, которой живу и благодаря которой существую. Я больше не хочу возвратиться в пусть и кратковременное, но забвение. Школа должна процветать и она будет процветать, ибо эта единственная реальность, дающая энергию вашему миру, миру людей. Пока она жива — в вашем мире не будет глобальных войн и самоуничтожения. Наши реальности взаимно хранят друг друга,

учат друг друга, дополняют друг друга.

Школа даёт людям возможность открывать знание в себе, выпускать силу наружу и осознавать, что это естественно и нормально. Учеников становится всё больше и больше, и каждый выпуск пополняет ряды новых людей на планете, понимаешь?

Настанет время, когда прекратит своё существование грань между нашими мирами… Но до этого ещё далеко и к этому нужно прийти, и кому-то — привести человечество. А оно пока упорно сопротивляется. Более того, в Школе тоже постоянно происходят сбои и неразбериха. Этому пришло время положить конец… А теперь тебе пора идти, Альбунея. До скорой встречи!

Сивилла отвернулась, бросив мою руку, словно сердясь за что-то, поднялась и зашагала прочь.

Столь резко оборванная тирада привела меня в замешательство. Чем более говорила Герофила, тем более я ощущала нечто непонятное, смутное настолько, что не могла увидеть чётко, глобальное внутри себя, которое очень хотело распрямиться, вырасти, заполнить всё сознание, но пока таилось, распластавшись где-то на дне.

Из груди вырвался сдавленный стон, я поняла, как плохо, как мало ещё знаю саму себя. Захотелось продолжения её слов, казалось, что ещё немного — и постигну ту суть, что не могу никак ухватить… но она уходила. Решительно, непоколебимо. Я поняла, что сивилла специально подвела меня к этой грани, не пробудила до конца неведомое «нечто», потому что это моя задача, только моя.

А ещё я поняла, что очень скоро этот процесс произойдёт. Необратимо двигаюсь к нему, сама не понимая до конца — хочу ли таких перемен. Но размышлять над этим уже поздно, ибо всё это уже ПРОИЗОШЛО, просто я, задержавшись в пути, пока не дошла до искомой точки.

Открыв глаза, долго лежала совершенно расслабленная, почти не дыша, в кромешной темноте и полной тишине, ощущая биение собственного сердца, как будто со стороны. Потом протянула руку и зажгла ночник. Часы показывали половину шестого, рассвет уже скоро, однако во всей квартире сейчас не сплю только я. Села в кровати, подтянула колени к подбородку, уставилась на стену, где красовалась фотография монастыря Миларепы, подаренная Сергеем, и прошептала:

— Милые мои помощники, если я и впрямь была когда-то сивиллой, то почему я захотела взять с собой свои способности и в эту жизни? Неужели ещё тогда не тяготил меня дар? Ведь так непросто быть не такой, как все люди и скрывать это…

И тут же получила ответ:

«Благодаря дару ты и нашла Его, именно для этого перенесла способность прорицать в жизнь эту, чтоб воссоединиться с любимым. Чтоб спасти его сейчас…»

Да, именно для этого. Но что-то есть ещё…

«Есть. И очень скоро ты поймёшь сама».

Закрыла глаза, откинувшись на подушку.

Субботнее утро встретило негромким постукиванием в дверь.

— Алишик… Ты спишь?

— Нет, Пашунь, уже нет, заходи! — ответила сонно и подтянула к груди одеяло.

Павел протиснулся в дверь.

— Разбудил? Вообще-то уже девять и Макс беснуется, хочет репетировать…

— Без репетиций, — покачала головой, — Виолетта уже встала?

— Ни звука не доносилось, похоже, ребята решили тихонько понежиться в кроватке.

Павел впервые допустил в голосе мягкие, сентиментальные нотки, я-то привыкла к его всегдашнему строгому, суховатому тону. Посмотрела заинтересовано.

Поймав мой взгляд, Паша смутился и отвернулся. И я с лёту прочла его мысль о том, что как-то это не совсем правильно: я полуголая под одеялом, приятный полумрак от задёрнутых штор и…его замешательство из-за охватившего моего старого друга неожиданного, непредвиденного желания.

Легко улыбнулась. Конечно, так нельзя. Он всегда тепло ко мне относился, корректно держал дружескую дистанцию, но ведь он — мужчина и, хоть раньше в его мысли я не лазила, по-особому оценивает нашу дружбу.

— Я… пожалуй пойду… — пробурчал Паша, демонстративно заинтересованно разглядываю изображение монастыря, — Алиса с Витом уже на стол накрывают и подарки раскладывают…

— Ага, я сейчас, — кивнула, — помогу.

Паша, коротко глянув на меня, быстро вышел, я же вздохнула и принялась одеваться.

На кухне мы с шутками и прибаутками украсили праздничный стол огромным тортом, о котором накануне позаботился Славик, заварили чай. Подарки сложили рядышком, на тумбочке, туда же водрузила и ноутбук. Почётная миссия будить именинницу досталась, по каким-то общим соображениям, мне.

Подходя к двери, уже знала, что ребята не спят, а вовсю работают за компьютером.

Точнее, за ноутбуком корпела Лета, Серёжка рассматривал

ворох бумаг, сидя рядышком, прямо на полу.

— С днём рождения, Летик! — я без стука заглянула в комнату.

— Ой, спасибо… — она смутилась, — ты вспомнила…

— Не просто вспомнила и не только я, а и приготовили тебе сюрприз. Пойдёмте на кухню, ребята!

Серёжка непонимающе глянул — так глубоко погрузился в документы, а потом вернулся в реальность улыбнулся заговорщически.

— На кухню? А что там? — вдруг испугалась Виолетта.

— Куча сладостей и подарков, — «раскололась» я.

Вилка покраснела.

— Я не ожидала, просто нереально как-то…

— А что ты пишешь? — я подошла поближе.

Девушка вдруг закрыла ладошками экран.

— Ой, нет, не смотри! Хотя… — Серёжка рассмеялся, она опустила руки, — от тебя ведь не утаишь… Алиш, я вот хотела с тобой посоветоваться…

— Я знаю, — кивнула, не скрывая улыбки, — об этом мы чуть позже поговорим, ага?

Пойдёмте же, виновники сегодняшнего празднества, чай стынет и ребята заждались!

— И я виновник? — прищурился Сергей, поднимаясь.

— Конечно, вы же две половинки одного чудного союза!

— А! Подождите! — Виолетта заметалась по комнате, — я же, как чучело одета, да и накраситься…

— Оденешься и накрасишься, когда поедем в ресторан, — остановила подругу за руку, — а сейчас все в домашнем и неприхотливом, хотя, понятно, ты же хочешь быть королевой сегодня везде…

— Нет! Я не хочу выделяться, и так сейчас сгорю от смущения… — Вилка просто пылала щеками, — ни разу ещё у меня не было такого дня рождения.

— Пошли, — улыбнулась я, приобнимая за талию, Серёжка с другой стороны.

— С днём рождения! — грянуло многоголосье, едва мы ступили в кухню.

Лета совсем стушевалась, тихо проговорила:

— Спасибо, ребята…

Уселись пить чай, ребята наперебой рвались потаскать Виолетту за уши — всё-таки 20 лет исполнилось человеку! Гора подарков на тумбочке приятно радовала глаз, и я чувствовала, как не терпится Лете добраться до них.

Со всех сторон неслись пожелания, одно причудливее

другого, банальных вещей, типа «здоровья, счастья, денег» никто не желал, точнее, желали именно их, но в изощрённых оборотах, вроде: «Пусть так случится, что когда ты умрёшь, тебя похоронят под столетним дубом…который посадили сегодня!» и так далее…

Импровизированные тосты подкреплялись чоканьем кружками с чаем, все веселились от души, Вилка искренне наслаждалась сюрпризом. Но она не подозревала, что главный сюрприз назначен даже не на после обеда, когда намечался концерт в ресторане, а на вечер. Серёжка с помощью Макса, знающего Москву получше иного коренного москвича, приготовил уютный столик на крыше одного небоскрёба, закрытый от ветров и непогоды, но позволяющий обозреть панораму города и звёздное небо (при безоблачной погоде). Романтический вечер — и весь мир у ног!

Ребята все были в курсе этого сюрприза и загадочно помалкивали, но внутри себя каждый втихую завидовал по-хорошему предстоящему празднику сердец этой прекрасной пары. Одна только я немного грустила. Это прекрасный день, но… но вечерним планам Серёжи не суждено сбыться. Такой вот день, начавшийся счастливо.

И есть в нём кое-что, способное оборвать это счастье навсегда. И сегодня либо это случится, либо нет. Всё зависит сейчас от нас и самой Вилки. От меня — в меньшей мере, поскольку, имея дар предвидения, я несу огромную ответственность за происходящее и не имею права вмешиваться в поток событий. Разве что предупредить. И я уже сделала это, днями раньше. Больше нельзя, теперь всё будет, как будет…

Счастливая именинница, расположившись прямо на ковре в своей комнате, распаковывала подарки в окружении Славика, Алисы, Виталика и Серёжи. Макс с Пашей уехали в ресторан, заранее проверить аппаратуру к концерту и проконтролировать приготовление к празднику Леты. Я сидела тут же с ногами в кресле и наблюдала.

Бурные восторги оглашали комнату, радостные восклицания Вилки по мере открытия очередного сюрприза, радовали и остальных. Алиса с Виталием подарили абонемент в их тренажёрный зал на год («Глупая условность, Вил, ты всегда можешь приходить бесплатно!») и сообщение о том, что два других подарка — новенькие велосипеды для неё и Сергея — ждут их в Питере («Мы тут летом собрались с Витом махнуть в велопутешествие, вы ведь с нами, а?»). Славик, ото всей честной компании друзей, преподнёс новенький мобильник с кучей самых невероятных функций и мягкую игрушку — мышонка («А это от меня лично!»). Павел с Максом подарили прикольное надувное

кресло («Чтоб бросала привычку сидеть с ноутом на полу!»), а Серёжка, покраснев, приподнёс плюшевого медвежонка, цветы и бархатную красную маленькую коробочку.

Не надо быть экстрасенсом, чтоб догадаться, что в неё находилось, но когда Вилка, изумлённо-счастливая продемонстрировала чудесное колечко, охнула даже я.

Навскидку, его стоимость затмила остальные подарки вместе взятые, но Сергей поймал мой взгляд и поднёс палец ко рту. Вилка поцеловала его довольно целомудренно, но стало понятно, что основная благодарность будет выражена позже и без лишних глаз. Ну и, конечно же, мой подарок…

Обнаружив ноутбук, Лета нежно провела по его поверхности рукой, оглянулась и благодарно улыбнулась мне.

— Спасибо, Алиш… ты даже не представляешь… я… он мне так нужен…я не верила, что ты тогда не шутила.

— С чудесами не шутят, — рассмеялась я, — ты теперь понимаешь, что это мой ответ на твой вопрос?

— Да, я колебалась — писать или нет. Наверное, действительно нужно написать эту книгу.

— И не одну! — я проницательно взглянула ей в глаза.

— Мне бы посоветоваться с тобой…

— Так, ребятки, давайте-ка за мной, поможете на кухне замести следы пирушки, а то скоро отправляться, домового надо задобрить чистотой! — невероятно проницательная Алиса принялась выгонять всех из комнаты.

— Летик, ты сама всё правильно чувствуешь, — кивнула я, едва комната опустела, и дверь закрылась, — не зря тебе пришла эта идея, написать про Школу. У тебя отлично получится.

— Да но… Пишу и ощущаю пробелы, нехватку материала, прежде всего я в растерянности из-за истории Школы, не уверена, что обладаю верной информацией.

Да и вообще — не успела хорошо узнать территорию Тёмного Леса, настолько, чтоб свободно описывать в романе, а Светлого — не знаю вовсе. А так как доступ мне туда отныне закрыт, то…

— Не торопи события. Пиши сейчас, что знаешь, что помнишь. А я обещаю, что скоро для тебя откроется доступ в любой уголок Школы, на любой территории. Ходи, где заблагорассудится, смотри, записывай, фиксируй.

— Правда? — она аж подпрыгнула, — но как?! Вряд ли кто-то из Учителей мне поспособствует в этом! Такое ощущение, что Школа — закрытое пространство, сверхсекретное… Подумай сама, Вольку похитили оттого, что лез не в своё дело, а ты говоришь…

— Лета, я знаю, что говорю. Через пару недель мои слова

станут явью, так что поспеши пока записать всё, что помнишь на данный момент, новые впечатления потом накроют лавиной.

— Но… На правах кого я там буду присутствовать? — она растерялась.

— Да это уже неважно, — я пожала плечами, — научу тебя переноситься в Лес без кольца.

— Это возможно?!!

— Ну, я же переношусь.

— Ты — это ты, — глубокомысленно изрекла Виолетта, — а я — это я.

— Не веришь в свои силы? Неужто никогда не творила в реальности того, чему научилась там? — лукаво прищурилась.

По тому, как покраснела девушка, я поняла: творила и ещё как.

— Вот-вот, а переноситься в Школу не труднее, чем открыть тут портал, скорее даже проще.

— Значит, я действительно смогу это…

Вилка погрузилась в сладкие раздумья. Не желая мешать ей, тихонечко встала и выскользнула из комнаты. За дверью меня перехватил Сергей.

— Спасибо, Алик, ты так вдохновила Лету!

— Это её Путь, — я пожала плечами.

ГЛАВА 15

В ресторане громко звучала музыка. Уже на подъезде к нему, я улыбнулась, фиксируя: вечер будет интересным и неоднозначным. Похоже — не очень длинным.

Едва мы шагнули в двери, навстречу выскочил Макс и быстро распределил нас в разные стороны: всех перепоручил официанту и тот повёл ребят к столику, меня же — лично проводил в гримёрку. Она, должна признаться, здесь была великолепной: большая, просторная, почти за самыми кулисами, через коридор. Судя по звукам из зала, конферансье объявлял очередной номер.

— Я не одна выступаю, — скорее утвердительно, чем вопросительно кивнула я.

— Да, но не переживай, здесь гримёрок несколько, не пересечёшься ни с кем.

— Ладно, не в том дело! С Анжеликой в Питере мы прекрасно уместились в одном, вдвое меньшем помещении, — я быстро начала раздеваться и выкладывать косметику, — какой расклад по выступлению?

— Значит так, — Макс потёр переносицу, я ощутила его усталость и легонько приуменьшила, — выяснилось немного не то, что мы ожидали… Ресторанчик этот литературный, как ты уж знаешь…

— Ага, — я вспомнила вывеску над входом: «Крыло Пегаса».

— Так вот, чтения со сцены и обсуждения творческих опусов здесь начинаются в половине девятого вечера, а до этого времени — всегда музыкальные выступления. И не звёзд каких-нибудь с громкими именами, а начинающих, восходящих, так сказать.

Кстати, я бы тебе назвал несколько имён, которые впервые выступили именно здесь…

— Не надо, — сморщила я носик, — знаю сама, давай дальше.

— Мы милостиво были причислены к рядам новичков и допущены до святая святых — сцены сего благородного заведения. Однако милость распространяется лишь на пару песен. Алик, выбери две, которые исполнишь, я приготовлю фонограмму.

— «Твой путь», спою её специально для Виолетты, ей это нужно сегодня, и, пожалуй, «Ну почему я не птица», это моя первая была в Питере, пусть первой и тут будет. Кто знает, авось завтра проснёмся звёздами шоу-бизнеса, — шутливо пожала плечами.

— Ты возможно, а мы, скромные труженики тыла, всегда

остаёмся в тени! — проворчал лукаво Макс.

— Не выйдет в тени отсиживаться! — погрозила я пальчиком, — будете покорно жариться в лучах славы со мной наравне, если что!

— А что? — хитро спросил он, — ты же знаешь, скажи, как сложится?

— Не скажу! Максим, а Паша где?

— Беседует с директором. Договаривается, чтоб твоя очередь подошла поскорее, не затягивать с выступлением.

— Ясно, — махнула рукой, и парень послушно отвернулся, а я начала переодеваться, — он уже договорился, мне выходить сейчас, после этой песни…

— Тогда побежал за фонограммами! — встрепенулся Макс, — удачи, родная!

— Спасибо.

Я осталась одна в гримёрке. Быстро нанося косметику на лицо, вслушивалась в происходящее на сцене. Какая-то девушка пела нежным высоким голосом, кажется, романс.

Воспримут ли меня так же восхищённо, как сейчас весь зал, затаив дыхание, слушает её?

Вот отзвучала последняя нота и вместе с этим закончены приготовления. Я едва шагнула к двери, как в гримёрку тут же ворвался взбудораженный Павел.

— Алишик, готова? Макс всё настроил, пора на выход.

— Готова…

Я волновалась каждый раз, как в первый. И хотя знала, что публика меня примет, да даже если бы и не приняла — не страшно, ведь не ставлю целью прославиться — всё равно всё внутри переворачивалось от необходимости сделать первый шаг из-за кулис. Снова я не знала сцену, опять не успела заранее ощутить её под ногами, но уж раз всё так быстро и спонтанно получается — так тому и быть.

— Идём!

Паша взял меня нежно под руку и вывел в коридор. Уже перед кулисами обнял и чмокнул в лоб, в волосы. Я затрясла головой и руками, пытаясь успокоиться, слушая, как конферансье объявляет моё имя и название первой песни. Первой поставили «Твой Путь». Заиграло вступление. Конферансье отступил за кулисы и ободряюще улыбнулся мне.

— Ни пуха, — шепнул Паша.

Я шагнула на сцену, окунаясь в яркий ореол огней. Здесь освещение было несколько иным, нежели в «Кельтском диколесье», софиты не так ярко светили в лицо, в отличие от полумрака зала. Сейчас я смогла отлично рассмотреть зрителей.

Именинница со-товарищи сидели за центральным столиком. Вилка вся сияла, не сводя с меня глаз, я благодарно улыбнулась за невидимую, но очень весомую поддержку.

Пробежала глазами по аудитории и вздохнула: интеллигентная, возвышенная публика, поэтического склада. И если в «Диколесье» мне могли что-то простить, то тут уловят малейшую ошибку. Благо хоть спишут на статус новичка, если что.

Спеша к микрофону, я одновременно занималась очень важным делом: настраивала портал между этой реальностью и реальностью Школы. Мысленно позвала Волю, услышала сердцем, как он откликнулся, и пространство пошло рябью. Но видела это лишь я. И ещё Вольдемар, сидящий в Светлом Лесу на нашем месте (несмотря на то, что глубокая ночь царила там). А потом пространство словно раздвинулось, и я воочию увидела любимого. Нечётко, но поняла, что он хорошо видит меня.

Вздохнула легко и запела…

Пела для Вилки, целенаправленно, посылая подруге поток. И она поймала его, вошла в него, слилась со мной. Лета кивала зачаровано, а в глазах стояли слёзы.

«…И пронеси, и вознеси
Всё чем живёшь, творишь и дышишь
Свой путь любовью воскреси,
И сфер мелодию услышишь…»

С каждым словом в ней зрела решимость осуществить задуманное. И я знала, что она теперь не отступит от этого пути.

На середине песни у меня от трогательно-нежного взгляда подруги перехватило дыхание. Ценой невероятного усилия удалось не оборвать ноту, не сфальшивить, а потом, в проигрыше, я перевела дух.

В зал вошёл Богдан.

Посмотрев мельком на сцену, он кивнул, приветствуя меня, и остановился в дверях.

В руках мужчина держал большой букет алых роз. И я знала, что предназначается он мне. Продолжая песню, тихо качнула головой и перевела взгляд на Вилку. Богдан проследил за ним и улыбнулся. К нему подошёл официант, что-то получил в руку и, бойко лавируя между столиками, повёл Богдана к крайнему в углу. Больше свободных мест не было.

Не понимая, что творится со мной, я пела, но внутри всё пылало. От взгляда новоприбывшего ли, от волнения ли, вызванного затишьем публики? Ощущая на себе этот горящий

взгляд, я ощущала так же и Волькин — ласкающий, родной, и взгляды многих других людей — спокойные, интересующиеся. И пела — уже не для них, а для самой себя, повторяя мысленно, что это мой Путь и иду я по нему твёрдо и уверенно, словно пытаясь себя убедить в чём-то.

А реальность творилась сейчас вокруг, закручиваясь таким причудливым узором, что растерянность наполняла душу, грозясь перелиться через край.

Закончив песню, я нежно улыбнулась и прямо в микрофон вслух поздравила Виолетту с днём рождения, выразив дежурные пожелания, а потом, закрыла портал и стремительно упорхнула за кулисы. Аплодисменты довольно горячие, проводившие меня, успокоили, сняли напряжение ожидания. Краем глаза, успела заметить, как Богдан встал, приблизился к именинице и подарил букет роз ей. Вилка смутилась, совсем растерялась и приняла цветы с ярко-пунцовым лицом.

Мне показалось странным, что я сначала подумала, что букет этот для меня. Сейчас я была твёрдо убеждена, что он с самого начала предназначался Виолетте. Но… не спрашиваю, откуда Богдан узнал заранее об её празднике, однако почему такой щедрый подарок? Довольно странно для человека, не знакомого с ней ранее. Что он хочет этим сказать? Красивый жест специально для меня? Как джентльменский жест — это довольно круто, пожалуй, даже перебор.

Словно маленькая девочка, я в очередной раз потерялась совершенно, не имея возможности получить хоть какую-то информацию о нём и о том, что у него внутри.

— Молодчина, — Паша обнял меня, подрагивающую, за плечи, — пойдём пока, передохни. Всё в порядке?

— Да, Пашунь, всё хорошо, — я с трудом сдерживала дрожь, почему так реагирую на этого странного и непонятного малознакомого человека?

— Отлично спела, у меня снова мурашки по коже… Сколько слушаю, а всё как в первый раз! — похвалил друг, и я знала, искренне.

Мы вошли в гримёрку, прикрыли дверь. Я вернулась к зеркалу, Паша прикорнул на стуле.

— Ребята! — ворвался Макс, едва уселись, — мы произведём фурор, хоть Алишу не спрашивай! Молодец, девочка.

Подлетел ко мне восторженный, расцеловал в обе щеки.

— Когда следующая? — немного устало спросил Павел.

— Так через одну, сейчас Аза, потом вновь Алиша, с «Птицей…».

— После выступления можно будет присоединиться к

ребятам, я оставил места за столиком, — Паша озабоченно посмотрел на меня, — ты что-то неважно выглядишь, всё нормально?

— Всё хорошо, — улыбнулась через силу.

Ну не объяснять же другу, что много сил ушло на открытие портала к Воле, да ещё сегодня решающий денёк. Многое может случиться, а может и не случиться… Оттого и на нервах, да ещё приход Богдана. А ведь сама позвала его.

Тёмный тип, есть на его счёт кое-какие подозрения, однако, не время их проверять и не место. Сейчас гораздо важнее Виолетта с её праздником.

— Ну, перевели дух, пора и возвращаться, — Паша поднялся, подал мне руку.

Мы вернулись к кулисам, где знакомый уже конферансье робко попросил мой автограф, сказав, что песня его потрясла, равно как и голос. Расписавшись в блокноте, я уже смелее шагнула на сцену. И вдруг ощутила разлитый в пространстве безграничный покой! Словно волна тепла извне окутала, наполняя жизненной энергией. Я и сама собиралась уже подключаться, но меня опередили. Кто-то поставил меня в поток. И это не были мои невидимые помощники и хранители, это был человек во плоти, с мощной энергетикой.

Благодарно улыбнувшись Богдану, шепнула одними губами: «Спасибо!»

Закрыла глаза и запела…

Эта песня мне особо дорога, она родилась самой первой и наиболее выражает мою внутреннюю суть. Здесь я всегда искренна со слушателями, они чувствуют это и отвечают взаимностью.

Через две минуты зал просто переливался от светлых и вдохновенных энергий, переполняющих людей. Я, сжав руками микрофон, наслаждалась чудесными узорами пространства и вновь открыла портал к Вольдемару, пусть посмотрит и он. Отличие пребывания человека в тонком лишь теле от пребывания в физическом — в том, что второй не видит всего того, что видит первый. И Волька тоже замер от восхищения.

Уже заканчивая песню, шепнула ему мысленно: «Это всё, пока, любимый…» и закрыла портал.

Отзвучала последняя нота, а я стояла и не уходила со сцены, опустив голову, с трудом сдерживая слёзы от нахлынувших эмоций. Так мне хотелось сейчас превратиться в птицу и взмыть в небо, улететь к самому дорогому человеку, в ту далёкую реальность.

Зал взорвался аплодисментами, и сейчас они значительно

превосходили реакцию на первую песню. Не могла себе толком объяснить, почему всех так трогает именно эта? Может, позволяя звучать своей душе, в самом сокровенном её проявлении, я получаю отклики душ аудитории, настоящие, непредвзятые, глубинные?

Не заметила, как воцарилась тишина, а бесшумно приблизившийся Павел тронул меня на руку, приобняв, увёл со сцены, не за кулисы, а к ступенькам.

Мы спустились в зал, ловя восхищённые взгляды со всех сторон. Однако…отчего-то поёжившись, я обернулась и наткнулась на каменное выражение лица Богдана. Он сверлил меня глазами, но взгляд был недобрым, леденящим.

Сердце ухнуло вниз — не понимаю я этого человека, то он один, то вдруг резко меняется. Что-то безусловно неприятно поразило его, но что? Почему пять минут назад улыбавшийся мне и посылавший поток поддержки, сейчас он просто «уничтожает» меня взглядом, с трудом удерживаясь, чтоб не уничтожить в реальности. Что повлияло на его настроение?

ПОРТАЛ!

Ну, конечно, он увидел, как я открывала и закрывала порталы между реальностями: нашей и Школы.

Вот в этом сильно сглупила. Наполненная эйфорией притока свежих сил, упустила из виду, что в зале будет умеющий «видеть» и понимать, что к чему… И именно Богдан — тот, кого я подозреваю в первую очередь! Теперь он воочию убедился: девочка Алиша не только знает о Школе, но и имеет туда доступ.

Я похолодела от макушки до пят, закрывая запоздало свои мысли.

Не успела ещё присесть за столик, как Богдан поднялся и вышел из зала, тяжёлым жёстким шагом.

— Алишик, спасибо тебе… — Вилка положила голову мне на плечо, в глазах стояли слёзы, — это необыкновенный подарок, я ощутила ТАКОЕ! Ведь ты пела для меня?

— Да. Для тебя, Лета… — помертвевшими губами проговорила, уходя в себя.

Все вокруг что-то говорили, восхищались, теребили меня, смеялись. Потом на сцене появились очередные исполнители, трио: совсем юные парни и девушка со звонкими голосами, поющие а-капелла и подыгрывающие себе только лишь кастаньетами. Все зачарованно уставились на выступающих, дав мне возможность остаться наедине с мыслями.

Я «видела», как Богдан едет по улицам, где уже сгущались сумерки, в своём кабриолете, нервно постукивая пальцами по рулю, пытаясь успокоиться. Я, вероятно, выбила его мощно из

себя, коль он даже на время забыл о защите. Однако в следующий миг, ощутив «присутствие», Богдан усмехнулся, щёлкнул пальцами, и я потеряла возможность его видеть.

Но теперь случайно обрела знание, как сделать так, чтоб он приоткрылся. Как вообще добиться бреши в защите другого человека. И это знание мне в ближайшее время очень пригодится.

Вдруг невероятно сильно захотелось встать и уехать, вернуться домой, в тишину квартиры, лица вокруг сливались в одно бесконечное смазанное пятно, голоса пошли гулом. Задыхаясь, глотнула воздуха, но он был какой-то спёртый.

— Паш… мне на свежий воздух надо… — шепнула я верному другу.

— Пойдём.

Без лишних слов помог встать и, лавируя меж столиков, повёл к выходу. Ребята удивлённо посмотрели вслед.

На улице оказалось морозно, а верхняя одежда осталась в гримёрке. Паша быстро снял куртку и накинул мне на плечи.

— Подыши и пойдём внутрь, — сурово сказал он, — а то замёрзнешь.

— Паш, я хочу домой… — проговорила жалобно.

— Прямо сейчас?

— Да. Я ведь уже всё спела.

— Тебе нездоровится! — утвердительно произнёс Павел, — чего же молчала?

— С моим здоровьем всё в порядке. Просто…предчувствие.

Из дверей вдруг высыпали по одному: Вилка, Сергей и Макс, несущий в руках мою шубу. Я отдала Паше куртку и оделась.

— Алишик, что с тобой? Устала? — ласково спросила Лета.

Я покачала головой, безмятежно улыбаясь, но ребят было не обмануть.

— Мы вот подумали — может вернёмся домой? — спросил Сергей у нас всех.

— Ребята, вы не хотите на чтения остаться? Да и номеров музыкальных ещё много будет, вечер только начался.

— Самое большое удовольствие тут мы уже получили, — улыбнулась Вилка, — стихи меня не интересуют, а интересует общение с друзьями. Если честно, это один из немногих самых счастливых дней в моей жизни и я хочу разделить его только с любимыми людьми.

Сергей обнял её нежно.

— Отличная идея, — кивнул Павел, — давайте все сбежим?

— Я пошёл за вещами Алика, ты, Серёга, приведи остальных.

— Я вызываю такси, — поддержал Паша.

Через полчаса мы в тёплом салоне скользили по

потемневшим московским улицам, я даже задремала на плече Макса. Ребята ехали следом в другой машине.

В голове воцарилась пустота, не хотелось её ничем заполнять. Что я с удовольствием и делала. Авось скоро настанет ночь и страшное минует…

ГЛАВА 16

Страшное не миновало.

Едва мы ступили в квартиру, и я уже вздохнула с облегчением — зазвонил городской телефон. Межгород.

Все замерли и тревожно переглянулись.

Павел шагнул, уверенно снял трубку.

— Да, слушаю. Да, она здесь. Минуточку.

Повернулся, протянул трубку Вилке.

У меня перехватило дыхание. Девушка взяла, но не торопилась поднести к уху, посмотрела на нас нерешительно. Я поняла её безмолвную просьбу и вытолкала ребят из коридора в кухню. Похоже, Виолетта поняла, кто звонит.

— Да, мама, это я, — услышала я робкий голосок, перед тем, как закрыть дверь.

— Что там такое? — испуганно спросила Алиса.

Я закусила губу.

— Ребят, пожалуйста, ни о чём не спрашивайте. Просто все выходим сейчас и быстро-быстро перебираемся в комнату мальчишек, договорились? Лете нужно поговорить спокойно и без свидетелей. Это её судьба…

— Алиш? — Сергей побледнел.

Я молча кивнула.

Под Пашиным руководством компания покинула кухню и, не раздеваясь, гуськом перебралась в комнату. Со мной на кухне остался лишь Серёжа.

— Скажи мне всё, — приказал он строго, — как есть.

— Звонит мама Леты. Она пьяна и вне себя от гнева, что дочь не рядом. Сейчас важно, чтоб Виолетта не сломалась…

— Можно я выйду к ней?

— Не сейчас…

Я прислушивалась, прощупывала лихорадочно пространство вокруг девушки, пыталась разрядить волны агрессии, окутавшие её. Я почувствовала слёзы, бегущие по Вилкиным щекам. Я почти услышала злые мамины слова в адрес дочери. Я ощутила возрастающую в душе Леты злость и ненависть. Она закрывалась, отгораживалась плотным барьером от кошмара, который вновь всплыл в её жизни в тот самый момент, когда бедняжка уже поверила в хороший исход, почувствовала себя свободной.

Сейчас же что-то рвалось в её душе, стремительно уничтожалось, и темнело на сердце.

— Ненавижу тебя… ты меня убиваешь, понимаешь или нет? Забудь обо мне раз и навсегда, я умерла для тебя! — прошептала

Вилка в трубку с таким отчаяньем и такой горечью, что я кивнула:

— Пора!

Одновременно с Серёжей мы вышли в коридор в тот самый момент, когда именинница бросила трубку и бессильно заливаясь слезами, опустилась на пол.

Мы присела рядом с двух сторон, я обняла за плечи.

— Алишик… — плакала девушка, уткнувшись лицом мне в грудь, — она снова пьёт, она выгнала дядю Стёпу, она даже не вспомнила, что у меня сегодня день рождения, а когда я напомнила — сказала, что лучше бы я не рождалась вообще!

— Милая, это всё не она, это всё водка в ней говорит, ты ведь понимаешь, — я пыталась достучаться до разума Леты, — она очень тебя любит, просто ей сейчас нелегко и нужна поддержка…

— А мне она не нужна? — Вилка подняла на меня заплаканные глаза, — я бы помогла, но… она вот так! Зачем? Разве нельзя иначе?

— Можно. И всё наладится. Я тебе помогу, а вместе мы поможем твоей маме.

— Нет! Всё, хватит! — Вилка шмыгнула носом и решительно вытерла слёзы, — я больше не могу и не хочу. Она сама отказалась от всего, что давала жизнь в помощ: от Степана, от Ванюшки, от меня… Всё ведь было хорошо, живи и радуйся…

Почему?! Нет уж, всё кончено. Не хочу её видеть больше, лучше умереть…

— Не говори так, — попросил Сергей, — милая, я с тобой и…

Но Вилка его не слышала.

— У меня больше нет матери, а у неё дочери. Пусть теперь сама, как хочет. Не вернусь больше туда, буду скитаться где угодно, но к ней не вернусь. Я для неё умерла и она для меня тоже.

— Не спеши хоронить…Лета… Прошу тебя, не говори сейчас в гневе того, что не сказала бы никогда…

Виолетта вдруг подняла на меня пылающий чёрной злобой взгляд, невидящий ничего светлого в этом мире, желающий его уничтожить вовсе… Отодвинулась от меня.

— Знаешь что, Алиша, не смей указывать — что говорить, а чего нет. Тебе не понять, что значит жить с мамой-алкоголичкой!

— Да, ты права. Мне и вправду не понять, что значит жить с мамой… У меня её не было.

Вилка закусила губу и несколько стихла.

— Знаешь, у нас в детдоме был один мальчик, Серёжа Зубков. Так вот, он был в нашей группе единственным, у кого мама всё-таки была! Правда, её лишили материнских прав из-за пьянства.

Но по воскресеньям она приходила к забору и виделась с сыном. Они часами разговаривали. Плакали вместе. Но перестать пить его мать не могла, слишком далеко зашёл алкоголизм. А Серёжка потом просил воспитателей: «Отпустите меня домой, ну, пожалуйста! Я хочу к маме!» Наша Вера Антоновна, доброй души женщина, качала головой: «Серёженька, ну что ты, ну какая с неё мать Ты забыл, как голодал днями? Здесь всё лучше тебе, и накормят и спокойно… Государство позаботится, если семьи нет» А Серёжка ответил: «Я люблю её любой. Она — МОЯ МАМА! И мне неважно, чего нет у нас: еды или денег, я просто хочу быть рядом с ней, обнимать перед сном и говорить, как люблю её. Я знаю, что если буду рядом, она перестанет пить и всё наладится. Она же погибнет без меня!»

Это говорил десятилетний мальчик, Лета. А потом, когда оставалось две недели до его совершеннолетия, и он ждал, когда уже покинет казённые стены и сможет вернуться домой к матери — она вдруг умерла. Не дождавшись сына, всего за 14 дней. А ждали они этого почти десять лет! Когда он пришёл в родную квартиру, мать уже похоронили. Вот так. Он до последнего верил, что вернётся, устроится на работу, будет помогать ей — и она бросит пить, всё наладится. Она ведь и вправду так ждала, что стала меняться, всё чаще приходила трезвой. А сердце отказало неожиданно. Такой вот поворот.

Я больше не имела, что сказать, поднялась опустошённая и ушла в свою комнату.

— Ты права, Алиша! — неожиданно, странным голосом, крикнула за дверью вслед Вилка, — и она права тоже! Вы все правы!

Присев на кровать, прикрыла глаза. Кажется, я только что сделала что-то не так.

Через пару секунд хлопнула входная дверь. Я вскочила, а в следующую минуту в комнату влетел Серёжка.

— Алишик, она… убежала!

— Как?! Почему ты отпустил?

— Сказала, что прогуляется во дворе, пока я одевался и следом… она села в такси и умчалась.

В ту же секунду я «увидела» Вилку, едущей в аэропорт. Она звонила с мобильного, договариваясь о билетах. Она всё решила. И её ждал уже самолёт. Тот самый, что станет её судьбой, от которой мы не смогли уберечь.

— Скорее!! — закричала я, выбегая из комнаты.

Сергей не знал того, что видела я, но мой безумный взгляд натолкнул его на правильное понимание происходящего. В мгновение ока парень вспомнил наш недавний разговор и

предупреждение.

На такси не везло, как назло, словно все они собрались где-то в другом районе Москвы, мы даже попутку поймать никак не могли. Мчались отчаянно с Сергеем по тротуару, не соображая ничего толком, в ту сторону, куда уехала Лета.

Истончалась, испарялась, рвалась та нить вариантов, которая уводила от трагедии.

Наша подруга сама бежала навстречу ей. И мы помогли в этом: я и Волька. Он — тем, что привёз девушку сюда, я — поддавшись эмоциям, наговорив лишнего и спровоцировав на побег. Вилка смертельно рассердилась на мать и не поехала бы никуда, я же своими руками развернула ситуацию в другую сторону.

Вдруг, словно сквозь туман, рядом визг тормозов и знакомый голос:

— Алиша, сюда!

Я затормозила, споткнувшись, как громом поражённая, обернулась. Из остановившейся посреди дороги знакомой вишнёвой «Бентли» кричал Богдан. Со всех сторон ему сигналили, орали водители автомобилей, которых тут не было ещё минуту назад, даже в вечернее время в этом районе постепенно образовывалась пробка.

Махнув Сергею, не раздумывая, я поспешила к машине. В мгновение ока мы оказались в салоне и рванули с места.

— Извини, что не сдержал слова, — сквозь зубы проговорил Богдан, выруливая на повороте, — твои мысли вопили на весь город.

— Слишком поздно… — на глаза навернулись слёзы.

— Ничего не поздно, — рыкнул Богдан, — не раскисай, успеем.

— Это я во всём виноват, — Серёжа сидел бледный, как стена.

— Я не меньше тебя! Не вижу других вариантов! — отчаянье захлёстывало всё сильнее.

— Я вижу! — голос Богдана меня пугал.

Было совсем непонятно, отчего он, совсем мне не друг, так рьяно кинулся на помощь малознакомому человеку? Может быть, таким образом, он намеревается потом выставить мне счёт и заставить сотрудничать? Что ж, пусть так, лишь бы Летка осталась жива-здорова!

— Ты знаешь, куда ехать? — осторожно спросила я, он молча кивнул.

Припарковавшись где попало, мы выскочили из машины раньше, чем заглох мотор.

Богдан крикнул Серёже, чтоб тот оставался около автомобиля.

Я не сводила глаз с нечаянного помощника, казалось, он не реагировал на реальность вокруг, словно к чему-то прислушивался, потом махнул рукой на одно из зданий аэропорта:

— Туда.

Здание было изрядно наполнено людьми, Вилка прибыла аккурат к самой посадке. В аэропорту «Домодедово» авиакомпания «КрасЭйр» проводила чартерные рейсы Москва-Санкт-Петербург-Москва на частных самолётах. Очень удобно, совершенно недорого и всего час в полёте.

Уже вбегая в здание, мы одновременно закрутили головами по сторонам.

Богдан цепко высмотрел Виолетту в толпе, метнулся к ней. Девушка двигалась быстро, не разбирая дороги, но он оказался проворнее, настиг в несколько секунд, схватил за руку. Вилка молниеносно обернулась, глаза её расширились, она открыла рот, но в следующий момент Богдан мягко обнял нашу подругу, прижал к себе, шепнул одними губами: «Прости, Вилка…» и аккуратно, двумя пальцами, нажал на какую-то, видную лишь мне, подбежавшей, точку на шее девушки. Лета обмякла вмиг, глаза закрылись. Я подхватила её сумку, мимоходом удивляясь действиям Богдана, недоумевая над его мотивом вообще так себя вести. Опять посетило ощущение, что он знаком с Виолеттой. Но это ведь невозможно! Сейчас он слегка изменился в лице, мне даже показалось, что он искренне испугался за Вилку.

Взвалив девушку на руки, мы двинулись назад, к машине. Сергей столбом замер у нас на пути.

— Что вы делаете? — воскликнул он шокировано, наблюдая свою любимую без сознания.

— Серёжа, так надо. Ты мне веришь? — я пытливо посмотрела парню в глаза.

— Но… Алиша, что происходит? — он растерянно метался взглядом с меня на Богдана.

— Успокойся, — коротко мрачно ответил Богдан, — если хочешь свою девочку спасти, положись на тех, кто видит дальше.

— А ты ещё кто? — воскликнул Серёжа недоумённо.

— Хватит время терять, лезь в машину, — толкнула я друга, — поехали же, на нас все смотрят!

Мы двигались по автостраде, Вилка дремала на заднем сидении в объятиях Серёжки, он бережно прижимал её к груди, побледневший, переживал, что не уберёг, что допустил эту ситуацию, не удержал дома.

Я в упор смотрела на водителя. Сердце бешено колотилось, всем своим существом я старалась не выдать, не показать, не вынести на поверхность даже крохи сознания то, что я вдруг узнала о Богдане в ту короткую секунду, когда он бросился к Лете, на миг потеряв контроль над своими мыслями. Я увидела довольно чётко некоторые вещи, которые нужно ещё тщательно осмыслить и… я оказалась совсем близко от того, что искала!

Невероятных усилий стоило не показать, уничтожить в себе малейшую мысль о том, что узнала.

— Спасибо, — прошептала одними губами, Богдан не глядя мельком кивнул, сохраняя сосредоточенность. Мне показалось, что он сердится на себя за что-то, о чём-то жалеет.

— Может… нужно было как-то предупредить остальных пассажиров? — так же шёпотом спросила я.

— Не нужно, — ровно отозвался вполголоса Богдан, — каждому своё. Кому суждено, тот не сядет в обречённый самолёт.

«Всё равно жаль, остальных…» — подумала я, откидываясь на спинку кресла.

Сегодня мы чуть было не потеряли Вилку.

И нужно спешить, очень спешить. Осталось мало времени.

Однако теперь я знаю, что нужно делать. Теперь всё стало ясным, как божий день!

Богдан-Богдан… спасибо тебе за Виолетту, но когда всё закончится, я отплачу тебе за всё остальное, дорогой мой новый «друг»!

У дома он остановил машину возле самого подъезда, Вилка почти пришла в себя, вяло реагируя на действительность.

— Уложите её, проспит до завтрашнего дня, — обернувшись к нам, скомандовал Богдан.

Взгляд его горел, был яростным, полубезумным. Он взглянул на меня и, смяв мою защиту, как бумажный листок, моментально всё понял, но выражение лица не изменилось: завидное самообладание.

Я молча выбралась наружу и помогла Сергею вытащить подругу. Он сухо поблагодарил Богдана и, повинуясь моему жесту, пошёл к подъезду с Летой на руках. Что-то заставило меня задержаться.

— Алиша, — позвал Богдан, опуская стекло.

Я наклонилась к окошку.

— Садись, поехали.

— Нет, — покачала я головой.

— Садись, пожалуйста, по-хорошему, — в глазах его горело нечто дьявольское, — ты должна обо всём забыть.

— Мне это не нужно, — отказалась твёрдо.

— Подумай, а нужно ли Вольке?

Я покачала головой. Поздно, Богдан, нет дороги назад, всё мчится по инерции, под гору, тебе не остановить движение.

— Срок истекает, но я справедлив, — сказал он знакомым голосом, — до скорой встречи, Алиша!

«Бентли» резко рванул с места.

В глазах потемнело, я поплелась к подъезду.

— Серёж, не спрашивай ни о чём, — предупреждая поток вопросов, проговорила, поравнявшись с парнем, затормозила на секунду около, — послушай, с Вилкой всё обошлось. Завтра её мама проснётся, в её жизни произойдёт огромное чудо, о котором она мечтала всю жизнь с детства и женщина начнёт новую жизнь. Она больше никогда не вернётся к алкоголю и выйдет всё же замуж за своего начальника. Лета простит ее, и всё забудется, как страшный сон. Кошмар миновал окончательно, всё позади. Теперь остальное зависит от вас, а будущее светло и прекрасно, как чистый лист бумаги, что напишите, то и…

Он кивал, а в душе светлело. Как же Серёжка испугался за любимую! Но сейчас действительно уже всё миновало, мы сделали это! Пусть с совершенно неожиданной помощью извне, но всё-таки… Остальное мелочи.

Мы поднимались по ступенькам, но лишь тело моё оставалось здесь, душа же устремилась к Воле, коснулась, почувствовала — он в безопасности. Богдан всё знает, я всё знаю: больше не закрывается особо и могу читать его слегка. Сейчас он не собирается ничего предпринимать, пока, поскольку обещал, у нас договор. У меня есть почти сутки. Но уехать не могу, и это уже не только от меня зависит.

Испуганные Алиса и Павел встретили нас на пороге, Серёжка передал им Виолетту, а сам, обессиленный, привалился к дверному косяку. Я завела парня в квартиру, закрыла дверь. Похоже, он знает, чего удалось избежать его любимой и только сейчас осознание произошедшего навалилось, ввело в шок, ничего, очень быстро всё пройдёт.

Перепоручив друга Славику и Виту, отмахнулась от любопытствующего Макса и побрела в свою комнату. Разделась, прокручивая в голове сложившуюся ситуацию, и поняла, что надо делать.

— Пашунь, собери, пожалуйста, ребят — всех, кроме Вилки — на кухне, — скомандовала устало, найдя друга в коридоре.

— Алик, может быть тебе лучше прилечь, — хмуро ответил тот, — выглядишь ужасно измученной, концерт и последующая беготня опустошили тебя. Уже поздно, а завтра все и поговорим…

— Концерт не при чём! — махнула рукой, — а вот именно

завтра будет поздно разговаривать. Рано утром кое-кто уезжает в Питер.

Он не задавал больше вопросов и не уточнял, просто отправился собирать всех. Я прошла на кухню, села за стол, нашла кружку с недопитым кем-то утром зелёным чаем, с наслаждением отпила, ощутив небольшой прилив сил. Захотелось расслабиться, закрыть глаза… Но я знала — стоит сделать это и попросту усну сидя.

Ребята ввалились в кухоньку одновременно: встревоженные, испуганные. Моя ободряющая улыбка никого не убедила. Быстро расселись вокруг стола и, не проронив ни слова, дали возможность начать говорить.

— Ребята, вы знаете, всё это время мы находились тут потому, что я искала Вольдемара и возможность вернуть его в реальность. Нашла и то, и другое. И очень скоро вы увидите его живым и, верю, здоровым…

Голос дрогнул, сделала ещё глоток, чтоб смочить горло.

— Теперь о звонках… Завтра нас должно уже здесь не быть, помните условие? Иначе Воле придётся худо. Я не могу уехать никак. И потому мне нужна ваша помощь.

Прошу выслушать подробно мой рассказ и помочь реализовать план, ибо это единственно удобоваримый вариант…

Все внимательно выслушали. А когда я закончила рассказ о событиях этой недели, первым голос подал Павел.

— Почему ты раньше не рассказала о том, что происходит? — нахмурился он, — мы бы все вместе придумали… А то совсем никто не знал…

— Я знал, — чётко ответил Серёжа, — Вилка знала. Этого достаточно, остальные не общались с Волькой.

— Зато мы общались с Алишей! — рявкнул Павел, — а она рисковала собой всё это время! И молчала. Она нам дороже, чем какой-то Волька, который и ввязался-то во всё исключительно по своей инициативе. А потом и Алика втянул…

— Тише, Пашунь… — попросила я, — пожалуйста, у меня осталось в обрез времени и сил. А нужно ещё изложить план. Когда мы вернёмся в Питер, я буду долго просить твоего прощения за потраченные из-за меня нервы… Но, прошу, помоги ещё раз сейчас!

Просить Павла дважды не было нужды. Я говорила так нежно и так жалобно, что парень утих, лишь сжал мою руку, словно боялся отпустить хоть на мгновение.

— Итак, завтра утром мы сделаем вот что…

ГЛАВА 17

В эту ночь я не переносилась в Школу, лишь «позвала» любимого и попросила его не волноваться, пообещав появиться в Светлом Лесу в его ночное время. Не стала объяснять причин и посвящать Волю в план, ему лучше оставаться в неведении, дабы никоим образом не узнала Алия.

А рано утром, ещё до рассвета, зазвонил будильник.

Я встала моментально, сбросив остатки сна, предельно собранная и готовая к «операции». Разбудила Алису и Виталика, ночевавших в той же комнате — будильника они не услышали, тоже мне, спортсмены!

— Алиш, ты уверена, что мы всё правильно делаем? — спросила заспанная Алиса, потирая глаза, — темень ещё ведь какая!

— Так надо. Как рассветёт, вы должны уже быть в дороге.

— Но на чём поедем?

— На такси.

— Ого-го, — присвистнул Виталик, одеваясь, — это ж в копеечку влетит.

— Неважно, — буркнула я, ещё раз тщательно перепроверяя в мыслях всё, что предстоит сделать.

В коридоре уже ждал полностью одетый Паша. Рядом топтался Славик, весьма неуютно ощущающий себя в моей шубке. Увидев друга, Алиса не смогла сдержать улыбки, но спрятала лицо, чтоб не расстраивать вечного шутника и балагура. Славик скорчил физиономию, кокетливо поправил воротник и, вздохнув, проговорил:

— Мы готовы, когда выезжаем?

— Позавтракаете…

— Алиш, давай мы уж в дороге, или дома позавтракаем? — Славик впервые смотрел очень серьёзно, он ощутил, вероятно, что я немало нервничаю.

Алиса и Виталик поддержали его, дружно кивая. Паша стоял с таким видом, будто он глубоко не согласен с нами, но возражать не будет, ибо мне виднее. Ну а я понимала, ЧЕГО это ему сейчас стоит!

— Хорошо, — улыбнулась, — ребята, извините, что выпроваживаю вот так. Поверьте, как только всё закончится, вы сможете вернуться, если решите.

— Я так поняла, что встреча со Стефаном и компанией состоится? — прищурилась Алиса, — но, после того, что произошло, честно говоря, меня совершенно не греет видеться с

ним. Разочаровал меня душка-Учитель, рассказа с ваших слов будет вполне достаточно, уж лучше возвращайтесь поскорее!

Я кивнула благодарно, обнялись. Пока ребята вытаскивали из комнаты сумки с вещами, которые больше не понадобятся, я вызвала такси.

Стараясь не шуметь (с остальными отъезжающие попрощались накануне), собрав ребят у двери, я принялась за работу.

С Пашей было проще — он оставался самим собой и никаких манипуляций с его полем проводить не было нужды. Алиса, одетая целиком и полностью в одежду Виолетты, постепенно приняла её «облик» и на тонком плане, я тщательно вырисовывала его, пока не обрела уверенность в успешном результате. Нервно похихикивая, потрудилась, превращая Славика в… себя. Постаралась передать свой энергетический фон настолько тщательно, что у того даже мимика в один момент изменилась. И это хороший знак того, что работа удалась. Виталик в вещах Сергея ощущал себя неуютно, более щуплый Серёжка носит одежду на размер, а то и два меньше крепкого спортсмена, а рукава куртки ему явно коротки. Но выбора нет. С его полем пришлось потрудиться, сходства придать долго не удавалось, по уровню вибраций уж очень они были разными. И я опасалась всерьёз, что именно на «Сергее» и попадусь… Сделала всё, что смогла. Теперь «след».

Едва диспетчер перезвонила и сообщила, что такси у подъезда, я накинула дублёнку, открыла входную дверь и пошла вперёд, очищая пространство сначала лестничной клетки, а потом и ступенек.

Вслед за мной ребята спускались гуськом, друг за дружкой, «Сергей» вёл под руку «Вилку», Паша обнимал за талию «меня», Славик морщился, но стойко терпел, опасаясь в глубине души, как бы не увидел кто-то из случайных жильцов дома, вздумавших — а чем чёрт не шутит? — покинуть квартиру в такую рань. Ну и что, что нас тут никто не знает, само ощущение претит.

Все, как один, надвинули капюшоны и шапки на лица, усиленно «ощущая» себя теми, в кого переоделись.

Вроде получалось наилучшим образом, вздумай Богдан прощупать территорию подъезда — иллюзия добротная и бесспорная, однако что-то предательски свербит внутри: «не выгорит! Не выйдет ничего!»

На улице щипуче морозно. Начало весны, а ночи по-зимнему холодны и неприветливы.

Такси, светя фарами, урча мотором, пускало клубы пара у подъезда.

Наскоро расцеловавшись, усадила ребят, помахала вслед отъезжающей «Рено Логан» и трусцой вернулась к подъезду. Спускалась вниз я в нейтральном образе, так же и поднялась в квартиру. В напряжении неимоверном от необходимости держать сразу множество вещей под контролем, прошла в комнату и уже оттуда, сидя на кровати, начала «зачищать» территорию самой квартиры. Поставила защиту на комнату Сергея и Вилки: по нашему плану, они не должны покидать её, пока я не позову. Себя полностью закрыла от любого доступа, теперь «я» еду в такси и нахожусь только там. Квартира совершенно «пуста», за исключением мирно дремлющего в другой комнате, Макса. Он — коренной москвич, друг семьи, и просто наблюдает по моей просьбе за опустевшим жилищем до возвращения хозяев.

Наконец, ещё раз окинув внутренним взором все проделанные манипуляции, я умоляюще прошептала:

— Помощники мои дорогие, поддержите! — и получила ободряющую нежную, по-матерински ласковую, улыбку в ответ.

Опустилась на подушку. Каковы шансы, что всё пройдёт, как нужно нам? Неизвестно.

Мы играем против даже не одного Богдана, а целой эзотерической империи России.

Мыслью метнувшись к вышеназванному, убедилась, что он безмятежно спит. Или просто хочет, чтоб я думала, что спит?

Не заметила, как уснула вновь. Без снов и полётов, просто растворилась в океане чистой энергии…

А открыла глаза, как показалось, через минуту. На самом деле, уже давно рассвело, солнышко не просто светило, а даже припекало в окно, сквозь не задернутые шторы, гуляло лучами по подоконнику, тянулось ко мне, словно норовя пощекотать. И не поверишь, что всего пару часов назад мороз щипал нос.

Вот и пришла в Москву настоящая весна, с этого дня продолжится лишь потепление.

Я улыбнулась, ещё раз зажмурилась, как кошка, а потом широко распахнула глаза и рассмеялась.

Словно не просто энергия нового дня вошла в тело, но и день обещает быть неожиданным, непредсказуемым никакими силами и судьбоносным.

Потянулась и, покончив с расслабленностью, стала приводить мысли в порядок — тот, какой было нужно. Для начала «перенесла» сознание в Питер — друзья как раз подъезжали к нему. Я, как будто бы, тоже. Теперь зафиксируем и так и оставим.

Нелёгко поддерживать контроль над «маскировкой», но это ненадолго. Как только противник потеряет бдительность… Раньше подобные манипуляции я производила лишь из

хулиганских побуждений, когда в детдоме сбегала с сончаса. Не ощущавшие моего нейтрального поля, преподаватели не замечали меня в двух шагах.

Оделась и отправилась прямиком на кухню. Хмурый Макс варил кофе.

— Как выспалась?

— Замечательно, — присела на табуретку, — надеюсь, план сработает, надо оттянуть время.

— Я тоже надеюсь. И тогда ты вернёшься в Питер?

— Возможно… ещё на неделю придётся тут задержаться, А ты чего хмурый?

— Кошмары снились… — вздохнул Максим, — ребятам кофе отнести?

— Нет. Они запаслись с вечера соком, пока их комната должна оставаться неприкосновенной.

— Пока? До каких пор?

— Голодная смерть не грозит, — успокоила друга.

— Алиш, — он придвинул мою чашку, — я, конечно, в тебе не сомневаюсь, только всё это очень сложно… и запутано, ты уверена, что всё правильно делаешь?

— Вольке ничего не угрожает, — ответила я на немой вопрос, — не беспокойся, всё в моих руках.

— Хорошо…

— Теперь представь, что меня здесь нет и веди себя соответствующе.

— Отлично! — парень встал и открыл форточку, заговорил, словно разговаривая сам с собой, — когда я один дома и кроме меня в квартире ни души, я после завтрака с кофе обычно выкуриваю сигаретку.

— Понятно, — усмехнулась я, вставая. Свой кофе допью в комнате.

Но едва ступила в коридор, как пронзительно зазвонил телефон.

Знаками, словно звонящий мог услышать меня, позвала Максима, тот, сморщившись, отложил так и не зажженную сигарету и побрёл в прихожую. Я вжалась в стенку и закрыла глаза.

— Да, — ответил Макс.

— «Позови Алишу» — услышала я бесцеремонный голос в трубке.

— А её нет, — беспечно соврал Макс, следуя послушно моим рекомендациям, он усиленно держал в голове эту ложь за самую настоящую правду, «лениво вспоминая» наш «отъезд» — уехала рано утром с друзьями в Санкт-Петербург.

— «Ты вероятно спал и не в курсе, КТО именно туда отчалил» — недобро проговорил голос, — «Тогда взгляни назад, там, у вешалки что за призрак стоит с чашкой в руке?»

У Макса челюсть отвисла, оглянувшись, он беспомощно воззрился на меня.

Так, значит… Молодец, Богдан, я тебя недооценила, один-ноль в твою пользу!

Я шагнула к парню и взяла трубку из его рук, шепнула одними губами: «иди в кухню»

— Слушаю тебя, Богдан.

— Милая, разве у нас не было уговора? — вкрадчиво спросил тот.

Голос немного искажался линией, но теперь я его узнавала легко, ибо не пытался маскироваться. С облегчением скинула и свою маску, теперь в ней нет надобности.

— Но правила игры не меняют в процессе, это нечестно, — продолжил Богдан, — и я тебя предупреждал. Поехала бы вчера со мной, сегодня бы с Волькой уже возвращались домой.

— Никому не позволю копаться в моей памяти и редактировать её, — пожала плечами, — теперь, когда я всё знаю, я могу диктовать свои условия.

— Попробуй, — хрипло усмехнулся Богдан.

— Итак, я не могу точно сказать, кто ты — Алия ли, либо её помощник, но ты определённо имеешь отношение к Школе…

— Самое прямое, — согласился с интересом.

— И ты, вероятно, в курсе, что у меня есть доступ туда.

— Разумеется.

— Вы спрятали Вольдемара в Светлом Лесу, но тело его здесь, и я в двух шагах от местонахождения…

— И вот тут ты не ошиблась, — он играл со мной, как кошка с мышкой, провоцируя, издеваясь.

— А значит, я найду его сама, очная ставка со Стефаном и остальными, кто тут есть, в Москве, состоится непременно, исход которой мне почти ясен.

— Не боишься, что её исход тебя шокирует?

— Я вижу возможные варианты.

— Молодчина. Однако, Алишенька, я дал тебе фору со вчерашнего дня, которой ты не воспользовалась. А сейчас время тикает против тебя, увы. Через совсем небольшое время Волька распрощается с малейшими воспоминаниями о Школе и тогда не будет надобности держать его пленником — ты получишь возлюбленного. Только… как знать, не забудет ли он и тебя тоже?

— Богдан, ты блефуешь, — усмехнулась я, — если можешь это, то почему не стёр память Воле сразу, как захватил его?

— Алия хотела поиграть. Не могу же я отказать женщине в маленьком невинном капризе.

— Поиграть чужой жизнью? Подавить чужое сознание? Хороша заведующая Светлым отделением…

— Хороша или нет — в этом разберёмся мы сами, устроим такой междусобойчик и пораскинем мозгами… А теперь, прости, родная, но пора. Дела… И именно ты мне их и создала. Эх, Алиш, уехала бы, как обещала, избежали бы мы все лишних проблем!

— Богдан!

Но в трубке уже шли короткие гудки.

Медлить больше нельзя!

Вот теперь отсчёт времени пошёл на секунды.

— Макс, меня не беспокоить! — крикнула я, оставляя чашку прямо в коридоре, бегом добралась до своей кровати и упала на неё.

Взбудораженные нервы мешали расслабиться, я всё никак не могла выйти из тела.

— Пожалуйста… — простонала.

И меня тряхнуло, а затем выкинуло вовне.

Мгновенно перенеслась в Светлый Лес, где в этот миг было уже темно.

Едва ступила на траву, как вокруг поднялась суматоха. Звёзды на небе густой россыпью, казалось, освещали Лес своим сиянием, в их свете я наблюдала на ходу, как прыскают из под ног тени, мелькают силуэты меж деревьев. Щебет, гвалт, стрекотание, возмущённые голоса — преследовали со всех сторон, но разобрать, кому они принадлежат, не успевала Я абсолютно не осматривалась, не искала дорожку, не разбирала пути, не до того.

Сейчас мне нет дела до покоя местных обитателей, как бы это ни звучало беспардонно.

— Воля! — закричала на бегу. Остановилась, озираясь, показалось, что заблудилась.

Метнулась в сторону, реальность покачнулась, накалённая моим мироощущением.

Потом взяла себя в руки и, закрыв глаза, ступила прямо к домику Карамура.

— Воля!

Парень в мгновение ока показался в дверях.

— Алишик, наконец-то, — но, увидев мой взгляд, осёкся, — что слу…

— Воленька, — я взбежала по ступенькам, — как хорошо, что успела, скорее, бежим!

Мы кинулись обратно, в сторону домиков учеников.

— Нет, не успеваем… Любимый, сейчас очень нужно, чтоб ты позвал Алию, давай же!

Вызови её срочно в эту реальность! — приказала, останавливаясь. На полпути от дома Воинов — этого хватит.

— Но… она может и не услышать, на мне же нет кольца и я не ученик больше… — растерялся парень, — она точно не здесь?

— Её нет в Лесу. Попробуй! — настаивала я, — не могу сейчас всего объяснить, но ты действительно в серьёзной опасности, зови же!

Волька закрыл глаза, сосредоточился. Ничего не происходило. Пару секунд подождав, ответил:

— Она даже не отозвалась.

— Вам нужна Алия? — вдруг прозвучал звонкий голосок.

Оглянулись мы одновременно. Поодаль стояла Саманта. Да, похоже, здесь не все спят по ночам.

— Можешь её позвать? — воскликнул Воля взволнованно.

— Могу. Но…

— Послушай, Воля в опасности, ему грозит гибель! — быстро проговорила я, — если Алия сейчас же тут не появится, будет поздно.

Девушка побледнела. Отчаянный страх, абсолютно не свойственный Целителям, овладел всем её существом. Прикушенная губа выдала невероятную внутреннюю борьбу, но чувства Саманты к Вольке победили разум. Целительница закрыла глаза и быстро что-то зашептала одними губами.

— Алия сейчас будет здесь, — только проговорила, как заведующая материализовалась шагах в десяти от нас и окликнула:

— Саманта, что случилось?

Саманта, не ответив, отступила в сторону, показывая на нас и передавая возможность всё объяснить.

Алия сделала пару шагов, не сводя глаз с Вольки, молча, читая наши мысли.

— Ах вот оно как… — проговорила задумчиво, — Алиша, зря ты пришла, меня не найти и ничего уже не вернуть.

— Алия… — я уверенно пошла ей навстречу.

Честное слово, совершенно не знала, ЧТО ИМЕННО нужно сделать, чтоб хоть немного прорваться в неё, хоть маленькую лазейку отыскать сиюсекундно, потому, что надолго здесь заведующая задерживаться явно не собиралась. Уверенная в своём превосходстве и силе, Светлая стояла, гордо вздёрнув подбородок, глаза сияли улыбкой торжества.

И я, совершенно потерявшая голову от волнения и переживаний шла, опустошённая, не раздумывая больше,

подчинясь какому-то непонятному инстинкту, положившись на волю провидения. Шла с отражённой от лица Алии, загадочной улыбкой. А когда находилась уже в двух шагах от заведующей, у той в глазах проскочил огонёк недоумения, потом, кажется, паники… Но поздно.

Я приблизилась вплотную, схватила за локти женщину, гораздо выше меня по росту и…поцеловала её в губы. Для этого пришлось привстать на цыпочки. Не просто чмокнула, а слилась с ней в долгом, горячем поцелуе. Горячим он был с моей стороны, обхватив Алию за шею и голову, прижала её к себе, не давая возможности дёрнуться. Но в этом особой необходимости не было — та впала в оцепенение и не сопротивлялась.

И в тот момент, когда Алия, наконец, овладела собой и оттолкнула меня от себя, я уже увидела то, что было нужно. Приём сработал превосходно, шок (как и в случае с Богданом в аэропорту) заставил её потерять ненадолго контроль.

А я, если начистоту, сама была шокирована своим же поступком. Не ожидала… Всё произошло так спонтанно и так непредсказуемо.

— Спасибо, — шепнула я задорно.

— Не успеешь! — сверкнув глазами, пообещала Алия.

Мы почти одновременно покинули реальность Школы.

Спиной я «поймала» напоследок взгляды округлившихся от изумления глаз Вольки и Саманты.

ГЛАВА 18

Возвращение в тело было на редкость неприятным. Быстрым и оттого слегка болезненным, словно кратковременное падение с высоты во что-то вязкое, плотное и холодное, перехватило дыхание, сердце сорвалось в галоп, больно ёкнув в груди.

Я подскочила на кровати, и тут же рухнула, сдержав вскрик. В глазах потемнело от резкого подъёма, голова закружилась, и ощущение невесомости овладело телом настолько, что как ни торопилась побыстрее сорваться бежать — не могла сделать этого. Перевела дух, позволяя тонкому телу гармонично слиться, разместиться в физическом, почти полминуты потратила а восстановление нормального самочувствия.

И всё это время перед глазами стояла Алия, с её ироничной, недоброй усмешкой, растерянные глаза Вольки и… местонахождение его в этой реальности. Господи, да ведь он же всё время был рядом, гораздо ближе, чем я могла представить, даже мимо проходила — и сердце не ёкнуло! Они хорошо спрятали моего любимого, лучше не придумаешь.

Как только силы вернулись ко мне, выбежала из комнаты. Времени в обрез, тот самый момент, когда донельзя актуальна фраза «Не думай о секундах свысока…».

Пошёл отсчёт: кто кого?

Пока обувалась и натягивала дублёнку, Макс усиленно старался выпытать, куда я спешу. Лаконично бросив на ходу:

— За Волей, — выскочила в подъезд.

По дорогам, тротуарам, повсюду бегут ручьи. Течёт с крыш, по водостокам и просто так капает из ниоткуда, звонкая капель перекликается с гудками редких автомобилей… как хорошо, что Волькин дом располагается в спокойном, малолюдном районе!

А погода стремительно меняется, теплеет быстрыми темпами, в дублёнке уже жарковато… Или это от быстрого бега я моментально взмокла? Вон москвичи не торопятся разоблачаться от зимних одежд — и, возможно, правильно делают, весенняя погода обманчива хитрым проказливым ветерком.

Сама себе удивилась, как легко я размышляю об окружающих метаморфозах, о пробуждающейся природе, в тот момент, как (на автопилоте, ноги сами несут) бегу туда, где ждёт меня неизвестность, где может случиться всё: от победы, до полного краха.

И жизни — наши с Волькой — тоже обе там решатся сегодня, прямо сейчас, ибо я уже почти на месте. Вон там, за углом…

«Психологический реабилитационный центр «Долина

радости». Какая ирония судьбы — а ведь несколько дней назад я стояла перед ней и думала, что, пожалуй, скоро и мне туда. Почему не прислушалась к внутреннему голосу? Хорошая клиника, самое время посетить и познакомиться с её очаровательной и гостеприимной хозяйкой.

Я бросилась через дорогу по переходу, душа замирала, сердце колотилось где-то в висках, ноги предательски подкашивались. Но вовремя вспомнила о невидимых хранителях и даже простое осознание, что я не одна, помогло ощутимо. Дыхание выровнялось, спина выпрямилась, ноги окрепли.

Глядя в голубое столичное небо, ощущая в спину горячее солнечное дыхание, я поняла — мир ЗА меня! Я права, я иду выручать любимого, спасать нашу любовь, а раз так — истина на моей стороне. У Алии своя истина, понимаю, и нам придётся столкнуться, выяснить, что сильнее: любовь или идея?

На огромной стоянке «тосковали» всего две иномарки, площадка перед входом в здание была тщательно очищена от тающего снега, буквально вылизана. Каблуки моих сапожек зацокали по плитке. Я уже подбегала к ступенькам, когда услышала сбоку окрик:

— Не спеши, Алиша!

— Богдан, даже не пытайся меня остановить!

Видимо, что-то такое было в этот момент в моих глазах, метнувших острый взгляд в его сторону, когда я стремительно обернулась, что парень отшатнулся. Порыв ветра, взвившийся из ниоткуда, разметал длинные распущенные волосы, которые даже широкий шарф, привычно обвивающий шею, не смог уберечь. «Бентли» свой Богдан припарковал неподалёку, не на стоянке, видимо подъехал только что, потому что двигался в пути медленно, предположительно «говорил» по дороге с Алией.

Всё это промелькнуло в голове за доли секунды.

— Вижу, ты добилась своего, — усмехнулся Богдан, двинулся ко мне, — но слишком поздно.

— Не согласна!

— Что ж, сейчас посмотрим…

Оглядевшись по сторонам, он нехорошо улыбнулся, щёлкнул пальцами и… мир вокруг нас словно бы застыл. Исчезли звуки, прекратилось всякое движение, от внезапно свалившегося на меня ощущения нереальности происходящего мгновенно пересохло во рту, буквально остолбенела.

Богдан без слов приблизился на расстояние двух шагов, остановился.

Глаза в глаза.

Взгляд проникал в самую глубинную мою суть, однако и я

могла нырнуть в него, сейчас оба были предельно открыты и доступны, как Адам и Ева, «наги» и первозданны.

«Зачем тебе это нужно?»

«Я так решила!»

«Справишься ли?»

«Справлюсь»

«Кто тебе позволит?» — издевательски.

«Кто мне помешает?»

«Остановись, Алиша, уходи. Назад пути уже не будет»

«Я никогда не возвращаюсь»

«Тогда будет бой!»

«Я согласна»

В следующую секунду невероятная тяжесть обрушилась на плечи, пригвоздила к месту, ноги задрожали, подгибаясь, ужасное желание опуститься на колени овладело мной. В глазах противника зажёгся стальной огонь, они вдруг побелели. Глубоко вдохнув, стараясь не соскользнуть в этот огонь, не сгореть в нём, превратившись в глыбу льда, я выровнялась. Улыбнулась. Протянулась «через», сквозь пелену мрака, окунулась в его душу, свернулась клубочком, устроилась на самой её глубине. Всё внутри замирало от холода, зубы сводило от ощущения твёрдости, обволакивающего, сжимающего каменными плитами.

Я не сопротивлялась, подобно маленькому пушистому котёнку льнула доверчиво к надвигающейся опасности. Я верила всю свою жизнь, что кулак не способен коснуться искренней сердечной улыбки, что пуля не заденет любящего сердца, что нежность плавит не только ненависть, но самые гигантские глыбы льда в душе.

Он изливал в пространство потоки смерти, обволакивал нас обоих коконом безжизненного забвения, я улыбалась, излучая тепло, из глаз струился огонь, но не обжигающий, а воспламеняющий, несущий свет. И этот огонь создавал внутри кокона смерти свой, сияющий кокон жизни.

И тогда за спиной Богдана распахнулись огромные чёрные крылья. Нависли над улицами, закрыв собой добрую половину столицы, в городе сразу потемнело. Не отрывая глаз от глаз, я распахнула свои, белоснежные, распахнула слегка, подрагивая каждым пёрышком, трепеща, едва касаясь снизу его крыльев. Он замер на миг, а потом сомкнул их, сминая мои. Жестоко, безжалостно, неотвратимо…

Две слезинки навернулись на глаза, но тут же высохли, от пламени любви, бушующего в моих глазах, превратились в лёгкую дымку.

Пространство вокруг искрилось, шло рваными полосами,

волнами, дрожало. Словно окаменев стояли мы и вокруг, во всей вселенной, не было больше ни одной живой души. Всё иллюзия, этот мир — иллюзия, все живущие в нём — иллюзия. Все, кроме нас двоих. Отступили даже сущности тонкого плана, остались где-то за непроницаемой гранью.

И мы уже не были людьми. Сейчас, воплощая две силы, противоположные, полярные, мы боролись, но борьба же являлась и слиянием…

Боль исчезла внезапно, забылась, будто её и не было. И снова всепоглощающая нежность проникла в самый потаённый уголочек нашей общей вселенной, вошла во взаимодействие с испепеляющей ненавистью ко всему живому, переродилась в тихую печаль.

«Зачем?»

«Ничему не Быть!»

Маленький пушистый зверёк распахнул глаза и… … я увидела, как он к монстру, крушащему мир, подошёл, ластясь. И тот замер вдруг.

Занесённая рука дрогнула, остановилась.

Крылья ослабли.

Пространство в последний раз пошло волнами и обрело чёткие очертания.

Монстр, каких не видывали миры, взял котёнка на руки и прижал к груди.

Посветлело небо, погас в глаза неживой блеск, растаял, растворился удушающий кокон.

Любви Быть.

— Значит вот так… — проговорил Богдан низким, вибрирующим голосом, — а ведь этот вариант имеет смысл. Может именно он и нужен Школе?

Он шагнул в сторону, освобождая дорогу.

Я двинулась вперёд, пылая каждой клеточкой, не чувствуя земли под ногами. Шаг, второй — поравнялась с воплощением тьмы, повеяло лёгким холодком, но скорее освежающим моё горящее тело, чем замораживающим, третий — вернулись звуки, реальность ожила, по дороге помчались, словно вынырнув из ниоткуда, машины…

Только люди всё ещё обходили это место стороной, в радиусе полусотни метров от нас не было никого.

Я шла, не оборачиваясь, прекрасно видя всё, что осталось за спиной. А там постепенно возвращался к своему человеческому облику, убирал крылья, мой недавний ещё противник.

Взбежав по ступеням, широким, гранитным, я потянула на себя тяжёлую дверь.

В фойе навстречу встал гориллообразный охранник, но тут же опустился обратно.

Это недетские игры, ни к чему вмешиваться.

Чутьё вело безошибочно, побежала направо, попала в широкий длинный коридор. Всё вокруг, без преувеличения, оформлено и обставлено весьма роскошно: повсюду цветы, картины, мягкие глубокие кресла и пара диванов, на стенах — светильники в стиле барокко. По ковру даже страшно ступать в уличной обуви — высокий ворс, нежный, как дыхание ребёнка… И совершенно пусто. Видимо, больные (ой, нет, реабилитирующиеся!) обитают где-то выше, например, на втором этаже. Угу, верно, здесь только административные помещения и кабинеты.

В голове постепенно прояснялось, восторг шёл из самого сердца, растекался во мне: Воленька, я уже иду!

Добежала до лестницы, выстланной красной дорожкой. Позолоченные перила, причудливо изогнутые, удобно легли в руку, гостеприимно заскользили по коже. Я не бежала, летела! Ещё немного, ещё чуть-чуть, а там — всё, что угодно. Я успела, чувствую это всем существом, меня пропустил Богдан, но… где же Алия?

И вбегая на второй этаж, повинуясь интуиции, повернув налево, я сразу увидела её.

По коридору прогуливались пациенты, ухоженные, состоятельные, но внутри глубоко несчастные люди: старые и молодые. Переговаривались между собой, листали журнальчики на диване, смотрели в окно… Моё появление вызвало тихий, но жадный интерес. Я же не обращала внимания на любопытствующие взгляды, мой был устремлён в одном лишь направлении.

Алия стояла на полпути к цели.

Высокая, на голову выше меня, сухонькая, словно невесомая, интеллигентного вида старушка. Белоснежные, кокетливо накрученные, воздушные локоны, уложенные в высокую причёску, лёгкий, естественный макияж, убавляющий ей без малого лет двадцать. В свои годы заведующая Светлым отделением Школы и основательница психо-реабилитационной клиники выглядела безукоризненно.

Моё появление не было сюрпризом для неё, вероятнее всего, она сознательно вышла навстречу.

Я замерла на месте, и пару секунд мы молча разглядывали друг друга.

— Милостивые господа! — вдруг мелодичным, совершенно молодым голосом, не сводя с меня глаз, произнесла Алия, —

прошу всех пройти в зал общей терапии! Сегодня занятия начнутся пораньше… Любочка!

Откуда-то сбоку выпорхнула молоденькая, но довольно скромно одетая медсестра-шатенка, скромность была удивительна для этого кричащего роскошью места, пусть даже вся эта роскошь предназначалась для того, чтоб произвести впечатление перед клиентами и поддержать статус дорогой и элитной клиники. Хотя, в общем-то, понятно: здесь, в основном, проходят курс лечения девушки и женщины всех возрастов, у многих из них психологические проблемы связаны с мужчинами: мужьями, женихами, любовниками. И видеть перед собой пышущую здоровьем представительницу своего же пола, одетую, словно куколка, супер-секси, не будет приятно никому. Кстати, не заметила тут ни одного мужчины, вероятно, они в другом крыле, если вообще есть, и у них, судя по всему в медбратьях скромные, невзрачные юноши, рядом с которыми можно безгранично самоутверждаться, а, как известно, когда человек доволен собой — и выздоровление идёт быстрее. А может там и медсёстры, но уже более свободно одетые…

— Проводи, пожалуйста, наших гостей и можете начинать. Я подойду попозже.

— Лили, — капризно надув губки, пропела пухлая блондинка, — как же мы без Вас?

— Я буду через десять минут, — улыбнулась Алия самой очаровательной из всех, виденных мной ранее улыбок. И в ней сейчас явственно проступила молодая заведующая Светлого отделения.

Коридор быстро опустел, пациенты, видимо, обожали групповые занятия. Интересно, сколько стоит день пребывания в этой «Долине радости»? Мне, даже начинающей «звезде эстрады», явно не по карману, а то бы с удовольствием отдохнула здесь после всех перипетий… А может Алия мне по знакомству сделает скидку?

Я усмехнулась, мысли промелькнули в голове в один момент. А мы с Алией остались в пустом коридоре один на один.

С непроницаемым лицом, заведующая подняла руку и щёлкнула пальцами.

Знакомая уже, глухая тишина окутала нас, пространство пошатнулось. Что ещё? Бой теперь с ней? Если придётся — я готова, сейчас, находясь на невероятном подъёме духа, брошусь в любую схватку, лишь бы скорее очутиться рядом с любимым, ведь я уже знала, видела, где он, вон за той белоснежной витражной дверью в самом конце коридора. И ни за что не уйду сегодня отсюда, пока он не очнётся.

— Ты ещё имеешь шанс удалиться, — твёрдо и властно произнесла Алия, — не знаю, каким образом тебе удалось пройти мимо Мирабеллы, я же не дам тебе ступить и шагу.

— Да что же вы все меня сегодня выгоняете… — грустно и устало проговорила я, — Алия, Лили или как там тебя ещё, не твой сегодня день, уж прости.

— Девчонка, ты чересчур самоуверенна и дерзка! Не мыслишь даже, на что замахнулась. Вся твоя любовь к Вольке ничего не стоит в сравнении…

— Со Школой?

— Да, с той реальностью, — самообладанию Алии можно было позавидовать. Глаза старушки горели праведным гневом, — да как ты посмела вообще…

— Поверь, поцелуй был спонтанной идеей, — пожала я плечами, — думала, тебя больше заинтересует, каким образом я вообще смогла туда попадать?

— Таким же, как и все мы, — хмыкнула Лили, — это нетрудно.

— Нетрудно для Учителей, — наклонила я голову, — верно?

— Никогда! Не бывать этому.

— Я не для того здесь, заберу Волю и уйду. Оставайтесь и варитесь в своих мирах сами, — пожала плечами.

— Не раньше, чем он забудет обо всём, — Алия преградила мне путь, и я ощутила, что она намного БОЛЬШЕ, чем сухонькая старушка, подбирающаяся к девяностолетию.

— А вот этому не бывать, — тихо проговорила я.

— Зря ты, девочка, сунулась не в своё дело, — покачала Алия головой, — никому не позволю разрушить дело всей моей жизни…

Она подняла лицо кверху, словно за поддержкой, сделала глубокий вдох.

— Лили, пропусти её, — раздался голос за моей спиной, — она здесь по праву.

— По какому праву, Мирабелла? — заскрипела зубами Алия, — это невозможно, разве ты не понимаешь?

— Лили, грядёт новое время, старое разрушается и уходит, приходят иные, понимаешь?

— Почему ты на её стороне? — гневно воскликнула Алия, а мне в её голосе послышалось отчаянье.

— Не я один. Таково распоряжение Стефана, пропусти Алишу.

— Ты рассказал ему?!

Богдан двинулся вперёд, прошёл мимо меня, приблизившись к Алии вплотную, взял её за руку и что-то негромко начал

говорить.

Я поняла, что больше не существует преград и двинулась вперёд. Шаг за шагом.

Перед глазами вдруг начали всплывать картины…

«Пирс на Мёртвом озере.

Группка ребят топчется на нём, переговариваясь, бросая короткие взгляды на стальную, непроницаемую поверхность воды.

— Мечиру, может не стоит? — с тревогой спрашивает один, обращаясь к мальчику азиатской внешности.

— Джейк, ты, конечно, мой Хранитель, но я ведь не прошу тебя идти со мной, — усмехается Мечиру.

— Именно, как Хранитель я и предостерегаю, — высокий, худощавый парень в очках нервно поправил дужку, — и всё-таки нет, не отпущу тебя одного.

— Как думаешь, Артур, во что я ввязываюсь? — хитро хохотнул Мечиру, толкая по-дружески в плечо рядом стоящего.

— Думаю, что в приключения. На свою… пятую точку, — хмуро ответил Артур.

Остальные хранили молчание.

— Да бросьте вы, ребята, только гляну и вернусь… Идём, Джейк, если не передумал!

Два коротких всплеска…»

«Лабиринт. Стены из туго скученных переплетений проводов. Тот самый лабиринт, но Волька видел его иным, хотя, всё индивидуально.

Мечиру и Джейк, бегущие со всех ног. На какой-то из развилок Воин толкает своего Хранителя и они разделяются: первый бежит вправо, второй — влево.

И только теперь я вижу погоню: крупный мужчина в развевающемся плаще и женщина — строгая, высокая, смуглая, черноволосая, с гневно сведёнными у переносицы бровями.

— Стефан, от твоих учеников одни проблемы! — они замерли на перекрёстке.

— Хранитель не в моей компетенции, — напомнил Учитель Тёмных, переводя дух, — Мира, не волнуйся, мы их легко догоним.

— Знаю! — рявкнула Мирабелла, — недоумки, сунувшиеся куда не надо, я думала, все тщательно проинструктированы насчёт Мёртвого озера.

— Абсолютно все, — безучастно откликнулся Стефан, — но всегда найдутся… революционеры-первопроходцы. Ладно, Мира…

— Хоть здесь не играй! — вышла из себя женщина, — у меня есть имя.

— Ты сам решил носить эту маску, — спокойно пожал плечами Стефан, — ну что, болтаем или ловим? К утру, реальному утру, они должны быть у Алии…

— Порталы стоили мне огромных сил, — ворчала Алия, шагая по коридору, этому самому коридору, — тащить одного из Японии, а другого из-за океана — увольте, мало удовольствия. Стефан, ты ведь знал, что подобное возможно. Почему не закрыл проход?

— Смотри глубже, Лили, — Стефан шагал следом, а за ними двое дюжих мужчин в одежде санитаров вели под руки поникших, словно загипнотизированных, мальчиков,

— Школа развивается, развиваются и ученики. Мне нужно знать, кто из них на что способен. Поверь, милая, счастье не в спокойном управлении, а в движении вперёд.

— Мы движемся вперёд! — возразила Алия сварливо, — но до этих пор нам это делать не мешали…

— Ладно тебе, — мягко улыбнулся Учитель, — ты справишься.

— Почему всегда я решаю проблемы?

— У тебя методы щадящие, — Стефан хищно оскалился, — я слишком бескомпромиссен.

— Тёмный… что с тебя взять, — беззлобно покачала головой заведующая, — но Мирабелле и в подмётки не годишься!

— И не стремлюсь. Молодёжь наступает на пятки жёсткой поступью, потому и посты повыше занимает.

— Да уж, ты сам отказался быть заведующим, стал просто Учителем…

— Меня это устраивает.

Они подошли к кабинету, в конце коридора. И тут Стефан остановил Алию:

— А если… вот представь на миг, что когда-нибудь, возможно очень скоро, один такой… первопроходец доберётся до настроек и подчинит себе Школу, а? И сместит тебя с твоего поста?

Алия вздрогнула всем телом.

— Нет! — воскликнула она, — так ты ЭТОГО добиваешься, оставив проход в тёмном Лесу?

— Отнюдь. Но время движется и когда-нибудь наше пройдёт, не станешь же отрицать, Лили?

— Ещё как стану. Рано отправлять меня на покой… ну же! — прикрикнула на санитаров, — заводите!

Мечиру и Джейка, безучастных ко всему и едва передвигающих ноги, втащили в кабинет.

— Будет совсем не больно, — усмехнулась Алия, — и через

пару минут получишь своих бывших учеников обратно, здоровыми и невредимыми. Ну, разве что забудут всё, что не надо, Школу в том числе. Попрощаться хочешь?

Стефан молча качнул головой.

— Хорошо, тогда жди, развозить по домам будешь сам…»

Я очнулась, едва не ткнувшись носом в дверь. Ту самую, за которой исчезли Мечиру и Джейк… Нет! Это было раньше — вспомнила я — сейчас там он, мой Волька!

Сзади доносились приглушённые голоса Алии и Богдана, тон разговора мне не понравился, надо спешить.

Открыла дверь и шагнула внутрь.

Господи! Воленька… Сдалось сердце. Белоснежные стены, ослепительно белое бельё на кровати, невыносимая, хирургическая стерильность (Боже, Алия, да ты повёрнута на чрезмерной чистоте) и он — окружённый капельницами, с маской на лице — аппарат искусственной вентиляции лёгких. Едва уловимый запах ментола, как в кабинете стоматолога.

Навстречу встала молоденькая медсестра, на лице отразился испуг.

— Кто Вы? Сюда нельзя!

— Уберите… всё это, — ком в горле мешал говорить, я повела рукой, показывая на капельницы.

— Это невозможно, — девушка едва не начала заикаться, — как Вы сюда вошли?

— Убирай! Я сказала… — нервы не выдержали и сорвалась на крик, едва сдерживала себя, чтоб не кинуться к любимому.

— Но… так нельзя. Резко нельзя, он в коме… — залепетала медсестра, — если резко — он умрёт, надо постепенно…

— Приступай! — я отступила в сторону и опустилась без сил на стул.

— Где Лили?

— ПРИСТУПАЙ!

— Светлана, делай, что она говорит, — на пороге возник Богдан, — распоряжение Лили.

Но сама Алия уже замаячила позади, процедила сквозь сомкнутые зубы:

— Релиум убрать, пускай флемазенил, параллельно кордиамин, строфантин и всё, что полагается, ты, знаешь, Светочка!

На последних словах голос прозвучал устало. Я скорее почувствовала, чем увидела, как Богдан ободряюще тепло сжал маленькую сморщенную руку Лили. Ощутила также и её внутреннюю опустошённость. Она протестовала, была так несогласна с происходящем, так возмущена, что… сгорела

изнутри и лишилась сил спорить, бороться.

А я поняла, что теперь всё решающее и самое трудное действительно позади.

Встала, шагнула к кровати, с другой стороны от медсестры, чтоб не мешать её уверенным действиям, стала ожидать, когда смогу прикоснуться к любимому лицу, увидеть открытые глаза… Бледный, ненамного румянее стен, Воля был похож на восковую куклу. А я вдруг стала маленькой, беспомощной девочкой, которая молилась в глубоком детстве: «Господи, дай мне любовь, чтоб я любила, чтоб меня любили…», не знающая жизни, не ведающая мира…ещё не ощущающая поддержки помощников, моих незримых хранителей. И сейчас я готова была отдать всё, вновь лишиться всех даров, только бы он открыл глаза, улыбнулся, пошевелился…

— Воленька… Воленька… — шептали губы лихорадочно.

Опустилась на колени, коснулась самыми кончиками пальцев его прохладной руки, энергия потекла потоком жизни, вливаясь, разжигая огонь в теле любимого. Я стояла сейчас на коленях перед самой Любовью.

Сквозь пелену слёз, навернувшихся на глаза, показалось, что Волька шевельнулся.

Вздрогнула, рванулась вперёд, сердце забилось быстрее, затрепетало… Богдан осторожно обнял сзади за плечи, удержал, помог встать с колен мягко, но настойчиво.

— Алиша, пойдём…

Пришла в себя, когда уже вышли в коридор.

— Отвезу тебя домой, — строго, но тепло, проговорил Богдан, — сегодня Вольдемар вряд ли придёт в себя. В случае чего, сразу сообщу. Не волнуйся, беру на себя ответственность за полное восстановление в кратчайшие сроки, сам лично прослежу за всем.

— Спасибо… — только и смогла проговорить.

Сейчас, когда всё закончилось, нервное напряжение отпустило, а вместе с тем накатила слабость и желание отключиться ненадолго, раствориться, стать пустотой…

Богдан распахнул тяжёлую дверь, пропустил меня вперёд. Едва шагнула на улицу — солнце ослепило, дохнуло теплом, тем самым, весенним, робким пока, не обжигающим, но многообещающим. Спускаясь по ступенькам, я оглянулась по сторонам, растерянно улыбаясь случайным прохожим, вдыхала полной грудью, голова кружилась.

От весны, от счастья, от любви…

ГЛАВА 19

Прошла неделя.

Волька пришёл в себя в тот же вечер, когда мне удалось прорваться к нему. Я находилась в Школе, готовила его тонкое тело к возвращению, помогла ему в момент перехода. Богдан отговаривал, убеждал, что они сами справятся, но впустую, я знала, что лучше меня не справится никто, да и хотелось в этот миг, миг торжества нашей любви и воли, быть рядом с любимым.

Наутро прибежала в больницу и не могла наглядеться, наговориться (точнее, говорила лишь я, а он пока мог только чуть шевелиться и моргать), гладила и гладила родные руки, лицо, целовала любимые губы… Вольдемару непросто пришлось, процесс восстановления оказался нелёгким, но, скорее психологически. Алия и Стефан привлекли весь сонм Целителей Школы, и парень физически был в норме уже через три дня. Однако, Богдан настоял не пребывании в клинике до конца недели, чтоб закрепить результат.

Хотела поселиться в одной палате с Волей, но Алия в категоричной форме выразила свой отказ и, в принципе, я поняла и приняла: ей было не очень приятно видеть меня здесь постоянно, живым напоминанием о фиаско, которое она потерпела, о сокрушённых планах.

Да и для себя я решила, что смогу в свободное время сделать в этом городе напоследок много важного и полезного. Сейчас, когда напряжение отпустило, сил прибавилось и возможностей тоже. Алия попросила меня пока не появляться в Школе, да я и не собиралась, меня ждали дела в реальности.

Нет, я не открыла бурной концертной деятельности, за неделю позволила себе выступить всего в одном клубе и то потому, что Макс очень просил, у его московского друга случился день рождения, и моё выступление стало подарком. Да и 8 марта устроила бесплатный концерт в клинике Алии, встреченный «на ура», взамен получив разрешение переночевать в палате Вольдемара…

А всё остальное время я просто и бесцельно бродила по Москве — по широким проспектам и узким улочкам; по отдалённым районам и историческим местам; по бурным, с кипучей энергетикой, клубам, дискотекам и ресторанам и по спокойным, ласковым выставкам, музеям, театрам и другим культурным мероприятиям; по сакральным, мистическим ореолам города и по точкам с явно негативной энергетикой…

Знакомилась с мегаполисом, узнавала его душу, дышала

новой жизнью… Москва приоткрыла мне совершенно неизведанные грани, явила самоё потаённое, самое глубокое. Увидела её всякой, с разных ракурсов. И я полюбила столицу. Полюбила не меньше, чем свой дорогой Санкт-Петербург. Он — элегантный, строгий, успешный и самодостаточный мужчина, а она, милая Москва — роскошная, экстравагантная, уверенная в себе, настоящая роковая женщина. И вместе они теперь в моём сердце составляли великолепную пару. Пару, которой хотелось любоваться, восхищаться, аплодировать ей. И, ощутив эту внезапно проявленную нежность, я почувствовала явную ответную симпатию города, его поддержку, готовность заботиться обо мне.

В эти дни с удовольствием вновь окунулась в любимое занятие: гуляя по улицам, всматривалась в людей, дарила им частичку себя, согревала. Как бы невзначай, проходя мимо, давала советы, утешала — если была надобность, предостерегала, если видела опасность. И сейчас, находясь на невероятном подъёме духа, я совсем не размышляла о том, что, возможно, не нужно лезть в чужую судьбу. Я чувствовала, что ПРАВА. Не стремясь сделать что-то за человека или наоборот помешать ему сделать что-то, всего лишь выражала вслух свои мысли, а уж как поступить — каждый решит сам для себя. Великая радость — видеть, как светлеет, разглаживается лицо незнакомого мне человека, когда он понимает и начинает более доверять себе, ибо видел то же самое, но не решился принять, воспринять, последовать за своим сердцем, своей интуицией. И гармония со своей душой творит чудо: из замученного жизнью скептика и циника, высмеивающего ценности других человек почти моментально становится тонко чувствующим, чутким и видящим гораздо дальше, хозяином своей жизни, уверенным в её красоте и последовательности.

На каждом углу, где было возможно, покупая семечки, я кормила голубей, ворон, воробьёв, радостно приветствующих весну, тихонько напевала им свои песни.

Однажды, когда испытывая непреодолимую внутреннюю потребность, я запела погромче, не сразу заметила, как собрались вокруг люди и слушают с улыбками, а уличный музыкант из перехода поблизости старательно, со всей душой, подыгрывает мне на скрипке. Я тогда очень смутилась, ведь петь со сцены — совсем не то же самое, что на улице. Но публика вдруг потребовала продолжения, и я пела в тот день до темноты! На прохладном весеннем ветерке, не заботясь о том, что могу потерять голос, не думая о времени. Находясь в потоке невероятной любви, не ощущала неудобств. И люди не расходились.

Музыкант уже после второй песни, повинуясь наитию, которое вело нас обоих, совершенно без сбоев рождал музыку, с самого начала, не зная заранее мотива. Мы отлично слились, гармонично и прекрасно… Взяла его визитку и передала Максу, кажется, и ему парень пришёлся по душе, а скрипка отлично вписывается в музыку моих песен… В общем, наше совместное творчество не закончено.

А потом люди стали узнавать меня на улице! Махали издалека, улыбались. Подумать только, Москва — город немаленький, что ж, получается, половина столицы прошла тем днём по площади, где я пела? Выходит, так. Кроме восхищения и просьб сфотографироваться или напеть на телефон, я получила ещё и несколько визиток от людей, имеющих отношение к шоу-бизнесу. Макс смеялся и предлагал всерьёз остаться здесь, а он будет моим продюсером, но я наотрез отказалась, хотя визитки сохраню, мало ли, как там повернётся в будущем…

Паша звонил каждый день и порывался приехать, но я настояла, чтоб оставался в Питере и договаривался в клубах о моих концертах, чем плотнее график, тем лучше.

Вернусь, буду работать, как сумасшедшая, чтоб не останавливалось строительство нового добротного, огромного здания детского дома под Санкт-Петербургом, который мы с ребятами финансируем. Наш бывший, совсем старенький домик, находится в аварийном состоянии, государством не финансируется в достаточной мере и гораздо дешевле построить другой, чем отремонтировать старый. К тому же хочется, чтоб в новом было больше возможностей для развития детей и более счастливого существования: кинозал, спортивный зал с тренажёрами, бассейн и многое другое. И эта мечта вполне осуществима. А сейчас, когда Москва благожелательно приняла моё творчество, я буду, смею надеяться, приезжать сюда регулярно.

Итак, на сегодняшний день мы в квартире Вольки живём вчетвером: Серёжка с Летой, я и Макс. Только теперь хозяйничает по кухне всё больше Максим. Вилка ушла с головой в новый ноутбук и с упоением строчит сутками, пишет книгу о Школе. У неё необычный и очень «вкусный» слог, прекрасное чувство стиля и образность просто затягивает. Богдан заезжал в гости, скептически хмыкнул, попросил на редактуру потом и в случае положительного отзыва обещал посодействовать с издательством, у него же везде связи, а вещь должна получиться если не эзотерическая, то фантастическая точно. Вилка воодушевилась, между ними сразу возникла обоюдная симпатия. Мы не стали посвящать девушку в то, что в лице Богдана с ней общается

заведующая Тёмным отделением Мирабелла, которая всегда особенно симпатизировала именно ей. Задумался наш новый знакомый и когда узнал, что Серёжа выпускает эзотерическую газету, взял экземпляр почитать, из профессионального, думается, интереса…Трудно сказать с полной уверенностью, что у Богдана в голове, одно ясно точно: он видит далеко и отлично понимает перспективы.

Кстати, за период пребывания Вольдемара в клинике в процессе реабилитации, они с Богданом так же неплохо сдружились. Особенно сблизились, когда Волька узнал, какую роль играет Школа в жизни Богдана и кем он там является. Посмеявшись, стали едва ли не лучшими друзьями.

А вот со Стефаном за всё это время не случилось ни одного контакта, в клинику он не приезжал, лишь звонил периодически Богдану. Можно было подумать, что он — фантом, как сказала Вилка, но я-то знала, что он существует в реальности и, более того, было назначено уже время новой встречи, общего собрания. В воскресенье мы соберёмся в закрытом, снятом на сутки Стефаном, ресторанчике, чтоб нам никто не мешал и была возможность говорить сколь угодно долго. Богдан взялся обеспечивать магическую защиту, хотя я не совсем понимала, зачем это нужно. Разговор будет настолько важным, что она не потребуется. Огромные силы в этот момент будут стоять за нами, и ресторанчик попросту исчезнет из поля зрения москвичей, выпадет из их реальности. Случайности исключаются. Когда вершатся судьбы сразу нескольких миров, всё отступает в сторону.

Я знала, о чём будем говорить, Богдан знал, Алия. Но мы молчали, даже между собой не обсуждали, ни словом, ни намёком. Каждый из нас верил в своё, видел свой исход разговора, но и прекрасно знал, к чему всё придёт. Именно потому Алия не хотела видеть меня, а Стефан избегал Вольку.

Да, и ещё одно… В день, когда я боролась с Богданом и Алией за Волю, Вилке позвонила её мама, захлёбываясь в слезах, молила о прощении. Поделилась невероятной новостью — совершенно случайно на сдачу в магазине ей дали лотерею, которую она к счастью не выкинула и даже никуда не затеряла. Когда утром по телевизору начался розыгрыш, женщина в глубоко хмуром, похмельном состоянии взяла билетик в руку и насмешливо следила за происходящим на экране и, когда уже было собралась разорвать цветной кусочек бумаги, вдруг узнала, что стала обладательницей джек-пота в МИЛЛИОН ДОЛЛАРОВ. Дальнейшее помнила смутно, как сквозь туман, звонила дочери, но не дозвонилась, потом Степану, тот приехал и, увидев

перекошенное, абсолютно протрезвевшее лицо бывшей любимой, которая в шоке мычала что-то о миллионе и время от времени целовала клочок бумаги, приступил к расспросам. Разобравшись в чём дело и убедившись через телефонный звонок, что всё истинно, Степан развернул бурную деятельность по оформлению выигрыша. Мама лишь плакала от счастья и твердила, что с самого детства у неё была навязчивая мечта — выиграть в лотерею миллион, ей, маленькой девочке, якобы предсказала это цыганка. Фантазия ли то была ребёнка или и впрямь имел место такой факт — она забыла уже и сама, а вот с завидным упорством участвовала в розыгрышах. Но ей никогда не везло, настолько, что однажды она просто перестала верить и покупать билеты.

Но вот это случилось. И к женщине вернулась радость жизни. Даже не деньги сыграли роль в этом, а сам факт сбывшейся, казалось бы, такой невероятной, мечты, мечты детства. И тогда Вилкина мать поклялась никогда больше не употреблять. На радостях, счастливый дядя Стёпа сделал ей предложение официально оформить их чувства и стать семьёй. Столь радостное событие назначили на 13 марта, такая срочность оттого, что Степан серьёзно опасался потерять Вилкину мать второй раз и не хотел рисковать. Лета, понятное дело, простила маму, визжала от восторга за неё, вмиг всё забылось: и годы боли, и обид, осталось лишь настоящее и завтрашний день.

И вот на такой ноте я торжественно попросила Виолетту заглянуть в «Ваш друг — ноутбук», чтоб проверить лотерею, прилагающуюся к купленному ноутбуку. Там уже ждала её призовая путёвка на Мальдивы. Поедут ли они с Серёжей или подарит маме на свадьбу — её дело, но детали я не сообщила, сюрприз будет. Решили, что зайдут перед самым отъездом.

В субботу вечером мы, наконец, собрались в Волькиной квартире, на кухне, все вместе, впятером: Богдан привёз Волю домой, полностью восстановившегося и прекрасно даже отдохнувшего (как мне донесла «разведка» — Волька исправно посещал все общетерапевтические занятия для элитных больных, вместе с остальными, мозоля глаза Алии, похоже, ему нравилось её дразнить). Огромный торт, заготовленный заранее, венчал чаепитие. Пока Макс ловко орудовал ножом, разрезая произведение кондитерского искусства, мы обсуждали дальнейшие планы.

Во-первых, так получилось, что уехать в Питер нам придётся завтра, поздно вечером. У Серёжки срочные дела, Вилке остаются всего лишь сутки, чтоб подготовиться к свадьбе мамы, да и я не видела смысле задерживаться здесь. Тем более, что Вольдемар обещал поехать со мной. У него было ещё несколько отпускных

дней и до возвращения на работу нам нужно было успеть наверстать упущенное. А потом… что будет потом мы пока не думали, но я знала, что всё решится наилучшим способом.

Таким образом, сразу после встречи со Стефаном мы садимся в поезд. Собрание назначено на 10 утра, так что времени поговорить будет много. Виолетта горит желанием узнать, наконец, тайну Школы, её создания и смысл существования. Всё это Богдан пообещал нам открыть.

В этот вечер я заметила в его глазах лёгкую грустинку. Несколько раз уходя глубоко в себя, Тёмный рассеянно ковырял тортик и переплетал в голове линии вариантов… Улыбнулась ему: скоро, очень скоро, Богдан…

ГЛАВА 20

Пока Богдан парковал «Бентли», я, соседствуя на заднем сидении с Серёжей и Вилкой, держала девушку за похолодевшую руку. Бледная, как мел, Лета сжала мою ладонь, но не проронила ни слова.

— Не волнуйся так, — шепнула ей, — он вовсе не демон, обычный человек.

Лета, закусив губу, молча кивнула. А в голове: «Господи, Стефан, неужели увидимся?»

Погладила её пальцы, успокаивая. Сила переполняла всё моё существо, но мерно переливалась, не бурлила, не кипела, требуя выхода, будоража, а властно перекатывалась по телу, казалось, за прошедшую неделю я вдруг очутилась на другом уровне жизни, где больше возможностей, но и ответственность неизмеримо более велика.

Богдан что-то тихонько спросил у Вольки, сидящего рядом, тот кивнул и вполоборота глянул на нас.

— Ну вот, приехали, — объявил Богдан, выключая мотор.

Вилка вытянулась в струнку и испуганно замерла.

— Виолетта, — рассмеялся он, глядя на подругу в зеркало заднего вида, — поверь мне, всё точно так же, как в Школе.

При этих словах бедная Лета просто затряслась мелкой дрожью.

Пара секунд лёгких поглаживаний — и волнение девушки улеглось.

— Спасибо, — шепнула мне благодарно.

— Выходим! — весело скомандовал Волька, подмигивая.

Погода не баловала ясным небом, облачность накрыла Москву, сгустила серые тучи.

Я почему-то полагала, встреча состоится в «Марьином тереме», но ошиблась и была приятно удивлена, что есть ещё на свете то, что может ускользнуть от моего сознания. А в следующий миг меня удивила уже сама эта мысль, надо же, как быстро я стала невероятно самоуверенной! Видимо, Богдан хотел сделать сюрприз и коварно утаил часть информации.

Ресторанчик, перед дверьми которого мы остановились, был совершенно обычным. Не тематическим, не специфическим, а напоминал, скорее, строгое заведение, не имеющее к питанию никакого отношения. Даже табличка на дверях — золотыми буквами по бархатно-багровому — скорее подошла бы административному учреждению, нежели ресторану.

— Вперёд, — кивнул Богдан.

Двери распахнулись вглубь, швейцар в малиновой ливрее сдержано, но учтиво повёл рукой, отступил вглубь, незаметно замер вне поля видимости. Волька шагнул первым, вслед я, потом и ребята.

Небольшой коридорчик, скромно устеленный красной дорожкой (пара светильников по стенам) впадающий в огромный, пустой зал. Глаза сразу отметили наличие приватных кабинок справа, слева же столики, столики… И в центре зала — большой, просто огромный, рассчитанный на немаленькую компанию, абсолютно пустой, никаких цветов в вазе по центру и салфетниц. А за ним всего два человека, сидящие рядышком:

Алия и немолодой мужчина, примерно её возраста, довольно крупный, седоватый.

Стефан, каким я и разглядела его в видении (не ошиблась ни на самую мелочь!), опустив голову, постукивает пальцами по столу, Алия же, выпрямившись в струнку, вперила в нас ледяной взгляд.

— Официант! — негромко позвал, щёлкнув пальцами, Богдан, пока мы пробирались, лавируя между столиков к ожидающим нас, — всем сока.

Стефан поднял голову, встал навстречу, мужчины обменялись рукопожатием. Волька демонстративно проигнорировал взгляд Учителя, Серей же был занят побелевшей, шатающейся и спотыкающейся Вилкой, в упор уставившейся на предел своих недавних мечтаний. Я без труда прочла в её мыслях целую череду различных эмоций, девушка была чрезвычайно взволнована, но отнюдь не разочарована. Бедная Лета, каким же магнетизмом обладает этот человек, что так глубоко затронул её сердце!

Я же ощущала его, как ощущают огромную, непоколебимую скалу. Тёмный Учитель — на деле тьмы в этом человеке не так уж и много. Гораздо больше в нём… сильной привязанности, покорного и глубокого чувства. Но к кому же?

Перевела взгляд на Алию: сурово сжатые губы, а в душе — полная растерянность, отчаяние зверька, загнанного в ловушку, обида ребёнка, на чьё «богатство» покушаются, страх и недоумение.

Безмолвно и слаженно расселись, Богдан кивком указал, где кому устроиться. Рядом со Стефаном занял место Вольдемар, с ним — я, далее Вилка, Сергей и Богдан — рядом с Алией.

Светлая заведующая на миг посветлела лицом и проговорила, обращаясь к Серёже:

— Светлое отделение Школы в моём лице бесконечно радуется твоей победе, мы, как могли, старались поддержать и уберечь…

— Да, привет и особая благодарность Кларе, — вдруг звонко перебила Вилка, Стефан украдкой улыбнулся.

Алия замерла на миг с открытым ртом, но тут слово взял Учитель.

— Я полагаю, мы собрались и можно начать разговор по существу.

— Было бы уместно позвать Мишеля… — проворчала Алия.

— Лили, это нелогично. Мишель не принимал участия во многих наших «экспромтах» и впутывать сейчас, объясняя, для чего мы здесь, по меньшей мере, нелепо. Он обо всём узнает в своё время.

— А для чего мы здесь? — нервно воскликнула Алия, комкая платок меж пальцев, она вызывающе обвела взглядом, скользнула по лицам всех собравшихся.

— А об этом пусть нам скажет наш отважный и решительный…Вольдемар! — шутливо поклонился Стефан, но за шутовской улыбкой крылась хорошо скрываемая досада, — кстати, как твоё отчество?

— Алексеевич, — не совсем понимая подоплёку, машинально ответил Волька.

— О! Я так и думал, — Стефан запрокинул голову и расхохотался, — Волька ибн Алёша, первопроходец-пионер, всем ребятам пример! Так скажи нам, чего ты добиваешься?

— Уже добился, — улыбнулся Волька, — вот сидите вы тут сейчас передо мной, такие недоступные и загадочные для простых смертных и даже собственных учеников, великие Учителя Школы, чьё существование в реальности укутано покровом тайны, и всё будущее ваше зависит от меня…

— Глупец, — засмеялась Алия, — я-то поверила, что ты поумнел хоть немного, находясь в заточении… Неужели ты думаешь, что хотя бы что-то остаётся под твоим контролем, а, Волька? Неужто не заметил, что в школе всё наладилось, работает, как и прежде, никаких сбоев, только ты уже изолирован оттуда…

— Давайте-ка обойдёмся без взаимных оскорблений и поговорим, как взрослые, не побоюсь сказать, мудрые люди! — поднял руки вверх в примиряющем жесте Стефан, — мы пришли к тому, к чему шли закономерно.

— Тогда объясните… — подала голос Вилка робко, — почему, несмотря на ухищрения Воли, всё восстановилось само собой?

— Всё просто, — развёл Учитель руками, — программа «Белый Единорог». Помните легенду Школы? Каждый новый этап, этап возрождения, знаменуется тем, что белый единорог

приходит в стенам замка и… неважно, вы всё видели. Это пусковой механизм, приводящий в действие программу первоначальных настроек всей школьной системы, я понятно объясняю? Волька этой мелочи не знал, не полез глубже, нашёл то, что было нужно, и поспешил. Нам же пришлось на руку его шоу… А потом, пока парень купался в лучах славы, мы просто вошли и заблокировали настройки.

— Но… но если ещё до нашего приезда в Москву вы уже овладели Школой, к чему было опасаться нас настолько, чтоб похищать Вольдемара? — недоумевала Виолетта, — вы могли бы попросту забыть о нас…

— Вы бы о нас не забыли! — процедила Алия, — я сразу поняла, что есть в вашей компании человек… люди, способные «видеть».

Она метнула взгляд на меня, а затем перевела его на Сергея.

— Как ты, светлый по призванию своему, мог связаться с ними?

— Мы не мешаем ему исполнять призвание, а даже и поможем, — гордо возразила Вилка, оглядывая нас, ища поддержки.

Богдан молчал. Я тоже, понимая, что не время нам вмешиваться. Пусть старые обиды проявятся в полной мере и исчерпают себя взаимные претензии. Серёжа молчал также, да ему и не было резона что-то выяснять, его путь лежал мимо; лишь косвенно, в одной точке, пересекаясь с путём Школы.

Официант принёс поднос с соками и на некоторое время над столом воцарилось полная тишина, звенящая, суровая. Две стороны всё ещё не насытились упрёками, нетерпеливо ждали. Официант мгновенно взмок, ощутивший вдруг невероятные токи, пронзающие пространство, суетливо освободил поднос и, спотыкаясь, кинулся прочь.

— Так вот, если говорить о сути, я не был в курсе происходящего, — пожал плечами Стефан.

— Да, это я! Я сама всё придумала и осуществила, с помощью Богдана, — гордо вздёрнула подбородок Алия-Лили, — но я не могла иначе, ведь речь шла о спасении Школы…

— Мы ничем не угрожали Школе! — возмутилась Виолетта, сверля Учителя через стол рассерженным взглядом, — Воль, ну скажи им, мы ведь просто хотели узнать больше о том месте, которому посвятили целиком и самоотверженно самих себя, столько вложили сил, рискуя жизнью… Мы отдали Школе не меньше, чем вы, Учителя. И мы заслуживаем знать правду!

— Какую правду вы хотите знать? — вздохнул Стефан, глядя почему-то не на неё, а на меня, — история возникновения Школы

преподаётся ученикам в обязательном порядке…

— Стефан, мы оба прекрасно знаем, что преподаётся отнюдь не то, что является на самом деле историей той реальности, — покачал головой Волька, — красивая сказка для учеников, призванная воспламенять дух и усиливать самопожертвование, героизм и внутреннюю гордость каждого за принадлежность к «избранным», якобы, кольцом.

Но в анналах Школы хранится другая, более полная версия возникновения и предназначения школы, не так ли? Или и та тоже подложна?

— Стефан, ты не обязан! — воскликнула Алия — слишком много чести — раскрывать мальчишке душу.

— Лили… мы сами были мальчишкой и девчонкой, помнишь? — голос Учителя вдруг сменился, стал тёплым и задумчивым.

— Нам через многое пришлось пойти, — старушка кивнула, тряхнув невесомыми кудряшками, глаза затуманились, — тем дороже то, что мы имеем сейчас.

— Да. Но времена меняются, милая, — Стефан прикоснулся к её руке, — и жизнь вместе с ними… Однажды наступает тот момент, когда, вероятно, истина действительно должна стать достоянием не только нашей памяти.

Вокруг них вдруг воцарилась такая особенная энергетика, которую не хотелось нарушать. Словно облако, дымка, лёгкое сияние окутали Учителя и заведующую. Я поняла, что ребята сейчас мучительно гадают о том, что же их связывает, а сама смотрела…

— Я ведь всё помню, как сейчас, — продолжил Стефан с молчаливого согласия Алии, глядя вдаль, сквозь пространство, в прошлое, — тот день, когда узнал от отца о Школе, мне тогда было всего лишь десять…

ГЛАВА 21

— «Стефек! — папа улыбался до ушей, — пойдём-ка со мной, прогуляемся к реке, мамка сама управится, верно, родная?

— Идите-идите, — кивнула весело мама, довольная переменой в отцовском настроении. Очень уж с утра был угрюм и неразговорчив, погружённый в свои мысли, задумчив и даже тревожен.

Мама отряхнула руки от муки, вышла следом за ним в сени.

— Не задерживайтесь, пока горячее… — попросила она.

— Не волнуйся, — тряхнул головой папа, — туда и обратно… Стефек, захвати мастерок.

Стефан удивлённо глянул на отца, но послушался, выудив инструмент из ящика под вешалкой. У матери в глазах тоже отразился вопрос, но она промолчала, помедлила секунду — и ушла обратно в кухню.

Отец выглянул осторожно наружу, словно таился от кого-то. Потом расправил плечи и махнул.

— Идём, сына!

Свернув за околицей, не встретив никого из оккупантов по пути, извилистой тропкой начали спускаться к реке.

— Стефек… — отец понизил голос и притянул сына к себе поближе, теперь они шли, разговаривая вполголоса, — мы не просто так гуляем. Ты уже совсем большой стал, мне нужно кое-что рассказать тебе и показать. Мальчик мой, запоминай дорогу, это важно…

У Стефана мурашки побежали по коже. Отец впервые говорил с ним в таком заговорщическом тоне. Он весь посерьёзнел, улыбку как стёрло с лица. Теперь глубокие морщины бороздили щёки и лоб, отец стал таким же, как утром: озабоченным и встревоженным. Крепко сжимая руку сына, пан Ковальски заметно нервничал, оглядываясь по сторонам. Говорил быстро и сбивчиво, непонятно.

— Я тебе никогда ничего не рассказывал о том, чем мы занимаемся с паном Гельмицем. Ты был ещё мал. Но сейчас самое время посвятить тебя в наше дело, раскрыть секрет. Завтра может быть уже поздно… Да и сегодня-то… Нам очень повезло.

Отец говорил быстро, прерывисто, на лбу выступил пот. Он вёл Стефана куда-то целенаправленно, вдоль камышей, постоянно петляя: то сворачивая в сторону, то делая резкие зигзаги, словно приглядываясь к ему одному заметным знакам. Стефан молчал, понимая, что лишь это сейчас от него и требуется. А отец бормотал что-то бессвязное, непонятное, обещая на месте

пояснить подробнее.

Пройдя с полкилометра вдоль по течению, пан Януш Ковальски, отпустив руку мальчика, резко свернул от реки и стал углубляться в лес, сын едва поспевал следом. Деревья мелькали, дыхание срывалось от быстрой ходьбы, Стефан начал задыхаться. Он уже не стремился запомнить дорогу, да и не в силах был.

И вдруг отец остановился, как вкопанный. Едва не налетев, сын рухнул на корточки, переводя дух. А потом удивился молчанию и проследил отцовский взгляд.

Тот, побелев, смотрел прямо перед собой и вниз. И тут только маленький Стефан разглядел под небольшом обрывом заваленное кучей валежника, зияющее, если хорошенько приглядеться, чёрное пятно. Отец молча полез прямо по бурелому вниз, знаком поманив сына следом.

Спустившись ниже уровня корней лесных деревьев, пан Януш не спешил к дыре, похожей на нору. Он уселся прямо на землю, хрустя сухими ветками, вытащил из кармана папиросу, не спеша помял, чиркнул спичкой, затянулся. Стефан смотрел на отца, как загипнотизированный.

— Послушай, сын… — начал тот, — пришло время открыть тебе самую важную тайну, дело всей моей жизни. Чует сердце, скоро начнётся заварушка… Если что-то случится, ты продолжишь это, дай слово, прямо сейчас!

Он снова судорожно затянулся, пристально глядя на Стефана, от волнения подрагивали руки, пепел падал на землю, приковывая взгляд мальчика.

— Мы с паном Гельмицем, с Егором, давно уже занимаемся разработками… которые необходимы гитлеровцам, больше всяких мирских благ. Вот здесь, — качнул он головой в сторону норы, — в тайнике, наши записи… У Егора дочь, Лили, он не может открыть ей секрет, не уверен, что она справится. А в тебя я верю. Ты сможешь продолжить… Тебе столько же сейчас, сколько было нам тогда… Стефек, слушай внимательно и запоминай!..

Они просидели там, вопреки обещанию, данному матери, около двух часов, мальчик с широко открытыми глазами слушал рассказ отца и хоть не всё понимал в свои неполные десять, однако старался запомнить.

Два друга — Януш и Егор, неисправимые фантазёры, с самого детства обожали сказки и активно интересовались реальным окружающим миром, при этом верили в существование других измерений, невероятных, фантастических. Они убегали в лес и частенько воображали себя волшебниками, создающими миллиарды миров, населённых самыми разнообразными существами и героями. Они играли в путешествия по этим мирам

с упоением, игры были настолько ярки, что они видели ясно картинки ими созданных миров. А однажды…

Однажды мальчики попали в сильную грозу. Бежать по лесу в разгар бушующей стихии друзья не решились и спрятались вот как раз здесь, в этом обрыве, под отвесной земляной стеной. Дрожа от холода, вымокшие и напуганные, десятилетние ребята молча, не сговариваясь, закрыли глаза и одновременно погрузились в свои фантазии, где было сухо, тепло и безопасно. Они погрузились быстро, легко и намного глубже — впали в транс, совершенно перестали ощущать эту реальность. Но они держались за руки и потому перенеслись в какой-то мирок, порождённый, как им тогда показалось, сиюминутным порывом. Там тоже был лес, но бесконечно дружелюбный, приветливый. Пока ещё никем не населённый, он подчинялся их фантазии покорно и моментально. Они являлись сейчас его создателями, его Творцами. И там мальчики стояли мокрые, всё так же, взявшись за руки, на опушке и переглядывались. Настолько ярки были ощущения, что они не только мыслями здесь, а и всем телом. Но ребята не испугались, принялись бегать по лесу, быстро согрелись, отыскали фруктовые деревья (точнее, придумали их и встретили через пару шагов, как данность), наелись, полежали на шёлковистой, нагретой солнечными лучами травке и только потом задумались о том, сколько прошло времени и как вернуться обратно?

Они снова выбрались на опушку и взялись за руки. С замирающими сердцами закрыли глаза и вообразили себе свой родной мир, свой лес. И вновь всё получилось.

Дождь к этому времени перестал, гроза прошла, и мальчишки, выбравшись из оврага, побежали домой.

С тех пор они уже не просто «играли», а, уединившись где-то ото всех, отправлялись именно в тот самый мир с лесом и речушкой, что была точной копией их родной. Теперь для того, чтоб так же ярко перенестись туда, не требовалось каких-то экстремальных условий. Егор и Януш запомнили ощущения и, с лёгкостью воспроизводя их, уносились в иную реальность, мир своих грёз, где для них не было ничего невозможного, нереального, невыполнимого. Они летали, плавали, бегали по выдуманному лесу, отмечая как, с каждым их новым появлением, он становился всё ярче и ярче. По каким законам жил тот мир, они ещё не задавались вопросом.

А потом ребятам захотелось присутствия ещё каких-нибудь живых существ в их чудесном местечке. Они долго спорили, каких именно. Разумных обычных животных или несуществующих, сказочных? И тот, и другой варианты были очень интересными и

захватывающими, но совершенно непредсказуемыми. И мальчики, ещё не имевшие опыта уничтожения своих творений, с осторожностью и не по-детски ответственно подошли к созданию чего-либо. А потом папа Егора подарил ему книгу. Фантастический роман с чёрно-белыми картинками, изображавшими мифических существ. Он положил начало более смелым экспериментам, тщательно изученный ребятами — дал жизнь некоторым чудесным созданиям.

Они в полной мере не понимали механизмов перемещения, но им было достаточно того, что сказка стала явью. Беспечные игры с уходом-возвращением в свой мирок продолжались ровно до тех пор, пока в селе не появился, откуда ни возьмись, старый полубезумный калика без имени, который обосновался на окраине, в заброшенной избушке бывшего пастуха, однако появлялся там редко — а где ходил в другое время, никто и не ведал. В селе же его, за глаза нарекая колдуном, прозвали Чародей и имя ему дали такое оттого, что он, не вступая в прямой контакт с людьми, иногда вслух бросал странные фразы. Их странность была в их несуразности, но потом они перестали казаться таковыми, поскольку начали сбываться. Люди постепенно стали прислушиваться к пришлому, маленькому, ссутулившемуся старику. В избушку пастуха зачастили гости с угощением и вопросами, на которые, впрочем, Чародей отвечал далеко не всегда, иногда впадая в безумное невменяемое состояние — тогда он начинал рассказывать всем подряд о своей погибшей дочке Алии, которую очень любил…Это было никому из взрослых не интересно.

А вот со всеми без исключения детьми из села у него сложились тёплые и довольно доверительные отношения, они взаимно привязались друг к другу, Чародей мог сидеть часами, перешёптываясь то с одним, то с другим. Родители пытались вызнать темы разговоров, но мальчишки и девчонки отмахивались и говорили, что горбун рассказывает им о насекомых и птицах. Постепенно от умалишённого отстали, что взять с юродивого?

Однако так не считали Егор и Януш. Старик уделял парнишкам особое внимание, общался с ними чаще и больше, чем с другими. И именно ему захлёбываясь, наперебой, доверили они свою «страшную» тайну.

Внимательно выслушав сбивчивый рассказ маленьких друзей и не сказав в ответ ни слова, Чародей лишь молча поманил их за собой, привёл к реке и, убедившись, что никто не подслушивает, вдруг заговорил с ними довольно чётко и осмысленно.

Он рассказал: всё, что проделывают они с путешествиями в

другой мир, проделывали до них сотни, тысячи людей. Он же объяснил мальчуганам и механизм переходов.

Оказывается, в такие моменты их тело оставалось здесь же, в этом мире, а вот другое (старик назвал его духом) — покидало оболочку и переносилось в сказочный мир.

Чародей поведал, как много десятков лет назад он тоже перемещался таким образом.

И не просто создал свой мирок и посещал его регулярно, а учил делать это других людей. В мире Чародея, наученные им переноситься туда, люди учились многим вещам, в которые не верят сейчас живущие здесь, не умеют делать и даже говорить на это тему — безумие. Мальчики и сами понимали всё, потому держали свои забавы в тайне от родителей.

Он называл свой мир Школой, и глаза горели, когда рассказывал, какие они творили дела в том мире. А потом поделился ещё одной не менее страшной тайной: тот мир, мир Школы, был напрямую связан с этим. Всё, что происходило там, отражалось на жизни здесь, они были крепко соединены, и разделяла их лишь тонкая невидимая грань. Учителя Школы (в число коих входил Чародей) имели каждый свою специализацию, но учили не чтению и письму, а невероятным умениям и навыкам… О них старик вообще шептал мальчишкам на ухо, даже будучи уверенным, что их никто не слышит.

А потом произошло что-то страшное в том мире, отразившееся на этом, или наоборот: события здесь повлияли на Школу — но почти все, пребывающие там в этот момент, погибли, уцелевшие — утратили умение перемещаться между мирами, Школа разом прекратила своё существование.

Чародей не мог и не хотел возвращаться туда отныне, чтоб узнать, что там сейчас.

Ему было и больно, и страшно, и тоскливо от гибели столь чудесного и невероятно сильного мира.

Тогда мальчишки рассказали старику осторожно, как заметили некое соответствие: когда они в чудесном лесу бегали и играли счастливо — здесь по возвращении их ждала прекрасная погода, люди в селе улыбались, а когда ругались и ссорились там невзначай — здесь возникало ненастье, поднималась буря или начинался дождь, сельчане ходили хмурые и раздражительные. Заметив закономерность, друзья старались лишний раз не сердиться, находясь в сказочном мире, не конфликтовать.

Старик надолго погрузился в молчание, а когда Егору и Янушу уже подошло время возвращаться домой — попросил их забежать назавтра.

На следующий день ждал их у завалинки, снова увёл к реке и

на этот раз вполне уверенно заявил, что они нашли именно то измерение, в котором была когда-то Школа. Мало того, что нашли, а даже возродили его, вернули к жизни, заселили живыми существами. Значит, не всё ещё потеряно, значит, путь туда вновь открылся для людей, позволил им обрести силу и войти, вместе с шансом восстановить Школу.

Теперь он рассказал и о цели её существования: помощь, поддержка этой реальности, сохранение спокойствия в ней, крепости и мира. Для этого ученики Школы разучивали и проводили светлые ритуалы, а так же тренировались в борьбе против проявления тёмных сторон человека.

У Школы было две составляющих, две половины: на одной обучались светлые ученики, на другой — тёмные, призванные закалять силу духа светлых оттачивать способности, путём развития собственных. Мощь Школы росла день ото дня.

Но в один момент произошёл страшный перекос в балансе сил, вследствие чего мир Учителей прекратил своё существование. Подробностей старик или не знал, или не захотел открывать, ответив лишь, что новому не должно мешать старое. Он попросил мальчиков перенестись туда снова, уверился, что тела остаются в этой реальности, потом совместными усилиями провели несколько экспериментов там, отслеживая их отражение здесь, и Чародей заявил, что Школа жива!

Мало того, коль мальчишки послужили толчком для её восстановления, то им и быть там… новыми Учителями. Начать с нуля, возродить традиции Школы.

— Грядёт что-то страшное, — бормотал Чародей, — неспроста это всё. Этому миру нужна помощь, поддержка. Вы должны!

Он попросил мальчуганов принести из дома бумагу и записывать всё, что он откроет им, все знания, что хранились в его голове и не были утрачены, перечёркнуты годами.

Януш и Егор не просто записывали, но и зарисовывали, делали наброски той Школы, какой она была в период его учительствования, механизмов её управления. Если начистоту, то мальчишки мало что понимали из слов старика, но скрупулезно цитировали их, «на будущее», как выразился тот, обещая, что ребята подрастут и поймут, что с этим делать.

Несколько раз Чародей также пытался перенестись в мир Школы, но у него, увы, ничего не вышло, слёзы на глазах перемежались с проклятьями, однако побороть собственное бессилие он не смог. Время старых наставников прошло, наступало время новых.

— Скоро, совсем скоро… — шептал старик, — появятся

ученики, мир окрепнет.

Надеюсь, успеете, пока наш не погряз во тьме, всё к этому идёт…

Напуганные мальчишки усиленно напрягали мозги, пытаясь поскорее вникнуть и предупредить грядущую катастрофу.

— А где мы будем искать учеников? — полюбопытствовал курчавый, длинноносый Егор, — и как научить их попадать в Школу?

— Да уж, легко это проделывать лишь Учителям, пусть и будущим, — проворчал Чародей, — для учеников же существует другой вход… Не думал, что когда-то открою его людям, отдам… Да хоть человек предполагает, но Бог-то располагает.

С этими словами достал из-за пазухи замусоленный, обветшалый комок ткани, внушительный узел, развернул его. В платке тщательно хранимом стариком, покоилась огромная связка колец, нанизанных на верёвочку. Несмотря на то, что, по-видимому, кольца эти пролежали у него в таком виде много-много лет, они все сияли, как новенькие. Совершенно одинаковые, серебристого металла (а может и впрямь серебро!) перстни. На первый взгляд кругляшек было не менее полусотни.

Зачем столько?

— Они совсем не одинаковы, — лукаво блеснул глазами старик, — приглядитесь, хлопчики…

И долго показывал ребятам рисунки, выгравированные на печатках. Рисунки различались не сильно, на всех них была изображена белая птица, только в различных вариантах. На одних она обвивала крыльями меч, на других — изображалась на щите, на третьих — несла в клюве ветвь, и так далее.

— Вот эти кольца Светлых учеников, — пояснял Чародей, — я собрал их в последние минуты существования Школы, не потеряно ни одного.

— У Тёмных учеников тоже были такие? — подметил проницательный Януш.

— В точку, — усмехнулся старик, поджигая самокрутку, — но их нет у меня…

— А где же?

— А вот это вам, хлопчики, предстоит самим отгадать. Чую, что остались они где-то в Школе, в дальней её части, там, где Тёмный лес, были уже в том краю?

— Нет, — покачали головами оба.

— Значит, скоро побываете. А уж я растолкую, как ориентироваться на местности…

Шли годы, и даже после пары десятков лет друзьям не удалось отыскать колец тёмных учеников. К тому времени

Чародей заметно сдал, хотя и не слишком постарел, казалось, годы подбираются к нему не столь быстро, как к другим людям.

Януш и Егор выросли, оставаясь всё такими же неразлучными друзьями, тщательно храня одну общую тайну. И, поскольку перстней Тёмных обнаружено не было, то и учеников набирать не представлялось возможным. Старик объяснил им, что кольца являются проводниками в мир Школы для простых людей, не имеющих в развитом виде таких способностей, которые есть у Учителей — способности передвигаться между мирами усилием воли.

Друзья почти одновременно познакомились с девушками, полюбили, женились и так вышло, что поселились по соседству. Егор создал семью с хорошенькой приезжей Линдой, а Януш взял в жёны Беату, дочку местного агронома. Так же почти одновременно у них родились дети: дочурка Лили у Егора и Линды и сынок Стефан — у четы Ковальски. Мысли о Школе и поисках отошли на второй план, хотя Чародей невидимой тенью постоянно маячил поблизости, побуждал лишь горящим взглядом, и стал этаким безмолвным ангелом-хранителем обоих семейств, а так же дорогим гостем в их домах.

Когда детки давно уж вышли из младенческого возраста, мужья, с благосклонного одобрения Чародея, посвятили жён в свою тайну. И стали уже теперь вместе корпеть над продолжающимся восстановлением Школы, её тайных и сакральных мест, а так же — над поиском утерянных колец.

А потом началась война, и Польша оказалась оккупирована фашистской Германией…

Всё это рассказал открывшему рот Стефану отец, сидя на прохладной осенней земле и глядя в пасмурное небо, вслед вьющемуся струйкой дыму.

— Вот это и есть тайна, в которую теперь посвящён и ты, Стефек, — улыбнулся пан Януш, но глаза оставались серьёзными.

— Невероятно… — только и сумел выдохнуть мальчик.

— С полгода назад оккупантам удалось случайно стать свидетелями нашего с Егором разговора, как ни прятались мы, но вот… вышел прокол. Нас вместе с мамой тщательно допросили, я был уверен, что в этот «бред» не поверит ни один здравомыслящий человек, но, однако же, ошибся. Гитлеровцы всерьёз взволновались и засуетились. Через пару дней в село приехало такое начальство, что тебе и не снилось, сынок. На попятную идти было поздно. Чародей дал добро на то, чтоб мы рассказали о Школе всё, что знаем, поскольку иначе они вырезали бы обе семьи.

После дюжины экспериментов, полученных доказательств,

нам с Егором было сделано предложение, от которого мы не имели возможности отказаться: работать на Германию в лице фюрера. Понимаешь, сына, он, одержимый властью завоевания, стремится к тайным знаниям, неподвластным множеству людей. Любое сверхъестественное явление, открытие немедленно привлекает внимание его структур и попадает под пристальное изучение, с целью сотрудничества, а проще говоря — рабство, подчинение его власти.

Отец помолчал, переводя дух, рассеянно глянул на папиросу и откинул её в сторону.

— Школа заинтересовала гитлеровцев неимоверно, это же такие перспективы внешнего воздействия на наш мир, исподволь. Кажется, она у них была запланирована для воспитания новой расы людей, арийской…

Он усмехнулся. А Стефан вспомнил, как отсылали его из дома, едва только наведывались солдаты, Лили, также удалённая из родной хаты, уже ждала у околицы и они шли гулять, не задумываясь, какие дела у гитлеровцев с их родителями.

По-немецки ребята не понимали, потому подслушать никогда даже не пытались.

— Но мы с Егором понимали, чем это закончится. Стоит передать все разработки и секреты в их руки — нам всё одно — не жить. Сколько могли — тянули время, но оно не резиновое и может статься, в любой момент придут и потребуют. Потому мы соорудили тайник и спрятали бумаги тут. На всякий случай я подробно описал методику попадания в Школу, способы управления её настройками и прочее… специально для тебя. Показать лично, вероятно, уже не успею. А если успею — хорошо, но сейчас надо возвращаться, мамка забеспокоится. Я ей не сказал, куда и зачем повёл тебя, нечего беспокоить раньше времени. Возьми-ка мастерок и сунь в тайник, туда, под ветки, присыпь листьями, авось сгодится. Там до бумаг покопать придётся, зарыли их сантиметров на двадцать в землю.

Пока Стефан послушно выполнял приказ родителя, тот озирался по сторонам, встревожено, слегка даже недоумённо, дивясь, что за ним не установлено слежки, мало веря в подобное. Но это было, к счастью, именно так.

— Хорошо, — одобрил пан Януш работу сына, — а теперь тронемся в путь. Помни, Стефек, что случись — убедись сначала, что нет слежки, беги сюда со всех ног, забирай материалы и спасай их, уноси подальше. И не забудь о Лили в случае чего…

У Стефана ёкнуло сердце. Что может случиться с родителями? Они вот уже год находились в оккупации, но особых неудобств это не причиняло, всё Польша так жила. И хоть он уже

не маленький, многое понимал из разговоров родителей, до сих пор полагал, что они в безопасности и даже под гнётом Германии им ничего не грозит… Оказывается, совсем рядом происходило нечто серьёзное, что приняло немыслимый оборот. И в этот момент мальчику стало страшно.

А отец уже стоял наверху оврага и протягивал сыну руку…»

ГЛАВА 23

— Да, это было делом всей жизни наших родителей, — грустно произнесла Алия.

Сейчас она напоминала больше маленькую, расстроенную, беспомощную девочку.

Ребята не шевелясь, затаив дыхание, слушали. Но лишь я ощущала, как тоскливо сжимается сердечко Лили, как всеми мыслями, всей памятью она оставалась всё ещё там, в прошлом.

— Потом нашим… — негромко поддержал Стефан.

— Да, нам многое пришлось пережить и выдержать, — на глазах заведующей блеснули слезинки, — мы вырастили Школу, как дитя, она расцвела у нас на глазах, окрепла, стала такой, какая есть сейчас.

Голос дрожал, но нотки гордости пробивались столь отчаянно, что у меня горло перехватило. И не у меня одной.

— Уверен, ребятам будет интересно и полезно узнать, что именно выпало в своё время на нашу долю, — качнул головой Учитель, — я продолжу. Однажды…

«В сенях раздались шаги, в дверь забарабанили. Приглушённая немецкая речь подсказала, кто нанёс визит.

Отец с матерью вмиг переглянулись, побледнели.

— Стефек, иди сюда, — чужим резким голосом негромко скомандовал пан Януш, пока мать поднималась и, оглядываясь, медленно шла к двери.

Стефан чуя, как вмиг пересохло в горле подбежал.

Отец цепко и болезненно схватил за руку, широкими шагами утащил в дальнюю комнату. Постоянно озираясь, распахнул окно, высунулся, осмотрелся. Схватил сына подмышки и водрузил на подоконник, столкнув на пол мамин любимый цветок. Стефану стало страшно, отец не обратил внимания на случившееся. Значит всё очень серьёзно.

— Послушай, Стефек, — жарко зашептал пан Януш в спину сыну срывающимся голосом, — беги, прогуляйся куда-нибудь, не приходи рано.

А потом быстро столкнул с невысокого подоконника. Стефан едва удержался на ногах, прыгая. Голоса в дальней комнате усилились, гости вошли в дом.

— Сынок… — воскликнул папа вполголоса, — не забудь… помни, о чём я тебя просил.

И о Лили тоже. Не теряй времени и не попадись. Храни тебя Бог!

Он захлопнул окно, задёрнул занавеску и исчез в недрах

дома.

Слёзы навернулись на глаза, ноги внезапно предательски ослабели. Мальчик не знал, что делать, куда идти, он явственно ощущал беду. Не понимая, зачем, пошёл отчего-то в огород.

— Тс-с-с… — донеслось из кустов обильно растущего у ограды плюща.

С тревогой оттуда суетливо махал рукой Чародей. Он расширил переплетение ветвей, отчего в ограде зазияла дыра.

— Хлопчик, быстро! — он поманил.

Не чуя ног, Стефан повиновался, старик, слегка высунувшись, ухватил за руку и рванул к себе, вытащил на улицу, засеменил по пыльной дороге задами домов.

— Пан Ча…Чародей… — выговорил Стефан на бегу, — что там? Куда мы?

— Только бы не было поздно… — буркнул старик, волоча мальчишку, и откуда такая сила взялась в этом тщедушном дедульке?

Они приблизились к огороду соседей, сбоку, там были особенно густые заросли.

— Сиди теперь здесь и тихо! — цыкнул Чародей, глаза горели, губы дрожали, — я сейчас…

Он резво раздвинул ему одному ведомую лазейку и исчез в огороде Гельмицев.

Стефан опустился на землю, весь дрожа подполз к лазейке и заглянул внутрь. И в этот самый момент он услышал выстрел. Сухой треск разорвал дремотно-ленивую полуденную тишину и донёсся он со стороны его, Стефана, дома! Следом, почти без паузы, раздался второй выстрел. Мальчика затрясло.

— Ма-ма-ма-ма… — забормотал онемевшими вмиг губами, слёзы потекли по щекам. Он знал, что именно произошло у них дома. Он ЗНАЛ.

Отец не отдал гитлеровцам бумаги, отказался сотрудничать.

Оцепенение, охватившее Стефека, вмиг пропало и теперь им овладела паника: бежать! Куда? Неважно, подальше отсюда! Здесь оставаться опасно.

Но было страшно, так страшно, что он отчаянно нуждался в помощи. И тогда мальчик пополз в огород соседей вслед за старым Чародеем. Куда и зачем скрылся тот — он не знал, понимал одно: без старика ему не выбраться, не спастись, просто нет сил.

Через пару шагов мальчик поднялся и, шатаясь, на подгибающихся ногах, обливаясь слезами, поплёлся в сторону дома дяди Егора и тёти Линды. Однако, у калитки вдруг остановился, словно налетел на стену: в доме Гельмицев тоже

прозвучал выстрел. И страшный крик матери Лили. А потом автоматная очередь и крик, захлебнувшись, смолк. Следом прозвучала отрывистая команда на немецком. Стефан упал на колени и замер, увидев, как откуда-то сбоку быстро ковыляет Чародей, прижимая к себе обвисшую Лили, Правая его рука плотно закрывала рот девушки, хотя та была без сознания. Увидев Стефана, старик недовольно тряхнул головой и знаком приказал мальчику двигаться обратно. Но тот от шока никак не мог пошевелиться и лишь когда пан Чародей скрылся из виду за деревьями, мальчик, превозмогая себя, пополз следом. Его больше напугала перспектива остаться одному и быть найденным палачами.

За оградой старик ждал его, усадив девочку на землю.

— Я же велел оставаться здесь! — грубо проворчал Чародей, так он ещё никогда не разговаривал с ними, — надо идти.

Он принялся бесцеремонно хлестать Лили по щекам, но та оставалась безучастной.

— Пан…там…там…мои родители… — залился слезами Стефан.

— Знаю! — прервал старик, но потом, глядя на мальчика, смягчился, — поздно плакать, хлопчик, нужно уходить. Соберись же, будь сильным! Тебе отец рассказал?

Не понимая толком вопроса, Стефан машинально кивнул.

— За мной, — без дальнейших вопросов вздохнул Чародей, взвалил девочку на плечо и посеменил быстро-быстро по улице, прочь от дома.

Он шёл не в сторону реки, но Стефан послушно побежал следом. Оказалось, Чародей отправился в обход, чтоб скорее смешаться с лесом, а уж там сменил направление.

Юный Ковальски догнал его довольно скоро, сцепив зубы и, понимая, что его жизнь бесповоротно изменилась, он судорожно думал — что и как теперь будет, тщательно припоминал слова отца.

Наконец Лили вздохнула на руках спасителя, и тот остановился, буквально рухнул на землю, только тогда Стефан понял, как изможден старик и мгновенно испытал стыд за то, что не удосужился предложить свою помощь. Привалив девочку к дереву, Чародей участливо, совсем другим тоном, нежели у Стефека, спросил у неё:

— Как ты, милая?

Но она молчала, глаза, сначала растерянные, стали осмысленными и, вслед за тем — в них вспыхнуло безумие. Лили застонала, прикусив губу.

— Она всё видела, — пояснил старик, утирая пот, —

бедняжка, надеюсь, рассудок вернётся к ней достаточно быстро. Вам нужно спешить. Дальше ты отвечаешь за неё целиком и полностью, ясно?

— А вы… вы не пойдёте с нами? — растерялся Стефан.

— Нет, моя миссия почти закончена. Я вернусь и отвлеку, наверняка вас будут искать, так что поспешите.

Он снова повернулся к Лили, в глазах старика вспыхнула странная, глубокая нежность. Протянув высохшую, сморщенную, дрожащую руку, Чародей аккуратно убрал с глаз девочки прядь волос, утёр слёзы, которые двумя дорожками сочились из глаз.

— Милая моя, крошка… Алия моя… — забормотал старик, видно вновь в памяти всплыла покойная дочь, которая, по его рассказам погибла в юном возрасте, — ты будешь жить, я всё для этого сделаю. Но не могу оставаться с тобой…не могу. Я должен завершить. Береги её!

Последние слова, адресованные Стефану, старик произнёс твёрдо, но умоляюще. Так, что мальчик, наконец, чётко понял, что он уже не ребёнок и отныне всё в жизни придётся брать в свои руки. На нём лежит теперь огромная ответственность не только за свою, но и за жизнь подруги, которая сейчас не осознавала себя и не могла принимать решений. Он кивнул и встал, Чародей помог подняться Лили, убедился, что та может идти своими ногами, обнял её на прощание и передал безвольную руку Стефану. Лили, больше похожая на куклу, безостановочно молча плакала, а взгляд её, полный боли, смотрел куда-то мимо, в пространство, словно видя там падающую подкошенной автоматной очередью свою маму.

Чародей спас их и, напоследок сунув мальчику небольшой свёрточек с деньгами, теперь семенил прочь, из леса, в село.

А Стефан вдруг словно на несколько десятков лет стал старше. Что-то открылось внутри, в его душе, такое, отчего он понял, что старик скоро погибнет, последний свидетель и Учитель Школы, а её будущее зависит лишь от них, как и их собственное.

Оглянувшись, старик вдруг крикнул отрывисто:

— Сделайте ВСЁ для Школы!

А потом махнул рукой, не останавливаясь: мол, идите же! И скрылся из виду. Обняв за плечи подругу, Стефан по возможности быстро повёл её по лесу, сосредоточившись на ориентирах. Он шёл к тайнику, указанному отцом за два дня до сегодняшнего и не позволял чувствам и эмоциям овладеть им. Никаких слёз, никакой слабости. Сейчас всё зависит лишь от него и его действий! Нельзя ошибиться и нужно спешить.

НЕ помня толком, как в тумане, Стефан, наконец, нашёл это

место, двигаясь автоматически, откопал пакет с бумагами, сунул его за пазуху и, забрав Лили, двинулся дальше, в противоположную от села сторону.

Они шли несколько часов без устали, Лили по-прежнему пребывала в своём мире, только уже не плакала, прижавшись к Стефану доверчиво, хотя всё ещё словно не узнавала его.

К вечеру вышли к железной дороге и, буквально чудом, им удалось спрятаться в товарном поезде, идущем в неизвестность. Так они оказались в Варшаве поздней ночью, переночевали в парке под кустом, а утром, когда девочка уже могла немного реагировать на окружающую действительность, позавтракали и началось их нелёгкое путешествие с поезда на поезд, тайком, всеми правдами и неправдами — в Россию.

Этот конечный пункт выбрал Стефан, не подозревая тогда, что в России через два года начнётся война с Германией.

И путешествие ребятам удалось.

В Москве их, как брата с сестрой, определили в детдом, дали образование, а потом, в послевоенной России, дети получили и работу. Лили пошла в медсёстры, а Стефан на завод. Так закончилось их детство. Девочка оттаяла и пришла в себя через полгода после бегства из Польши, но всё же иногда на неё находили периоды, когда что-то всплывало в памяти и она часами сидела в ступоре, глядя в никуда, не реагируя на внешнюю действительность. Стефан заботился о «сестре» с отеческой теплотой и старательностью, она благодарила его ответной лаской и преданностью.

Однако она не могла дать ему того, чего хотел влюблённый не по братски юноша, потому что он молчал о своих чувствах, боясь причинить боль или обидеть хрупкую, как тростиночка, девушку с огромной раненой душой. Так на протяжении всей жизни его любовь и оставалась безответной…»

— Почему… ты не сказал мне об этом? — тихо растерянно проговорила Алия-Лили, — ты всю жизнь прожил со мной, не искал себе пары, но я не могла и подумать…

— Не хотел оставить тебя. Не мог променять на другую женщину, — опустил голову Стефан.

Мы смотрели на них и видели двух пожилых людей, как-то давно ради идеи упустивших свой шанс. Лили из властного и жёсткого директора психиатрического реабилитационного центра превратилась внезапно в обыкновенную бабульку «божий одуванчик», смущённую и растерянную, руки у неё тряслись мелкой дрожью. Не знаю, как остальные, а я ощутила себя вдруг здесь сейчас лишней: неуместно и неуютно.

— Почему же сказал об этом сейчас? — почти прошептала

старушка.

— Мне больше нечего скрывать, терять и утаивать.

Стефан сейчас выглядел совсем не тем, кого я видела в Школе. Тогда это был уверенный мужчина с расправленными плечами и горящим взглядом, чем-то завораживающий. Сейчас же это был просто старик, огромный, мощный, но старик, уставший от жизни и того бремени, что нёс на себе все эти годы.

— Ты забыл про Школу? — покачала головой Лили, — мы можем потерять её.

Она метнула в нашу компанию недобрый взгляд, однако в нём явственно ощущалась беспомощность, агрессию излучало именно это чувство, на инстинктивном уровне.

— Всё проходит, Лили, абсолютно всё — покачал головой «брат», — и приходит время новому: новому поколению, новым Учителям, новым поворотам событий.

— Что ты хочешь сказать? — Алия вздрогнула, подобралась, напыжилась, стала вдруг похожа на ощетинившегося воробья.

— Как не убегай от очевидного, оно тебя настигнет всё равно, — глухо ответил Стефан, — мы довольно долго пытались сопротивляться, но годы…годы, Лили… они идут и берут своё. Возможно, оставайся мы, как Чародей, Учителями и дальше — прожили бы не одну сотню лет. Но всему приходит время. И время уступать тоже. Мы сделали для Школы всё, дальше…

— Но… я не хочу, — Алия съежилась и теперь была похожа на мышку, загнанную в угол кошкой, — это ведь дело все нашей жизни. Вспомни, как мы постигали, как не спали ночами, учились, разбирались, создавали… помнишь? Это наше детище!

Справятся ли они, осилят?

— Они — осилят! — твёрдо сказал Стефан, — и уже доказали это. Один из них как-то, если помнишь, уже перекрыл нам однажды доступ в Школу.

— И где он сейчас? — хмыкнула Лили и ткнула в меня пальцем, — если бы не она, так и оставался бы пленником Леса.

— Да, именно она… — проговорил задумчиво Учитель.

Они общались так, словно мы бессловесными манекенами присутствуем здесь и вовсе не нуждаемся в объяснениях, обращениях лично к нам… словно бы нас тут нет. Это был диалог двоих людей, без права вмешательства третьего.

ГЛАВА 24

И мы слушали, слушали, слушали…

«Сколько прошло лет, прежде чем им удалось добиться того, что имеют сейчас? Не меньше десятка. Копаясь в бумагах отца, тщательно изучая и пробуя, пытаясь нащупать своё, когда не хватало информации… С недоверием, а порой скептицизмом, но с упорством послушных детей, Стефан и Лили открывали новые и новые знания, умения, горизонты. Переноситься в Школу ребята научились довольно быстро, это оказалось не самым сложным. Гораздо труднее было что-то поменять в том мире, постигнуть его законы. Даже по записям родителей многое оставалось непонятным, порой они шли наощупь, методом проб и ошибок.

На самом же деле большую часть этого труда пришлось взять на себя Стефану. Лили оставалась безучастной к общему делу, выполняла лишь его просьбы, но не высказывала инициативы. Однако, в мире Школы девушка преображалась, там ей становилось легче, проблемы и несчастья внешнего мира словно отступали на задний, невидимый план. Она с восторгом общалась с существами, населяющими Лес и порой не хотела возвращаться в серую, беспросветную реальность. Стефан же спешил найти кольца Тёмных Воинов, чтоб поскорее набрать учеников. Благо знал, чему им учить, эта информация снизошла на него подобно урагану, когда он научился «перекраивать» реальность Школы. Нечто подобное произошло однажды и с Лили…

Они стояли рука об руку на огромной поляне посреди Леса. Один её конец соприкасался со Светлой, а другой примыкал к Тёмной части Леса. Эту поляну они окрестили полем Боя. По записям — именно здесь происходили когда-то бои за равновесие; научившись погружаться глубже, Стефан разглядел и призрачно движущиеся фантомы тех лет. Каков срок их давности — он не мог постигнуть, но мурашки ползли по телу от соприкосновения с этой тайной.

Сейчас поляна была абсолютно пуста, не считая их двоих. Ребята приходили сюда каждый день, пытаясь найти ответ на вопрос: где же кольца Тёмных? Без них нереально набрать учеников и научить всех в краткий срок перемещаться между мирами…

— Здесь они сражались… — тихо, полушёпотом, произнесла Лили.

Голос её звучал ровно, без эмоций, бесстрастно. Она скорее констатировала факт, чем выражала отношение к событиям минувших дней. В отличие от Стефана, у которого получалось

довольно непринуждённо принимать другой облик, создавать абсолютно любой виртуальный образ и оружие, у неё ничего не выходило. Девушка не прилагала никаких усилий, казалось, ей было всё равно.

Окружающий пейзаж, присутствующие здесь существа, сам этот мир — всё напоминало Лили погибших родителей, и смерть они приняли именно из-за этого мира, закрывая вход в него ценой своей жизни. Она почти ненавидела его, ибо не видела в нём смысла, в самом его существовании. Столько лет они со Стефаном приходят сюда каждую ночь, изучили каждый уголочек, познали предназначение каждого сакрального места — но всё бесполезно. В чём смысл существования Школы? Стефек сказал, что она станет тут Учителем, а у неё не получается элементарное.

— Да, много, очень много поколений Воинов вело бои на этой поляне, — откликнулся «брат».

В его же голосе звучал гордость за принадлежность к этому миру, радость.

«Неужели я так и не смогу понять, за что наши родители заплатили кровью?» — в отчаяньи подумала Лили, — «неужто всё и правда зря?»

Она шагнула вперёд, прошла, встала в центр поляны. Стефан остался у кромки, не сводя с подруги глаз.

Лили закрыла глаза, сжала зубы, воздела руки кверху, напряглась. Ничего не происходило, ничего не менялось. А потом вдруг, словно разуверившись окончательно, девушка рывком опустила руки и открыла блестящие от бессильных слёз глаза — и в этот момент за её спиной вдруг раскрылись, распахнулись ослепительно белоснежные, огромные, сияющие крылья. Стефан ахнул, а она, ощутив, оглянулась и — дух захватило! Лили подняла руки, гладила свои крылья, то смыкая их и укутываясь с головой в кокон, то распахивая, гибкие, послушные, гладила лебединые перья. Сияние скользило по крыльям, переходило на волосы — и они меняли цвет, удлинялись, кудрявились, вздымаясь волнами; на платье, которое, подобно сказочным метаморфозам одежды из сказки о Золушке, превращалось на глазах в нечто восхитительное, не поддающееся описанию. Но Лили не замечала других перемен, она видела только крылья. Её первые белоснежные крылья, сотворённые из самых глубин измученной души, той частью, что безмолвно взмолилась к ушедшим родителям. И она получила ответ. Она поняла, ЧТО значит быть Учителем, Воином, она впустила сейчас в сознание понимание и всю информацию, что хранилась в этом месте: о бесконечных боях, заключенном в них смысле, взорвалась пылом, азартом творца, прониклась тем же, чем горел уже Стефан.

И в эту секунду он мысленно сказал: «Поздравляю тебя, сестрёнка…»

А она, осознав, что слышит и может теперь так же, в ответ улыбнулась и кивнула.

Теперь этот мир не был ей больше чужд, он являлся отныне ЕДИНСТВЕННЫМ миром, что связывал её с родителями и здесь они были живы, слышали её, помогали ей. Она поняла, что служение Свету — смысл всей её жизни, для этого она родилась и поэтому избежала смерти. Только лишь этому отныне будет посвящена вся жизнь.

Теперь нереальным и чужим стал тот, другой, реальный физический мир…

Потом они сидели на пригорке опушки Леса, у спуска к реке, где Стефан повесил специально для неё много лет назад качели, летающие прямо над водой — это местечко стало её излюбленным, там Лили ощущала покой и заботу о себе. Смеялась — впервые за многие годы — и взахлёб описывала свои ощущения и новые впечатления, а Стефан обнимал девушку за плечи и, раскачиваясь всё сильнее, смеялся вместе с ней.

В тот день Лили приняла решение сменить имя, стать, хотя бы в Школе — Алией, в честь памяти о старом Чародее, можно сказать, подарившем ей вторую жизнь.

А потом они, наконец, обговорили управление Школой и распределили между собой обязанности. Лили-Алия приняла решение взять на себя управление Светлой половиной Школы. Она всегда тяготела к возвышенным порывам и светлым устремлениям. Да и родители её, в частности, Егор, придерживались философии, близкой к учению Христа: о прощении обидчиков и всеобщей любви. Даже когда гитлеровцы расстреливали её отца, он мягко и настойчиво пытался убедить их услышать своё сердце, твердил, что свет в душах восторжествует и лишь став на его сторону они спасутся от тьмы в себе. Отец же Стефана, грубоватый пан Януш, проповедовал «добро с кулаками», воздаяние за несправедливость и активное противостояние всему, что ему не нравилось. Не стоило даже сомневаться, что перед смертью он проклинал палачей и презрительно смеялся в нацеленное на него оружие, а последними словами были слова о том, что «они — уродливое порождение нацизма и вскоре будут уничтожены и вспоминаться, как позор Германии во всём мире, даже в своей стране!». Таким образом, Стефан совершенно спокойно взял на себя Тёмную часть Школы. Единственное — он не хотел быть заведующим, решив остаться просто Учителем, в отличие от Алии, которая хотела управлять, считая, что в её силах насаждать в душах любовь и

вдохновлять людей. По сути, Лили не была Воином в полном смысле слова, но она сочетала в себе мягкость с умением объединять людей и управлять ими.

И как только они поделили меж собой территорию — им открылось местонахождение колец Тёмных Воинов. Это была последняя головоломка, отгаданная и давшая начало настоящей деятельности этого измерения. А прежде чем её развернуть, нужно было ещё позаботиться о будущем Школы, её безопасности и крепости. Поначалу этот вопрос не волновал Стефана, но в тот момент отчётливо проявился в голове, как и ответ на него.

И вот, задолго до появления первых компьютеров, Стефан, предвосхищая идею, «по их подобию» создал отдельную базу настроек Школы, куда отправлялся каждый раз, когда требовалось что-то подкорректировать. С каждым годом эти вылазки становились реже и реже, система работала отлажено, как часы, Школа ожила и стала практически самобытным организмом.

Раньше пространство было достаточно гибким и пластичным, чтоб усилием мысли воздействовать на него менять настройки, но Стефан решил поменять порядок вещей.

Он подозревал, что именно от этого пострадала в последний раз реальность Школы, следовало отгородить её от повторения такого варианта, обезопасить. И он закрыл доступ в настройки ото всех, кто не знает, где он находится, а переход туда закрепил за Мёртвым озером в Тёмном Лесу. Среди учеников же распустил слух о том, что это страшное место и опасное для любого из них. Лили потребовала одинаковых возможностей, и в Светлом Лесу был открыт аналогичный портал — на озере Забвения. Про него ходила легенда, что искупавшийся в его водах потеряет память и жизнь начнётся с чистого листа, подобно жизни новорождённого ребёнка.

Достаточно было окунуть в озеро ладони, например, чтоб забыть события последних дней, например, несчастную любовь или болезненный конфликт, и так случалось.

Потому легенде верили и никто не отваживался нырять в озеро с головой.

По истечении некоторого времени находились смельчаки, отважно пускавшиеся в приключение: испытать на себе услышанное. Но они никогда не возвращались. Стефан и Лили объясняли их сотоварищам, что у тех стёрта память и они вернулись в тело, чтоб обрести жизнь беспомощных малышей в лучшем случае. В худшем же — не вернулись вовсе. На деле же всё было не совсем так… Любопытные попадали в базу настроек, Учителя нагоняли их и возвращали обратно домой,

предварительно отобрав кольцо и подкорректировав память с помощью гипнотических техник. Всё всегда кончалось хорошо, ровно до тех пор, пока в настройки не сунулся пронырливый и сообразительный Волька, как-то раз подсмотревший визит Стефана к вельве Лине и последующий за этим прыжок в Мёртвое озеро…

Зафиксировав мир Школы таким, каким они восстановили его окончательно, Стефан сделал «слепок реальности», который затем спрятал в базе настроек. Отныне не нужно было мучаться, начиная с нуля, в случае краха установленного порядка вещей этого мира. Теперь достаточно лишь извлечь его и активировать — и Школа вновь становилась такой, какой была до сбоя. «Слепок» этот Учитель Тёмных Воинов очень красиво оформил, дав название «Белый Единорог»: процесс его активации сопровождался потрясающе красивым зрелищем — к стенам замка в долине на рассвете приходил белый единорог, коих не водилось в Лесу, тёрся о стену, потом звучала неземная музыка, в которой каждый находил своё, но всех она завораживала и рождала ощущение Чуда. Потрясение, испытываемое человеком в этот момент было сродни перерождению, свидетели происходящего всем сердцем проникались идеей Школы, становились более пламенными её последователями и дух их горел ещё более страстно.

Но даже в настройках не было упоминания о том, что происходит на самом деле в результате активации «слепка». Школа становилась прежней, и с этого момента какое-то время доступа в настройки больше не существовало ни для кого, кроме Стефана. Мёртвое, а также озеро Забвения, приостанавливали свою функцию, как портала — так обезопасил себя и Школу Учитель Воинов ещё более…»

— Я не была до конца в курсе «Белого единорога», Стефек не посчитал нужным посвятить меня в детали, — старушка смотрела на «брата» обиженно, из-под очков, — иначе я, возможно, всё взвесив, не совершила бы ошибки…

— А я недооценил тебя, Лили, — вдруг тепло улыбаясь проговорил Стефан, касаясь своей огромной ладонью маленькой ручки подруги, — и твоей любви к Школе.

— Да, я люблю Школу! — сверкнула глазами Алия, — чего не скажешь о тебе…

— Перестань, — мягко попросил Стефан, — в том мире вся моя жизнь. И ты это прекрасно знаешь.

— Почему ты опустил руки и перестал бороться?! Теперь, когда пределы Школы уже не так недоступны обыкновенным людям…

— Именно поэтому! Неужто и теперь не понимаешь, Лили, что наше время прошло? — Стефан, мне показалось, сказал это хоть с грустью, но и с облегчением, — нужны новые Учителя, которые смогут дать Школе новую защиту и передавать уже более совершенные знания, другие энергии. Видимо, мы этого дать уже не можем. И не они, нет, сама Школа, выбирает того, кто продолжит это великое дело! Мы не должны противиться, восставать против её решений. Когда-то она допустила нас без колец и знаний до своих пределов, теперь их.

Лили молчала. Молчали мы все. Виолетта, похоже, обретя самообладание, что-то украдкой конспектировала в записную книжку. Пауза затягивалась, ребята тщательно осмысливали услышанное и переваривали смысл сказанного Стефаном.

— Многое из того, что вы рассказали о Школе тогдашней, — наконец, деловито прервала тишину Вилка, — немного разнится с тем, какова она сейчас. И философия Школы, её предназначение, подносятся ученикам иначе. Почему?

— Иное время — иные трактовки, — улыбнулся Стефан добродушно.

— Светлое и Тёмное отделения, какую идею, суть заключали они в себе тогда, когда создавались вашими родителями? — допытывалась Вилка задумчиво, но твёрдо.

— Светлое отделение всегда несло в души идеи мира и гармоничного течения по жизни, — сухо ответила Лили.

— Принявшие вид вмешательства и ограничений догмами морали, — усмехнулся Волька.

— Тёмное было символом власти и напора, — Стефан понимал, к чему всё идёт.

— А стало символом вседозволенности и потребительской свободы, — закончил Волька.

Алия возмущённо вскинула голову, но Стефан поднял руку, успокаивая её жестом.

— А ведь он прав, Лили, — сказал Учитель, — Школа изменилась. Изменения претерпели не только традиции, но и наше мышление, скорее даже второе повлияло на первое. И это уже не та идея, что воплощали наши родители, разброд царит в душах учеников, хаос, понимаешь?

— Да! — глаза Алии загорелись, — я заметила это давно. Только Свет способен принести мир, он всегда восторжествует и лишь за него надо бороться.

— Лили… — покачал головой Стефан, — ты всё туда же идёшь, разве не видишь?

Наиважнейшая цель — баланс! Чем больше его перекос в одну сторону, тем сильнее, яростнее и более неконтролируемой

становится другая сторона! Раньше бои были добрее, если Воины и гибли, то не от ненависти друг к другу и не от злобы, а с пониманием, что своей жизнью удерживают равновесие, а что сейчас?

Алия хотела что-то воскликнуть, возразить, но так и застыла с открытым ртом.

У Леты в голове вертелся вопрос, но девушка не решала его задать. Богдан словно прочёл её мысли.

— Я полагаю, все ждут заключительного объяснения… — тихо сказал он.

Волька сжал челюсти.

— Именно сегодня и именно здесь происходит перелом в истории существования Школы, творится новая история, старое уходит, а новое зарождается, чтоб набрать полную силу. Стефан, ответь за себя и Лили.

— Мы… мы согласны, — хрипло проговорил Стефан, не опуская взгляда, рука Алии нащупала его ладонь, они слились, — пора… уходить, на отдых, на покой, мы всё сделали. Пусть наше великое дело продолжат молодые.

Богдан кивнул и перевёл требовательный взгляд на Вольку.

— Теперь ты ответь.

Вольдемар повернулся ко мне, посмотрел в глаза, долго, пронзительно. Я безмолвно послала ему свой ответ, улыбнулась краешком губ.

— Мы согласны.

Вилка вдруг потрясённо прошептала:

— Неужели… это правда? Я думала… это метафора, про старое и новое, но… Алиш, ТЫ ЖЕ ЗНАЛА! Когда обещала мне помочь с книгой, это так?

Я неопределённо наклонила голову, сомневаясь в том, стоит ли отвечать.

— Стоп! — Богдан поднял ладони, — не это суть важно сейчас. Предлагаю выпить за происходящее… сока. Или вообще всего, чего хотите, бар целиком в нашем распоряжении! Ну же, не конец света пришёл, а наоборот — рождение!

Он улыбнулся так, что моментально спало общее напряжение. Показалось, что зал наполнился солнечными лучами.

— За рождение НОВОГО! — первым поднял свой бокал Стефан, улыбаясь так же лучезарно.

А в душе царил его покой. Полное осознание наступившей отныне свободы, бесконечности любого выбранного пути. Алия неловко подвинула к себе свой сок, но и в её душе я ощущала стремительно растущие перемены. Она оттаивала, принимала тот

факт, что всё меняется.

Ребята активно чокались, смеялись, я заметила краем глаза, как Стефан потянулся к Вольке, пожал ему руку, что-то сказал забавное, дразнящее, все рассмеялись. Но это всё я наблюдала словно издалека, не сводя взгляда с Алии. Заведующая вдруг повернулась ко мне.

— Всё правильно, — негромко произнесла она, лицо посветлело, — ты больше, чем Учитель, справишься на моём месте. И история повторится вновь…

— Какая история?

— История любви, — мягко улыбнулась старушка, — думаешь, я не любила Стефека?

Ах, как я его любила… Но это вечное противостояние Света и Тьмы, мы были на разных полюсах и лишь дома… но и в реальности таились друг от друга.

Она говорила негромко, одними губами, однако я прекрасно слышала каждое слово.

Голоса остальных словно отдалились, мы будто бы попали в иную реальность, где могли говорить и никто не обращал на нас внимания.

— А может и будет всё иначе, — задумчиво пробормотала Алия, — и вы действительно переведёте Школу на другой уровень, где Добро и Зло не станут враждовать, а сольются в одно целое, будут поддержкой одно для другого. У нас не получилось этого, но в вас я верю!

— Спасибо, — шепнула одними губами в ответ, — а у вас всё ещё впереди.

— Да… — легко, по-детски, рассмеялась Алия, — сколько нам осталось жизни… надеюсь, успеем.

— Успеете! — заверила я.

— Знаю, ты «видишь». Даже у меня не было такого дара, — вздохнула Алия, — для этого приходилось долго настраиваться на потоки информации в пространстве, потом отсеивать ненужное, потом… ай, ладно! Старому действительно не тягаться с новым!

Вы достойно примете и пронесёте… Ах, девочка моя, это такая ответственность и такая ноша!

— Она стоит того.

— Да, это так. К тому же, вам не нужно будет начинать с нуля, Мираб… Богдан поможет адаптироваться и так далее…

— А как давно Богдан в Школе? — полюбопытствовала.

— Лет десять уж как, — задумалась Лили, — совсем молоденький был, когда… впрочем, сам расскажет, если захочет.

— Алия, можно ещё один вопрос?

Я вдруг вспомнила, как мы сидели однажды на кухне Вольдемара, все вместе, в тот самый вечер, когда я рассказала ребятам всё. Мы тогда болтали о Школе, а я рассматривала мысли ребят. Алиса, например, судорожно избегала любой вероятности общения с Учителями в этой реальности, видимо, боясь разочароваться в идеалах. А вот Виталик имел по отношению к Школе вполне конкретную мечту. Он, как и Волька, в годы учёбы особенно симпатизировал профессору Карамуру и всегда жаждал узнать, кто же этот человек в реальности…

— Конечно, — кивнула Алия.

— Открой мне тайну Карамура?

— Карамура и Бабушки… — лукаво уточнила Алия-Лили, — о… это действительно тайна!

— И для тебя тоже?

— Нет, конечно, но я ничего не скажу об этом. Нет-нет, не пытай!

Она загадочно улыбалась.

— Всему своё время, милая. Когда вы с Вольдемаром пройдёте посвящение — узнаете всё: и кто они, и зачем они. Не раньше.

— Ещё одна тайна?

— Ничуть, — подобная упорная загадочность сбила меня с толку.

Что ж, ладно, оставим на потом разгадку.

Огляделась. Ребята переговаривались между собой, разделившись на парочки, меж ними словно возникли отдельные каналы, так, что собеседники слышали лишь друг друга, но не обращали внимания на диалоги остальных.

Уловила, как Стефан добродушно улыбнулся Вилке:

«— Девочка моя, я бесконечно рад, что ты не носила «маски» в школе и приходила в своём истинном облике!

— О, в этом даже усомниться было бы грешно — хохотала Вилка — моя серенькая внешность могла бы являться маской только для извращенки!»

Богдан же с деловитым видом призрачно намекал Вольдемару, что «негоже членам одной большой Семьи ради заработка отвлекаться на посторонние вещи, а у него как раз на сайте такая болезненная нехватка хороших программистов…»

Правильно-правильно, Богдан, давай, укрепляй сотрудничество и с реалом. Цепкий у тебя ум, хорошая хватка…

Пока вертела головой, Алия разговорилась с Серёжкой. Сказала, что уже читала первые номера, бесконечно довольна и хотела бы сотрудничать с газетой по мере сил. Намекнула, что клиника у неё не простая, там и гипноз — одним из методов

лечения. И столько интересных, мистических историй, связанных с человеческим сознанием, она ему порасскажет. Сергей заинтересованно кивал, предвкушая статьи, анализирующие и размышляющие…

Я же подумала о том, как воспримут ученики Школы такую замену? Можно пойти по пути наименьшего сопротивления и поменять им память на информационном уровне, как, не колеблясь ни секунды, проделали бы Алия и Стефан, но… Но теперь всё иначе. И методы отныне будут иными, более честными, что ли. Мы обсудим всё с Волей, думаю, он согласится со мной.

ЭПИЛОГ

А за окном ветер незаметно разогнал тучки, солнышко с любопытством заглянуло в щели между задёрнутыми портьерами, проникло сквозь преграду, которую они являли собой, захотелось сдёрнуть, убрать её. Один щелчок пальцами, кивок, и, официант сходу прочитал желание, услужливо кинулся к окнам, раздвигая тяжёлые шторы, впустил ликование природы внутрь.

Собравшиеся мгновенно замолчали, разулыбались, в полной тишине, откинувшись в креслах, умиротворённо потягивали сок.

Каждый сегодня понял что-то для себя, нечто глубоко личное, что открывается, обычно, в такие вот переломные, глобальные моменты.

Жизнь словно текла за стенами заведения, а здесь — замерла в одном мгновении, и все мы тут парим сейчас, в этом отдельном, особом отрезке, а когда шагнём за порог — снова нырнём в поток, сольёмся с миллиардами человеческих судеб, будучи днём обычными похожими в толпе, а ночью — творящими эти судьбы, этот Мир, его равновесие, защищая его, оберегая, наполняя светом и тьмой.

Мы — те, кто на страже мирной жизни, те, кто меняет сознание людей, высвобождает их потенциал, проявляя, давая возможность стать Творцом этой реальности. А стать им — значит увидеть НАСТОЯЩИЕ краски мира, ликовать всем сердцем, полюбить искренне эту жизнь стать свободным, счастливым хозяином собственного ОСОЗНАННОГО существования.

Ведь для этого, по сути, мы и рождаемся, приходим сюда, на эту планету.

КОНЕЦ

Или…?